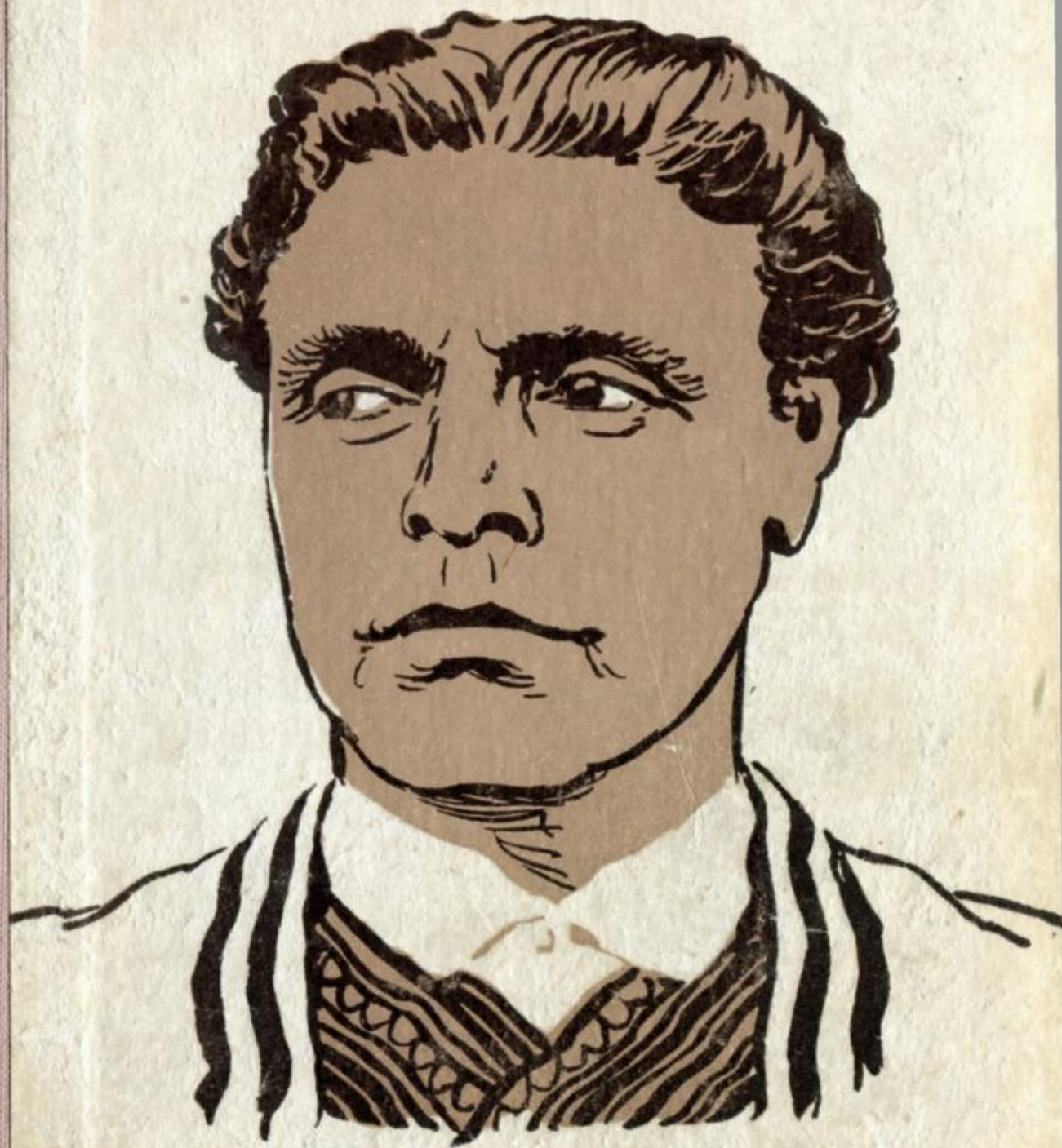

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. Стекольников

ВАСИЛ ЛЕВСКИЙ

ЖЗЛ

ВАСИЛ ЛЕВСКИЙ

А. Стекольников

Annotation

В своей книге А. Стекольников попытался воссоздать на фоне развития болгарского национального освободительного движения шестидесятых — семидесятых годов XIX века образ Васила Левского — идеолога и руководителя освободительной борьбы болгарского народа против национально-политического и экономического ига феодальной Турции.

- [Стекольников Александр Яковлевич](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [РУКОДЕЛЬНЫЙ ГОРОД](#)
 - [СЕМЬЯ](#)
 - [ПУТИ-ДОРОГИ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 -
 - [ГРОЗА ПРОШЛА СТОРОНОЙ](#)
 - [В СТАРА-ЗАГОРЕ](#)
 - [МОНАХ ИГНАТИЙ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 -
 - [ВСТАВАЙТЕ, БРАТЬЯ!](#)
 - [УХОД](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [МОНАХ СТАНОВИТСЯ ВОИНОМ](#)
 - [УЧИТЕЛЬ](#)

- СРЕДИ БОЛГАРСКИХ ЭМИГРАНТОВ
 - ГЛАВА ВТОРАЯ
 - ПОД ГАЙДУЦКИМ ЗНАМЕНЕМ
 - ВНОВЬ В БЕЛГРАДЕ
 - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
 - БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ
 - НА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЕ
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
 - ГЛАВА ПЕРВАЯ
 - ФУНДАМЕНТ РЕВОЛЮЦИИ ЗАКЛАДЫВАЕТСЯ
 - ВСТРЕЧА С КАРАВЕЛОВЫМ
 - О БУНТЕ ОН ВЕЛ СОКРОВЕННЫЕ РЕЧИ
 - ГЛАВА ВТОРАЯ
 - СТРАТЕГ РЕВОЛЮЦИИ
 - КОНФЕРЕНЦИЯ В БУХАРЕСТЕ
 - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
 - НА ПОДЪЕМЕ
 - ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. ЛЕВСКОГО
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
-

**Стекольников Александр
Яковлевич
ВАСИЛ ЛЕВСКИЙ**

ОТ АВТОРА

«...В конце шестидесятых годов XIX века уже существовала революционная партия... Она имела своих «апостолов» революции, замечательных агитаторов и организаторов. Самым выдающимся из них, без сомнения, был Васил Левский».

Димитр Благоев

6 июля 1837 года в городе Карлове, в Долине роз, родился Васил Иванов Кунчев.

В 1858 году, постригшись в монахи, он принял имя Игнатия.

В 1862 году при осаде белградской крепости, занятой турками, его за отвагу окрестили Левским.

В народе его называли Апостолом, проповедником революции.

Друзья звали Дьяконом из Карлова.

В революционном подполье его знали как Аслан Дервишоглу, Афыз Эфенди, Кырджала Мустафа и под многими другими именами, скрывавшими его от врагов.

Турки, поработившие его родину, звали его «баш комита» — главным бунтовщиком.

В страницы истории он записан под именем Василя Левского.

Монах, дьякон, знаменосец отряда гайдуков, организатор революционных комитетов, вождь болгарского национально-освободительного революционного движения — таковы этапы его пути.

Он прожил тридцать шесть лет. Одиннадцать из них отдал народу. Но эти одиннадцать лет составили в истории Болгарии целую эпоху.

Его жизнь была так ярка, что люди не хотели в нем видеть обыкновенного человека. Его рождение, жизнь, смерть они окружили легендами.

Для него не было высшей цели, чем служение народу, родине. Он говорил:

— Я посвятил себя отечеству своему и буду служить ему до смерти.

— Если я чего добьюсь, то добьюсь для всего народа, если потеряю, то потеряю только самого себя.

Он, желавший народу всего, что может дать радость свободного бытия, в личной жизни был чрезвычайно скромным.

Никакого женского имени история не сохранила рядом с ним. Он был однолюб: все его чувства, все помыслы принадлежали единственной возлюбленной — Болгарии.

6 февраля 1873 года Васил Левский погиб на виселице.

Но Левский живет в своем народе. Его имя, его пример вдохновляли болгарский народ, когда он, освободившись от чуженационального рабства, вступил в борьбу против рабства капиталистического, за справедливый общественный строй.

В подвиге Левского черпают силы строители новой, социалистической Болгарии.

Кто в грозной битве пал за свободу,
Тот не погибнет... —

сказал поэт, принявший из рук Левского знамя борьбы, — Христо Ботев.

В осенние дни 1944 года, продвигаясь с частями Советской Армии по Болгарии, автор этой книги попал в город Карлово. Здесь он впервые услышал о Василе

Левском. Жизнь человека, прошедшего путь от монастырской кельи до вождя революции, поразила. Захотелось узнать о нем больше. Но получилось так, что в нашей литературе эта жизнь не нашла должного отражения. Ни одной книги ни на русском, ни на другом языке народов нашей Родины не оказалось. И тогда автор решил, пользуясь болгарскими источниками, написать книгу о Левском,

Насколько удалась она, пусть судит читатель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Часть
первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РУКОДЕЛЬНЫЙ ГОРОД

Ночь пала на землю внезапно, как бывает на юге, в горах.

Два путника — один в длинной черной рясе, с высокой камилавкой на голове, другой совсем еще мальчик, с котомкой за плечами — поспешно пробирались по обезлюдевшему городку.

Показалась приземистая церквушка святой богородицы.

— Теперь уже недалеко, Васил, — подбодрил старший мальчика.

Когда вошли в церковный двор, облегченно вздохнули.

У церковной сторожки остановились. В оконце теплилась одинокая свеча. Постучали. Скрипнула дверь, и во двор вышел старый клисар — церковный служка. Узнав своих, поклонился, сказал:

— Добре дошли!

Путники осведомились, все ли в порядке, и, получив утвердительный ответ, пошли дальше. Вдоль каменной ограды вытянулось низкое серое здание — общинное девичье училище. Желтая акация раскинула над его кровлей свои зеленые ветки. Перед входом в училище — чешма, вода из нее течет в каменное корыто и, переливаясь, узким ручейком извивается по церковному двору.

Васил припал губами к холодной струе. Напившись, принялся мыть руки, лицо.

— Ты мойся, а я пойду. Да не опоздай вечером, — сказал старший.

— Хорошо, дядя!

Холодная вода сняла усталость. Легко вскинув на плечо котомку, мальчик зашагал к маленькой калитке. За ней, в другом дворе, монашеский скит, небольшое здание с деревянной галереей на втором этаже. Осторожно, чтобы не разбудить мирно спавших монахов, мальчик прошел в свою келью — узкую, темную каморку. Не зажигая свечи, на ощупь достал из котомки хлеб, овечий сыр и спустился вниз, к дяде.

Ужин был недолгим. Дорога разморила монаха.

— Ну, ты ешь, а я лягу.

Поев, мальчик прибрал комнату и поднялся к себе. Нули натруженные ноги, болели плечи, и сами закрывались глаза. Сбросив обувь, пыльное платье, Васил свалился на койку.

В келье посветлело. В оконце пробился отсвет где-то за горами поднимавшейся луны.

Тишина успокаивала. Усталое тело охватила сладкая истома, мальчику показалось, что он летит куда-то в

серебристую даль. Вдруг что-то остановило полет и всего встряхнуло — резко, грубо. Мальчик открыл глаза, и сознание остро, до боли пронзило:

— Урун! Тутун! [\[1\]](#)

Он прислушался, из тьмы доносились турецкие крики:

— Бей! Держи!

И тревожное болгарское:

— Пощадите!

Ночь прорезал леденящий душу вопль, и все стихло. Только испуганные собаки продолжали лаять и выть.

— О господи, опять погиб человек. За что? Мальчик зарылся лицом в подушку. Сна как не бывало. Тьма ночи наполнилась видениями недавнего.

...Дорога, опаленная зноем. Поднимая пыль, звеня цепями, бредут грязные, обросшие, изнуренные люди. Сквозь лохмотья их одежды видны следы побоев. По сторонам едут конные заппии — полицейские. Время от времени раздаётся окрик:

— Гяур, кепек! [\[2\]](#)

И на голову и спину несчастного падают удары плетью.

— За что? — прижимаясь к дяде, спрашивает мальчик.

— Молчи, после узнаешь.

Вспомнилось, как в школу вошел турок.

— Что здесь делает эта райя? — презрительно бросил он.

Когда турок ушел, мальчик спросил:

— Учитель, почему турки — турки, а мы — райя, стадо? Разве болгары не люди, а скот?

— Молчи, подрастешь — узнаешь.

Вспомнилась разоренная крестьянская семья.

— Все отнято — и дом, и хлеб, все до ниточки. Где поклонить голову с маленькими детушками? — причитает крестьянка.

— Кем отнято? Почему?

— Чорбаджи^[3] Ненко отнял, задолжал я ему,— ответил крестьянин.

— Разве Ненко турок?

— Э, милый, болгарский чорбаджи хуже турецкого разбойника.

Сколько встает этих «почему».

А ответа все нет и нет.

Думы о разлитом вокруг горе обжигают молодую душу. В келье кажется невыносимо жарко. Мальчик выходит на галерею.

Лунный свет залил мир. Над долиной от реки поднимается дрожащее марево. Предутренняя прохлада напоена ароматом лугов, садов.

— Боже, как хорошо устроена земля и как тяжело на ней жить. Почему?..

Удары в клепало возвестили о наступлении нового дня. Старый клисар размеренно бил по железной доске, заменявшей колокол, сзывая болгар на молитву.

Правоверных сынов ислама о наступлении нового дня извещал с высокого минарета муэдзин в белой чалме. Сложив ладони рупором у рта, он монотонно, нараспев возвещал:

Ля илляхе илля-лах,
вел Мухамеду расул юл-лах! ^[4]

Город просыпался.

В церковь святой богородицы прибывали богомольцы. Поздоровавшись, передавали друг другу слухи о ночном происшествии. Утром на дороге был найден убитый. В нем опознали болгарина, зажиточного жителя соседнего городка Сопот. Говорили об убитом, его семье, но не говорили об убийцах. Зачем? Кто они — известно: те, кто уже давно терзает болгарина. Крик,

который разбудил мальчика в монастырской келье, слышали многие. Но никто не вышел. Спасти несчастного было уже поздно. Задержать, преступника? Зачем? Все равно его судить не будут, да еще и сам угодишь в тюрьму за поимку убийцы.

У каждого было много тому примеров.

Припомнился случай, когда в том же Сопоте на двух горожан напали турки-грабители. На крики болгар о помощи поспешили соседи. Но что могли сделать они, безоружные, против вооруженных разбойников? Кончилось тем, что погибло несколько болгар. Убийцы были найдены и арестованы. Но через несколько дней освобождены. Почему? За недоказанностью преступления? Нет! Потому что убийцы сами не признали за собой вины.

Да-да, именно поэтому! Таковы тогда были порядки в судах Турецкой империи. Свидетельские показания христиан в турецком суде не принимались. Обвинение могло быть подтверждено только показаниями двух турок. А захочет ли турок показать против соотечественника? Но даже если это случалось, то и тогда требовалось, чтобы преступник сам признал свою вину. Но никто не грабит и не убивает при свидетелях и никто добровольно не признается в совершенном преступлении.

— Их законы похожи на сырую кожу, которую можно растянуть во все стороны, в какую только захочешь, — говорили о турецком правосудии болгары.

Заутреня окончилась, и люди заспешили каждый к своему делу. Отправился и Васил. Его пригласили друзья отца на праздник посвящения ученика в полноправного члена цеха, помощника мастера.

Торгово-ремесленная часть города чувствовалась издалека. Сюда тянулись горожане и селяне, вереницы повозок и тяжело навьюченных ослов. Особеннолюдно здесь бывало в праздничные дни. Сколько покупателей,

сколько праздных зевак привлекали эти шумные улицы и широкая базарная площадь.

Чаршия — так называлась в ту пору торговая часть болгарского города. В Карлове, родном городе Василя, чаршия занимала несколько улиц. Выходили они на площадь, в юго-восточной части которой высилась часовая шестигранная башня.

Своеобразны чаршийские улицы. Тянутся вдоль них торговые лавки попеременно с мастерскими, кофейнями и гостилницами, где можно быстро и по дешевке закусить.

Товар весь на виду. Он разложен на широком, открытом с улицы прилавке, свисает с потолка, лежит перед лавкой. Сам торговец сидит на прилавке, спустив ноги на улицу. Он зазывает покупателей, расхваливая свой товар, перекидывается прибаутками с глазающими.

Столбы, подпирающие крышу, и сама крыша, покрытая красной черепицей, завиты диким виноградом. Зимой возле лавок стоят железные мангалы с раскаленными углями. Свесив ноги, торговец покачивает ими над мангалом: и ноги греются, и раздуваются угли. В помещении лавок мангалы не разжигают — боятся пожара.

Чего только нет в этих лавках! Ножи и гвозди, топоры и серпы, шерстяные и шелковые ткани, тонкие изделия ювелиров, медная и деревянная домашняя утварь, кожи, меха, обувь, готовая одежда, ковры, украшения для городских модниц и сельских красавиц.

И все это производится тут же, в городе, а то и в самой лавке.

Усевшись по-восточному, шьет хомут шорник. Ловко работая шилом и дратвой, он успевает сообщить покупателю цену на уздечку, сказать, что такой и на всех Балканах не сыщешь. Его сынишка лет пятнадцати воцелит ему дратву, а меньшей возится у чана, в котором замочены кожи.

Из медницких несется drobный стук молоточков, чеканящих на домашней утвари затейливые узоры.

В кузницах ухают молоты, отковывая подковы, заготовки для ножей, ножниц, серпов.

А неподалеку, спустив очки на кончик носа, старый мастер сосредоточенно обрабатывает бронзовый перстенок — отраду какой-нибудь сельской девушки, у которой нет денег на серебряное или золотое колечко.

Здесь же можно заказать или купить готовое платье, обувь. Вон хотя бы у того башмачника, что натягивает на колодку красный сафьян.

Хоть и не ново все это Васили, но как не остановиться возле портного, отделывающего куртку разноцветным шнуром, как не заглядеться на волшебников, которые серый расплавленный свинец и яркую бронзу превращают в узорчатые дивити — чернильницы. Грамотеи не только Карлова, но и всей Фракии носят такие чернильницы на поясах.

А как трудно пройти мимо гостилниц, откуда несутся запахи кофе, жаренной на углях баранины, сладкого слоеного пирога — баницы. Но тут задерживаться не к чему — в кармане ни гроша. Да и надо поторапливаться в хан, где уже собрались гайтанджии.

Замечательное заведение болгарский хан — постоянный двор. Это место встречи друзей, где так приятно провести время за стаканом ракии, чашкой кофе. Здесь можно, не разговаривая, часами метать кости увлекательной игры в нарты или, потягивая ароматный табачный дымок, с бульканьем пробивающийся через воду курительного прибора — наргиле, унестись в мир грез, сладостных, но несбыточных. Приезжий может оставить тут коня, повозку, товар, поест и переночевать.

В такой хан, каких не так уж мало в богатом Карлове, и зашел Васил. Здесь сегодня собрались гайтанджии — производители гайтана, шнура, столь

прославившего Карлово в подвластных турецкому султану землях. Но прежде речь не о гайтане, а о людях, делающих его. Их сегодня здесь много — веселых, оживленных, празднично одетых. Васил — частый гость в этой среде, где так хорошо помнят его отца.

А вот и сам виновник торжества. Лицо его сияет, глаза горят. Еще бы — несколько мгновений отделяют его от вершины блаженства. Прошное забыто — впереди самостоятельная жизнь. Забыты три года обучения, когда за многочасовой труд в мастерской и в домашнем хозяйстве мастера получал он только скудную пищу да пару обуви в год.

Прибыл уста-башия — главный мастер, председатель правления цеха — в сопровождении кассира и чауша — сборщика взносов в цеховую кассу. Поздоровавшись с каждым за руку, уста-башия вышел на середину зала и торжественно произнес:

— Иванчо Христо Николов! Подойди ко мне!

Из толпы вышел смуглый паренек. Волнуясь, подошел к уста-башию, поцеловал руку. Положил поясные поклоны всем присутствующим и смирно встал. Уста-башия для порядка, как положено по уставу, спросил чауша, внес ли посвящаемый вступительный взнос, а затем обратился с кратким напутствием:

— Учился ты, как говорит твой мастер, хорошо. Дело освоил отлично. Цеха не посрамишь. Юнак ты скромный, может, скоро хозяйку в дом введешь. Вот тебе от цеха подарок на обзаведение.

Вручив подарок, уста-башия развернулся и от всей души влепил посвящаемому по шее. Иванчо аж крикнул.

— Будь, как я! — провозгласил уста-башия.

На этом церемония закончилась. Компания шумно уселась за стол. Наполнили чаши. Выпили за посвященного и его учителя.

Заметив Василя, уста-башия подозвал его к себе.

— Ну как, Васил, живется? Жаль, что по пути отца своего ты не пошел. Какой был мастер Иван Кунчев! Гайтан сплетет, что лучший редко сыщешь, а покрасит его так, что ни вода, ни солнце цвета первородного не испортят.

— А какой человек был! — подхватили друзья Ивана Кунчева. — Справедливый, щедрый, отзывчивый. Бывало, как возникнет какой спор, обращались к твоему отцу. Что решит он, так тому и быть.

Старый мастер взял юношу за руки чуть ниже плеч, потряс.

— Ну и крепок же мальчонка!

— В отца.

— Да и ростом в него. Не так, чтобы высок, но и не мал. И глаза его, голубые, да и волосы такие же русые.

— Ну, не захваливайте хлопца, — вмешался уставший. — Посмотрим, каким он будет на деле, — и, уже обращаясь к юноше, добавил: — Ладно, Васил. Мастером, как отец, ты не стал. Но человеком смелым, честным, род свой болгарский горячо любящим, ты обязан быть. Таким был твой отец. Помни это!

Долго еще сидят в гостеприимном хане искусные гайтанджии. Вспоминают старину, обсуждают дела текущие, с тревогой всматриваются в день завтрашний. Уж очень много грозных предзнаменований вставало на горизонте.

На смену деревянному станку, доступному каждому, неотвратимо шел станок железный, дорогой, высокопроизводительный. То тут, то там закрывались мелкие мастерские, и их хозяева нанимались к богатым владельцам железных станов... Неподалеку, за Средна-горой, в Сливене, уже работала первая ткацкая фабрика. Пойди угонись за ней!

Подозрительна и появившаяся в городах новая мода: носить платье европейского покроя. Гайтан для украшения такой одежды не нужен, да и ткань

требуется другая, какую кустарь на своем станке не вырабатывает. Да и эти, всякие энглези и франки, все больше лезут со своими товарами на болгарскую землю.

Что-то будет? Что-то будет?

Невеселые думы обуревают мастеров.

Молодежь они отпустили, и она веселой гурьбой отправилась за город.

Шли вдоль Стара-реки. Неширокая и неглубокая, обыкновенная горная речка, каких много в Болгарии, она питала энергией промышленность города. Почти на всем ее протяжении — от Карлова до пролома в Балканах — на ее берегах расположились чарки, тепавицы, дараки, мельницы, кузницы.

Практичный и предприимчивый болгарин давно научился пользоваться быстротечными водами бегущих с гор рек.

Вначале это был хлеб насущный. Ставил крестьянин на реке долап — огромное деревянное колесо с лопастями, подводил по желобу к нему воду реки. Шумно падала вода на лопасти долапа, а тот, тяжело вертясь и отчаянно скрежеща, крутил жернова.

Позже к долапу стали делать приспособления, с их помощью ковали железо, резали бревна, вытачивали чашки, ложки и прочую кухонную утварь.

А потом пошло и пошло. С появлением огнестрельного оружия у реки выросли динки. Мололи они «черное просо» — порох. С ростом промышленности у реки ставили чарки, на которых вязали гайтан, тепавицы, где валяли сукно, даракчийницы, где чесали шерсть.

И все это стучало, грохотало, скрежетало. Оглушающий, резкий шум стоял над всей округой.

Не легок был здесь труд. В полутемных низеньких строениях, в пыли и грязи работали по четырнадцать-шестнадцать, а кое-где и по восемнадцать часов. Два раза в день отрывались от работы, чтобы наскоро

поесть. По традиции владельцы мастерских кормили наемных рабочих. Получали они хлеб, похлебку с бобами или чечевицей, лук да репу, которую прозвали «абаджийским сыром». Видимо, настоящий сыр для абаджия — ремесленника, изготавливавшего абу, грубую шерстяную ткань, — был роскошью. Да и среднего достатка мастера питались не лучше.

Ко второй четверти XIX столетия на фоне болгарской жизни все рельефнее вырисовывалась злобная фигура крупного торговца-предпринимателя. Он подминал под себя все. Разорял мелких производителей, закабалял крестьян, ростовщическими сетями опутывал горожан, заставлял работать на себя целые деревни за чечевичную похлебку.

Солнце клонится к западу, а станки все стучат и стучат. Скручивают, вяжут из шерстяной пряжи гайтан. Гайтана так много, что, кажется, им можно обвить не только Карлово, но и всю болгарскую землю. Две тысячи станков. Четыре миллиона кусков гайтана в год.

Развезут его торговцы по всем уголкам Турецкой империи. Искусные портные украсят разноцветным шнуром — гайтаном — одежду.

Кардовский ремесленник выдумал это украшение, полюбившееся Востоку.

Тысячи карловцев живут доходами от выделки гайтана. И вдруг какие-то нелепые европейские пиджаки и узкие, как трубы, штаны вытесняют гайтан.

Ну как тут не встревожиться!

Шагает молодежь вдоль Стара-реки, мимо грохочущих чарков. Яркий день радует душу, но и жизнь напоминает о себе. Нет, нет да и скажет кто-нибудь:

— А цена на гайтан опять упала.

— В Узунджове на ярмарке, говорят, гайтан шел хуже, чем прежде.

Резкий, неприятный шум уступил место звукам, ласкающим слух. С высокой скалы падали с хрустальным звоном чистые воды Стара-реки. Зарождаясь где-то в горах седого Балкана, она низвергалась в Карловскую долину шумным водопадом Сучурум, что значит «Летающая вода».

Сюда, под тень скалистого ущелья, поближе к речке говорливой, и направились юноши.

Усталые, разгоряченные зноем летнего дня, поднялись ближе к водопаду, откуда он начинает свой полет. Перед ними развернулась хоть и давно знакомая, но каждый раз по-новому трогающая душу картина.

На севере, теряясь в небе, вздымается Балкан. На юге тянется мягко очерченная Средна-горская цепь. Между ними — Карловская долина. Долина роз, садов и виноградников, ореховых и каштановых рощ, богатых нив и сочных пастбищ, звенящих горных потоков и чистоструйной реки Стрямы. Недаром турки называли ее Гйок-су — «Небесные воды».

Никто больше Карлова и окрестных сел не дает благоуханного розового масла, которое дороже золота.

У крутых склонов Балкана приютился сам Карлово, город с десятком тысяч жителей. Когда смотришь на него сверху, он кажется сплошным садом. По его улицам и улочкам, по многочисленным канавам и канавкам бегут ручейками воды Стара-реки.

В городе — два города: верхний — турецкий, нижний — болгарский.

В верхней части, более прохладной, здоровой — богатые дома с обширными дворами и садами, дома турецкой аристократии.

В нижней — домишки болгарских ремесленников, мелких торговцев, бедноты. Здесь скученно, тесно. Но и здесь с каждым годом все больше растут вширь и ввысь усадьбы болгарских богатеев — владельцев чарков, мастерских, розоварен, торговых контор.

Вот он какой, Карлово, «самый рукодельный город» на болгарской земле.

СЕМЬЯ

Прошел год со дня смерти Ивана Кунчева. По старинному обычаю помянуть покойного собрались его родственники и друзья. Гина Кунчева в черном головном платке — знак траура — хлопотливо встречала гостей.

В сопровождении пяти своих сынов и дочери пришел брат покойного — Велю с женой.

Следом за ними стали прибывать Караивановы — братья и сестры Гины.

Многочислен род Караивановых. Отец Гины, Иван Тахчиев, замечательный строитель колодцев и мощеных дорог, оставил большое потомство: четырех сыновей и четырех дочерей.

Вот они, представители рода Караивановых. Перекрестясь, переступил порог хаджи Василий — монах Хилендарского монастыря, второй брат Гины. Вскоре пришли братья Атанас и хаджи Пейо.

Сестры Гины — Дона, Гана, Мария — и замужняя дочь Яна уже давно в доме, помогают хозяйке.

Во дворе и на открытой веранде, несмотря на серьезность повода к сбору, резвятся отпрыски рода Кунчевых и Караивановых.

Отличить Кунчевых от Караивановых можно даже по внешним признакам. В роду Кунчевых больше блондинов, в роду Караивановых — жгучие брюнеты. Сам родоначальник Иван Тахчиев был так смугл, что его прозвали Кара Иваном, Черным Иваном. Прозвище это утвердилось за всем его потомством.

Наконец появился старший из братьев Караивановых — Генчо, владелец известного в Карлове хана. Во дворе и в доме сразу стихло. Степенный, строгий и добрый

Генчо пользовался в семье большим уважением. С тех пор как осиротела семья, Генчо стал во главе ее и не оставлял о ней забот до последних дней своих.

Хозяйка пригласила к столу. Монах Василий прочитал молитву, осенил крестным знамением присутствующих, и все уселись на домотканом ковре, вокруг низенького круглого стола — софры.

Выпита за покойного положенная чарка, испробованы закуски, и полилась мирная беседа людей, в жизни которых ни для кого из них нет ничего неизвестного, тайного.

Болгарские семьи крепки, патриархальны. Родительская и братская любовь в них развита чрезвычайно сильно.

В условиях чужеземного ига, национального и политического бесправия болгарин чувствовал себя свободным только в своем доме.

Здесь, окруженный сыновьями и дочерьми, снохами и внуками, он жил по законам своей веры и освященным веками традициям.

Господство тирана, разрушив болгарское государство, укрепило домашний очаг болгарина, эту основную клетку национального организма, где никогда не отмирало чувство общности поработленного народа, неугасимо жили его язык, его культура, его обычаи.

С любовью и тревогой поглядывают на детей своих Кунчевы и Караивановы. Время беспокойное. Переполняется чаша терпения народа. Все чаще оно бурно переливается через край и разливается бунтами, восстаниями, как-то сложится жизнь детей? По какому пути пойдут они? Будут ли покорно ждать изменения судьбы или возьмутся своими руками ковать свое будущее?

И кто знает, может быть, уже тогда томили их тяжкие предчувствия. Многих сынов, родственников,

близких друзей потеряют Кунчевы и Караивановы на кровавых путях, по которым шла их отчизна, к свободе.

Сидят рядышком две матери: Гина — вдова Ивана Кунчева и Тина — жена брата его, Велю Кунчева. Видно, сам бог наградил их не только схожими именами, но и схожими судьбами.

Одними радостями они радовались рождению детей, одними слезами оплакивали их гибель.

Из восьми их сынов семеро изберут путь борьбы и пятеро отдадут борьбе свои жизни.

Измученные терзаниями за детей, натерпевшиеся гонений от их убийц, они умрут в один и тот же год со словами: «Дети, дети...»

И прозвучит в тех словах и скорбь, и последнее прощанье, и последняя радость: погибли их дети, но отныне вольны дети всех болгарских матерей.

Они умерли в 1878 году, когда многострадальную их землю озарили первые лучи свободы.

В тот вечер Васил не вернулся с дядей в монастырский метох, остался у матери.

Разошлись дяди и тетки, и в доме стало тихо и пусто. Вздурораженные воспоминаниями об отце, дети тесно прижались к матери. И она, печальная и ласковая, усадила их рядом с собой: восьмилетнего белокурого Петра и смуглого, с большими черными глазами двенадцатилетнего Христо.

Подсел к ним и Васил. Было ему в ту пору пятнадцать лет. Но мать давно привыкла видеть в нем своего помощника.

Когда в 1844 году отец Василя, Иван Кунчев, искусный мастер гайтана, заболел и вскоре ослеп, все заботы в семье и доме легли на плечи его жены Гины.

Работящая, никогда не расстававшаяся с прялкой и ткацким станом — ни девушкой в доме отца, ни после

замужества, — она с удвоенной энергией боролась с неожиданно нагрянувшей бедой.

Долго по ночам светился в доме Кунчевых огонек, жужжало веретено, а с утра, чуть забрезжит рассвет, Гина вновь на ногах.

Рядом с домом мастерская. Там раньше работал ее муж, а теперь она сама красила ткани и гайтан.

По дому помогали старшая дочь Яна и Васил. Сын чесал шерсть, ходил в лес за дровами, разносил заказчикам окрашенный матерью гайтан. Не у дел был в этой трудолюбивой семье только больной ее глава. В последние годы он все чаще повторял: «Зачем я только живу, ем хлеб детей своих».

В 1851 году Иван Кунчев скончался. Вскоре умерла младшая Марийка. За год до смерти отца вышла замуж Яна. Осталась Гина с тремя сыновьями. Вот она сидит с ними, вспоминает прошедшие годы. Много в них было горького, тяжкого. Но не сломили они Гину. Она все так же красива, стройна. В ее фигуре, во всем ее облике сохранились девичья чистота и строгость. Кто подумает, что ей тридцать пятый год, что она мать пятерых детей? Люди, знавшие ее, говорили, что эта черноокая женщина с умным приятным лицом и мелодичным голосом обладала твердым характером, большим самообладанием, бесстрашием и была неиссякаемо жизнерадостна.

Как о матери, о ней можно сказать словами болгарской народной песни: «На прялке пряла, трех сирот вскормила, трех сирот, трех сизых соколов».

Она жила для детей, жила их счастьем, их жизнью. Васил, ее первый сын, был ее сердечной слабостью. Его она любила горячо, страстно, самоотверженно.

— Он наполнял радостью наш осиротевший дом, мое вдовье сердце, — говорила позже о нем Гина.

Она мечтала видеть своего сына священником, просвещенным человеком. Сделаться священником в те

времена было, пожалуй, единственной возможностью обрести путь к образованию.

Но материальные затруднения, наступившие в семье с болезнью отца, осложнили выполнение задуманного. Пришлось определить Басила в килийное училище. Давало оно скудные знания, преимущественно религиозные. Через год мать перевела сына в школу взаимного обучения. Так называлась она потому, что старшие ее ученики помогали обучать младших. Здесь Васил пробыл три года. Дальше учиться не смог. Смерть отца заставила уйти из школы и заняться портняжничеством.

В ту пору, в 1852 году, в Карлово прибыл с Афона брат Гины — иеромонах Хилендарского монастыря хаджи Василий. В его делах по исполнению церковной службы в Карлове и окрестных селах требовался помощник. За это и ухватилась Гина, как за последнее средство достичь желаемого. Она отдала сына на воспитание дяде, получив от него обещание позаботиться об образовании племянника.

Так Васил на пятнадцатом году стал послушником при дяде-иеромонахе.

Новая жизнь для Басила только что началась. Все ему нравится: и монастырская усадьба, и служба в церкви, и хождение по селам. Об этом, сидя возле камелька, он и рассказывает матери и братьям.

Однако пора и спать. Мать расстилает на ковре постель, и братья укладываются рядышком. Но чуть из комнаты вышла мать, чтобы закончить последние дневные работы, шустрый черноглазый Христо прильнул к брату:

— Васил, расскажи что-нибудь.

Васил любит сказки, а еще больше народные песни и сказания об отважных гайдуках, о смелых воеводах. Много он слышал их и от бабушки и от старших товарищей. Героические песни доводилось ему слушать

и на посиделках, притулясь в уголку, в сторонке от взрослых.

— Ну, хорошо, — соглашается Васил, я вам расскажу о Стояне-воеводе. Слушайте...

Славен воевода, Золотой Стоян!
Не велика его дружина,
Но сговорна и отважна.
У дружины его
Длинные ружья на плечах,
Золотые ятаганы за поясом,
Патронташи из чистого золота.

— Неужто из чистого золота, Васил?

— Да, из золота. Много его он у турок поотнимал. Потому и звали его Золотым Стояном. Долго ходил он по горам и лесам, прислушивался к стону народному, судил своим судом поганных притеснителей. Дошел до него слух, что больше всех горя причинил, больше всех крови болгарской пролил свирепый турок Кула-Байрактар. И порешил Стоян убить изверга. Много дорог исходил он, много обшарил лесов дремучих, ущелий глубоких, а злодея все нет как нет. Но вот попался Стояну человек, который знал, где укрывается Кула-Байрактар. И сказал тому человеку Стоян...

— А что он ему сказал? — не утерпел Христо.

— Не спеши. Все узнаешь, — мягко ответил Васил и тут же по-мальчишески звонко выкрикнул:

— А сказал он ему вот что:

— Эй ты, Киря, горский староста,
Или всю ты правду скажешь,
Всю мне истину расскажешь,
Или башку тебе снесу я,
Что Петровскому цыпленку [\[5\]](#),

Что весеннему ягненку,
Что оперившейся птичке.

Перепугался Киря, горский староста, взмолился:

— Воевода, Золотой Стоян,
Мне обманывать тебя нельзя
И шутить с тобой не пристало, —
Всю я истину скажу,
Всю те правду доложу.

Повел Киря Стояна в телятник, где прятался Кула-
Байрактар.

Как пришли они в телятник,
Видят перед ними Кула-Байрактар
И двенадцать басурман-сейменов...[\[6\]](#)
— Эй ты, Кула — славный Байрактар! —
Молвил воевода тут Стоян,
Саблей вострою махая: —
Ты зачем попал в телятник?
Уж не гайдуков ли
Хочешь здесь ловить?
И башка Байрактара
Покатилась с плеч долой.

От такого рассказа у мальчишек дух захватило. Хоть
и страшновато, но хочется слушать еще и еще, и они
пристают к брату:

— Васил, расскажи еще! Про Димитра Колачли...
— Да вы же о нем знаете.
— А ты еще расскажи.
И Васил снова начинает:

— Был это самый знаменитый из всех знаменитых болгарских воевод. Двенадцать лет ходил он со своими молодцами по Фракии и Добрудже. Знаменосцем у него был Златю Конарин, тот самый, который так туркам насолил, что его именем турецкие матери и до сих пор детей своих пугают...

Льется в ночной тиши занимательный рассказ. Лежат малыши, не шелохнутся, только учащенное их дыхание говорит, что не спят они, слушают. Васил г и сам было увлекся, да вдруг раздалось чье-то посапывание. Васил приподнялся, поглядел на братьев. Меньшой уже спал, прижавшись белокурой головкой к плечу Христо.

ПУТИ-ДОРОГИ

Закончилась страда деревенская. Ушло лето — мука бедняцкая, наступила зима — сельская лень. Так говорится в пословице, а селянину всегда найдется забота. Но как бы ни было, а зимой все же вольготнее. Недаром и праздников больше в зимние месяцы. Болгары так и говорят: «Пришел. Петков день (14 октября) — привел праздники».

Откормлены к этому времени боровы, созрело новое вино, можно начинать свадьбы, устраивать семейные торжества.

У Басила с дядей прибавилось дел. Только успевай венчать, служить молебны, ходить по гостям. А вечером Басила нет-нет да и позовут друзья на седянку. Был тогда Васил на шестнадцатом году, собой статный, девушкам нравился. Приглашали и за голос его — звонкий, чистый.

Седянки — русские посиделки, украинские вечерницы. В славянских землях придуманы эти развлечения сельской молодежи в долгие осенние и

зимние вечера. На седянку, устраиваемую в доме подружки, собираются девушки и парни. Девушки приходят с прялками, вязальными спицами, с пяльцами для вышивки. Но рукоделье, как оно ни мило девушкам, не главная цель седянки — идут сюда, чтобы повеселиться, послушать парней, да и что скрывать — перекинуться взглядом с тем, по ком уже давно стосковалось сердце девичье. И для парней в те времена строгой нравственности седянка была чуть ли не единственной возможностью поближе познакомиться с приглянувшейся девушкой, а при случае и договориться о свадьбе.

Иногда девушки с разрешения матерей устраивали седянки тайком от парней, где-либо в доме, в котором в тот вечер отсутствовали мужчины. Но всегда случалось так, что парни легко открывали место тайного сбора и шли туда непрошеными. Обычай требовал не впускать незваных гостей по первому стуку. Пусть прежде выстоят положенное время у дверей, вымолят разрешение войти в дом. Когда соблюдены все правила, парней впускали, и они усаживались напротив девушек. В красном углу, откуда все видно, располагалась хозяйка дома — охранительница благопристойности.

Ребята наперебой старались веселить девушек: кто остроумным рассказом, кто острым словцом, кто удачно выкинутым коленцем.

Девушки степенно вязали, вышивали, изредка вскидывая глаза то на говорящего, то на того, кто ждал этого взгляда.

Кто-либо из парней заводил песню, ее подхватывали. И хоть много вплеталось голосов, но голос Василя не терялся, он звенел и вился какими-то своими путями. И не раз случалось, что певшие, как бы сговорясь, враз обрывали песню, чтобы дать простор Василю, а он, увлеченный, продолжал петь, не замечая, что товарищи замолкли.

У сидянок были свои песни — седникарские. Особенно полюбилась девушкам песня о Калинке-воеводе. Пели ее, когда были уверены, что никто посторонний не подслушивает.

Договаривалась Калинка
С царем русским Николаем [7]
Против султана идти,
С турком бой вести.
Обещал ей царь
Половину царства,
Половину царства, государства
И коней с седлами.
Поднялась девушка Калинка,
Оделась в одежды юнацкие,
Перепоясалась саблей острою,
На плечо вскинула ружьецо.
Собрала Калинка юнаков,
Повела их в бой с турками.
Билась она три дня и три ночи,
Взяла она Варну и Каварну,
Взяла она Добрич и Силистру
И к царю пошла,
Царю такое слово молвила:

— Ой ты, царь, ты мой государь!
Обещал ты мне царство
И коней с седлами.
Но довольно с меня, предовольно,
Если ты, государь,
Освободишь от турок
Народ мой [8].

Пропеты песни. Кто-либо из хлопцев вынимает кавал, и под звуки его закрутится огненное хоро.

А потом разомкнется круг и выйдет на середину лучший танцор. Грянет гайда рученицу. Вострепнется от первых звуков ее танцор, замрет на мгновение и вдруг, как стрела, спущенная с тугой тетивы, взвьется и пронесется в лихой пляске. Гайда все ускоряет темп, и кажется, уже не уследить за движениями пляшущего. Он то взметнется ввысь, то кружится, как волчок, то легко прыгает, как серна гор. Глядя на него, не могут удержаться и зрители. Они хоть и не пустились в пляс, но загляните в их глаза, поглядите на их плечи, руки, спины — все их существо во власти звуков, лихого ритма...

Пропели первые петухи. Как полагается, хозяйка начинает уговаривать хлопцев расходиться по домам, а они отказываются, просят девушек спеть на прощанье. И девушки соглашаются. Заводят песни, в которых упоминаются имена присутствующих. За частушками следует дарение цветов. Но чтобы получить цветок, немало приходится парню упрашивать свою зазнобушку.

На самой зорьке расходятся по домам хлопцы. Недаром посиделки назывались дозорьками, досветками.

Но когда соберутся девушки на тлаку, тут уже никто не мешает им посудачить о своих делах. С наступлением осени тлаки устраиваются часто. То та, то другая подружка выходит замуж. Ну как не помочь ей приготовить приданое! И девушки собираются в доме невесты шить, вязать, вышивать. За песней и разговорами дело спорится, и сундук быстро наполняется всяким рукодельным добром.

Зима в Долине роз так не похожа на зиму, что стоит за Стара Планиной, в северной части болгарской земли. Там она и снегом богата, и вьюгами, и морозами крепкими да долгими. А здесь, в Карловской котловине, зима точно малое дитя: то плачет, то смеется, то снег иль дождь идет, то солнце греет.

Декабрь. На носу сочельник, а в Карлове и по ночам тепло. Только лишь горы побелели да лес оголился, почернел. Бродят по нему карловчане с топорами, выискивают пни покрепче да посмолистее. Тут и Васил с братом Христо.

В канун рождества загорится в камине каждого болгарского дома смолянистый пень, и будут хозяйки неусыпно следить, чтобы не погас огонь всю ночь. От этой ночи бдения и получил пень название «будник», а канун рождества, сочельник, — «будни вечер».

Большими церемониями обставляется празднование будни вечера. С утра хозяйки заняты приготовлением обильной еды для вечерней трапезы. Когда все готово, накрывается праздничный стол. Между блюдами кладут щепотки сухого навоза, взятого из трех куч, солому — из трех скирд, насыпают песок, взятый ночью из реки. Навоз, песок и солома — символы плодородия. Когда сыплют на стол песок, приговаривают: «Колкото песык, толкова и вреськ» (сколько песчинок, столько и младенцев). После праздника навоз со стола разбрасывают по нивам и виноградникам, а песок возле амбаров: да будет богатым урожай, да будут полны зерном закрома!

Под столом расстилается солома. После праздника отнесут ее до восхода солнца в сады, обвяжут ею ветки деревьев, чтобы больше родили плодов, разбросают ее в курятниках, чтобы несли птицы больше яиц.

Но вот приготовления закончены. Наступает вечер.

Хозяйки, святой обычай соблюдая,
Будни вечер, будни праздник встретят
Буйным пламенем горящего камина.

(П. Славейков)

В доме Гины Кунчевой за праздничным столом собрались трое ее сынов, дочь с мужем и старший брат хаджи Василий. Прежде чем приступить к трапезе, иеромонах Василий, как полагается старшему в доме, заправил кадило ладаном и углями и, свершив молитву, стал кадить по комнате, а затем и по всем углам хозяйского дома и дворовым постройкам.

Для кого праздник — веселье, а для Васи — работа. Святки прошли в церковных службах, молебствиях по домам. Васил и не заметил, как наступило 1 января. Для семьи Кунчевых это не только Новый год, но и день именин двух Василиев: сына Гины и ее брата, иеромонаха. Утром в церкви св. богородицы была отслужена литургия в честь святого Василия, на которой присутствовала вся родня Кунчевых и Караивановых.

Для братьев Васи, Христо и Петра, праздник начался значительно раньше. За несколько дней до Нового года вместе с другими мальчишками они нарезали кизиловых веточек, обвязали их бумажными цветами и лентами. Когда занялась заря Нового года, из всех болгарских домов повысыпали ребята с украшенными ветками — суровакницами — в руках. Началось колядование.

Дети ходят из дома в дом, хлещут хозяев суровакницами, желают им доброго здоровья, приговаривают:

Плодородный, плодородный год,
Веселый, веселый год,
Золотой колос на поле,
Красное яблоко в саду,
Крупная гроздь винограда,

Полные амбары хлеба,
Полные хлевы скота,

Полный дом детей.

Как ни много праздников принес Петков день, но пришел и им конец. Пролетели «бабьи дни» марта с неустойчивой, капризной погодой. Очистилось небо от серых, низко ползущих облаков. Просохли дороги.

На заре монах Василий с племянником отправились в очередной поход по селам.

В ту пору крупные болгарские монастыри имели в городах свои отделения — метохы, где останавливались странствующие монахи — таксидиоты, собиравшие пожертвования и привлекавшие паломников в свои монастыри.

Иеромонах Василий был настоятелем Карловского метоха Хилендарского монастыря на Афоне и исповедником. Он ходил по селам, исповедовал верующих, совершал другие религиозные обряды и собирал подаяния для своего монастыря.

Монах и его юный помощник шагали на юг, туда, где река Стряма выбирается из Карловской котловины на широкие просторы Фракии.

По долине шествовала весна. Веселее звенели горные потоки. Обогащенная их водами, вспухла и помутнела Стряма. В садах и вдоль дорог стояли в цвету деревья. На левадах, на полянках ореховых рощ, из-под каждого камешка пробивалась молодая травка, тянулась ввысь, к солнцу, сверкавшему в голубых высотах. Робким шумом новой листвы наполнились леса на склонах гор.

Мир окрасился в зелено-голубой цвет. И только гордые вершины Балкана не сняли своих белых шапок перед юной красавицей весной.

Стало людней на полях и дорогах. Малая, худенькая коровенка тащит кривой деревянный сук — подобие

сохи. Ей помогает мужичонка, изо всех сил подталкивая допотопное орудие. Неподалеку мерно шагает сеятель, бросая из лукошка семена. За ним корова тянет борону: толстую доску, в которую воткнуты колючие ветки цепкого кустарника. Там, где хозяин побогаче, на поле виден деревянный плуг с железным лемехом и тянут его уже не коровы, а пара сытых быков.

Покрикивая на пешеходов, сгоняя их с дороги, едет на коне богатый турок. За ним повозки с женами, детьми, слугами, разноцветными одеялами и пестрыми коврами. С наступлением теплых дней турецкая знать из Карлова потянулась в Баню — большое село, расположенное у горячих целебных источников.

Здесь монаху Василию нечего делать. Жители Бани в случае надобности сами могут прийти в Карлово, до которого недалеко. Василию надо спешить в село Чукурлии, куда он вызван для исповеди больного.

Дорога идет прямо на юг, по невысоким округлым холмам с плешивыми макушками и заросшими акацией склонами.

С одного из холмов, в глубокой впадине, открылось село. Это и есть Чукурлии. Неподалеку от него видны развалины.

— Что там было? — спросил дядю Васил.

— Монастырь.

— Это они его разрушили?

— Они.

Васил уже не спрашивает: почему? Он только пристально вглядывается, словно хочет запомнить навсегда.

Село Чукурлии — типичное болгарское село. Дома его разбросаны в беспорядке, но живописно. Почти у каждого домика садик с цветами. Болгары, особенно женщины, большие любители цветов. Цветы — существенная часть их туалета. Отправляясь в гости, на вечеринку, какая молодая болгарка или болгарин не

заткнет цветок в волосы, за пояс. Цветами они украшают жилища, иконы, церкви. Вручением цветка на танцах или у колодца девушка указывает избранника своего сердца.

Дома просторны и опрятны. Крыши аккуратно покрыты соломой, а кое-где и черепицей.

Женщине обязан болгарский дом своей чистотой, своим уютом. Она белила его стены, расписывала их пестрыми цветами, она плела рогожки и ткала половики, которыми устланы полы, ее руками сделано все, на чем сидит и спит семья: ковры, покрывала, одеяла, подушки. Ею начищена медная посуда, что блестит на полках вдоль стены. Недаром болгары говорят: дом стоит не на земле, а на жене, хорошая жена лучше любого богатства.

Но за этим внешним благополучием часто скрывалась острая нехватка во всем, самом необходимом.

Огромным трудолюбием и упорством должен был обладать болгарский крестьянин, чтобы поддерживать жизнь семьи. Все его достояние, само существование, честь жены, дочери, сестры зависели от прихоти любого представителя господствующей нации.

Исповедник прибыл в Чукурлии вовремя. Больной умирал. Монах едва успел его причастить.

— Долго болел покойный?

— Без малого месяц промучился бедняга.

— Что с ним случилось? — робко спросил Васил.

— Эх, сынок, вспоминать ту ночь жутко, не то что рассказывать, — ответила жена покойного.

Рассказали соседи. Проезжавшие через село турки облюбовали для ночлега этот дом. Вечером, получив от хозяев вина и еды, они долго пьянствовали, а потом потребовали, чтобы хозяйская дочь, шестнадцатилетняя девушка, развеселила их пляской. Отец воспротивился и был за это жестоко избит.

— И никто не вступился? — спросил Васил.

— Нет, мы не молчали. Мы вступились. Но они были вооружены. Несколько человек наших ранено. Может, кто из них и умрет.

— Ну, а турки?

— Известно! Собрали утром с жителей денег на дорогу и отправились дальше. Кто их накажет?!.

Смерть очередной жертвы дикого произвола взбудоражила село. Вспомнились прежние обиды. Уже не таясь, во всеуслышание говорили о нетерпимости такой жизни.

— Проезжал на днях бегликчия [\[9\]](#) со своей сворой. Вызвал старосту и говорит: «Мы проживем здесь несколько дней. Найди для нас самое лучшее жилище. Пусть туда придут самые красивые девушки и молодые женщины. Они должны быть здоровыми и веселыми, иначе как же мы будем веселиться в этом, грязном селе». Уехал бегликчия, приехал юшурджия [\[10\]](#). И этот потребовал лучшее жилище и самых красивых женщин, которые подносили бы ему кофе и чубук. Мало его, кровопийцу, накормить, надо еще дать для его жены цыплят, масло, сыр, свечи, рис, дрова, угля. А попробуй отказать — изобьет.

— Что же, так и будем безотказно давать? Про нас, живущих в селах у больших дорог, и так говорят, что турки у нас даже уши съели, — вскипел молодой крестьянин. — Кого мы только даром не кормим, кого только не ублажаем! Все, кому не лень, лезут в наши дома, жрут, пьют, глумятся. Кто же мы: люди или скот бессловесный?

Селяне взглянули на говорившего, но ничего не ответили. Слышалось лишь покряхтывание да глубокие вздохи.

— Таков порядок. Не мы его установили, не нам, должно быть, суждено его сломать, — после долгого замешательства сказал согбенный тяготами жизни

человек. По виду трудно было определить его возраст. Волосы еще черные, а по лицу будто много раз беспорядочно прошла соха, оставив борозды, резкие и кривые.

— А кто же за нас будет ломать? — слышался все тот же беспокойный голос.

— Да уж и не знаю кто. Я пробовал, вот оно, — и человек распахнул рубаху на груди. Все увидели впалую, иссохшую грудь с двумя глубокими шрамами. — Вот оно, — сказал он еще раз и тяжело закашлялся.

— Прости, бай Тодор. Видит бог, не хотел я тебя обидеть, — смущенно проговорил только что горячившийся селянин.

— Да я на тебя не в обиде. Разве я против? Сил только у меня уже нет. А терпеть разве ж можно? Не можно, говорю я вам, братцы. Не мо-ж-ж-но!

В доме наступило тревожное молчание. Слова «не мо-ж-ж-но», вытолкнутые из больной груди изувеченного человека, продолжали звучать, как набат. Глаза у людей горели, но воля... У одних она была сломлена, у других еще не проснулась.

Монах, желая внести успокоение в взволнованные души, привычным бесстрастным тоном протянул:

— Иисус терпел и нам велел.

— Кырпеж и тырпеж два села поминали [\[11\]](#), отче,— прозвучала злая отповедь.

Лицо Василя залило краской стыда. Он взглянул на дядю так, будто впервые увидел его, и выскочил из дому.

Возвращались в Карлово через село Митиризово. Долго шли молча. Встречные крестьяне из почтения к духовному сану монаха раскланивались первыми. Перед проезжими чиновными турками монах сам отходил в сторону.

Молчание нарушил Васил:

— Дядя, а кто установил такие порядки?

— Какие?

— Те, о которых в Чукурлии говорили.

— Ишь ты, что захотел узнать! Власти, конечно.

— Какие власти?

— Известно какие: турецкие, султанские.

— А почему они такие несправедливые порядки установили: для турок — одни, для болгар — другие?

— А ты думаешь, бедному турку сладко живется? И с него небось тоже по осени семь шкур дерут.

— Чего же они молчат? Султан-то ведь их турецкий, бить своих не будет.

— Ну это, милоч, как сказать. Да и что ты прицепился: почему да почему? Наше дело божьим словом, утешать страждущих.

Утешать божьим словом... Сколько раз Васил слышал это. А как же понять того чукурлийца, который не хочет утешенья? И Васил спросил об этом дядю.

— Бога он не боится, богохульник тот человек,— раздраженно ответил монах.

Шагают по каменистой дороге монах и его юный послушник. «Что же такое, — думает Васил, — бога бойся, турка бойся, болгарского чорбаджию бойся. Всем услужай, никому не перечь. Разве это достойно человека?»

Бьется пытливая мысль, как птица в силке.

Под вечер пришли в Митиризово. Боже, какая бедность! Многое успел повидать Васил, но такого еще не встречал. Здесь болгары на своей земле живут из милости. Вся земля тут церковная собственность — вакуф. Доходами с нее содержится мечеть в турецкой столице.

Много болгарской земли завоеватели отдали своим мечетям и духовным школам. Не мало той же земли пожертвовали мечетям правоверные для спасения души.

Был и третий источник пополнения вакуфа. Мусульманин заключал с мечетью сделку: он продавал

ей свою землю за десятую долю ее стоимости, но сохранял за собой пользование ею на правах аренды. Выигрывали от такой сделки мечеть и арендатор, и обременялся дополнительными тяготами болгарский крестьянин. Арендуя землю у мечети, мусульманин освобождался от уплаты податей, был застрахован от конфискации имущества, от вымогательства чиновников и преследований частных кредиторов. А деньги, которые арендатор платил мечети за эти привилегии, он выколачивал из болгарских крестьян. В районе вакуфа болгарское население не имело собственной земли и потому было вынуждено либо арендовать ее на условиях издольщины, либо идти в батраки.

Работа на земле, «принадлежащей аллаху», была тяжелой. Значительную долю урожая, выращенного ценой огромных усилий, болгарин отдавал арендатору, причем договор мог быть всегда нарушен, а обобранный крестьянин в любой момент согнан с земли.

Вакуфное село узнаешь по внешнему виду. Низенькие, обветшалые глинобитные хижины, едва прикрытые соломой. В маленьких дворах хоть шаром покати. Из дворов на прохожих с визгом и лаем выскакивают голодные шелудивые псы. Васил и дядя еле успевают отбиваться от них. Из одной халупы, чуть ли не из-под земли, вышел угрюмый человек. Увидев монаха, пригласил зайти. Приглашение очень кстати: путники утомились, да и сумерки надвигаются.

Хаджи Василий — мужчина видный, дородный. Чтобы войти в жилье, ему пришлось согнуться чуть ли не вдвое. При виде гостя поднялась вся семья: жена, четверо ребят. Заворочалось что-то в углу, пытаюсь встать, но так и не смогло.

— Моя мать больная, — сказал хозяин.

Засуетилась хозяйка. Пока сынишка помогал гостям помыться, она сготовила ужин: налила в миску молока,

разбавила его водой, чтобы хватило на всех, и покрошила пресной лепешки.

— Отведайте попару — бедняцкую еду, — ласково и застенчиво обратилась она к гостям.

Монах вынул из сумки полученный в Чукурлии пшеничный хлеб и сыр. У ребят загорелись глаза. Ели молча, сосредоточенно, подбирая каждую крошку.

Весенние вечера в горах прохладные. Через отверстие в крыше, служившее дымоходом, и единственное оконце без стекла потянуло холодком. Хозяйка позатыкала их соломой, и в комнате стало темно. Хозяин зажег борину — еловую щепу. Ее трепетный свет, легкий запах смолы придали уют. Васил огляделся: бедно, ох, как бедно, но чисто.

В ту ночь обитатели маленького жилья, может быть впервые за многие дни наевшиеся досыта, спали крепко. Только Васи́ла душили кошмары. То на него набрасывались стаи одичавших псов со свирепыми мордами стражников, полицейских, сборщиков налогов, то он тонул в попаре — холодной и мутной, как вода в реке в весеннее половодье.

Кто знает, какой след оставило в юной душе посещение села Митиризово. Известно лишь, что это село будет одним из первых, куда через несколько лет придет Васил, чтобы готовить обездоленных к борьбе за справедливость.

В походах по родной стране познавал Васил жизнь своего народа. Пути-дороги стали его школой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГРОЗА ПРОШЛА СТОРОНОЙ

Тревоги и волнения несло лето 1853 года. Каждый день рождал новые слухи. Говорили о войне, о том, будто Россия вступилась за христиан. Но никто ничего толком не знал. И лишь по тому, как нарастала волна мусульманского фанатизма, болгары чувствовали, что у Турции что-то назревает в делах с Россией. Так всегда бывало: как только осложнялись отношения с Россией, усиливались преследования болгар.

На дорогах стало опасно не только ночью. Но хаджи Василий считал, что именно теперь необходимо слово утешения, и участил хождения по селам. Васил не отставал от дяди, хотя тот и отговаривал его.

Прошло каких-нибудь месяца полтора после посещения Чукурлии и Митиризова, а как все изменилось.

На дорогах встречались турецкие войска, двигавшиеся на север, к Дунаю. Приближения их с ужасов ожидали в придорожных селениях. Молодых женщин и девушек старались отправить к родственникам и знакомым куда-либо подальше от дорог. На ночь собирались в домах по несколько семей, чтобы в случае нужды обороняться. В поле не выходили в одиночку, а приступив к работе, выставляли дозоры, чтобы успеть вовремя скрыться.

К середине лета тревожные слухи подтвердились. В города, а затем и в села проникли вести о происходящем в мире.

Конфликт между Россией и Турцией, возникший, как гласили официальные сообщения, во имя защиты Россией прав христианского населения, обострялся. В феврале 1853 года чрезвычайный посол князь Меншиков предъявил турецкому правительству ряд требований, касающихся русского покровительства христианских подданных Турецкой империи. Турецкое правительство, подстрекаемое Англией и Францией, отклонило русские требования без рассмотрения. В июле того же года русские войска с целью давления на Турцию заняли придунайские княжества Молдавию и Валахию.

С этого момента положение болгар еще более ухудшилось. В мечетях муллы призывали к резне христиан. По турецким селениям бродили фанатики дервиши, возбуждая в магометанах ненависть к иноверцам. В городах и селах болгары по утрам находили на своих домах особые знаки, которыми турки помечали жилье христиан. Турки, бряцая оружием, похвалялись, что скоро придет приказ резать неверных.

Болгарскую землю захлестнула волна погромов. По селам рыскали шайки разбойников. В районах

расквартирования турецких войск разбоем и насилием занимались солдаты.

Сами турецкие власти способствовали росту изуверства. Им всюду мерещились заговоры, и они жестоко расправлялись с заподозренными. В Казанлыке, неподалеку от Карлова, на городской площади среди бела дня по приказу властей были умерщвлены сорок три болгарина, обвиненных в неблагожелательном отношении к Турции.

В Карлово — крупный торговый и промышленный город — новости стекались быстро. Упорно говорили, что на помощь Турции в ее конфликте с Россией пришли Англия и Франция. Константинопольские болгары в письмах карловчанам сообщали, что к турецким берегам подошли корабли английского и французского флотов.

В самой Болгарии все чаще стали встречаться английские и французские проповедники, но проповедовали они далеко не евангелие. Кое-где эти агенты протестантской и католической церкви собирали с помощью турецких властей подписи болгар под какими-то письмами. Поддавались этой уловке отсталые да запуганные. Грамотные быстро разобрались, что цель этих петиций — оправдать турецкое насилие, очернить Россию, оправдать вмешательство Англии и Франции.

Такое поведение европейских держав вызвало у болгар резкое осуждение.

Как-то в церкви, когда после богослужения староста и дьяк подсчитывали за столом собранные деньги, Васил услышал гневные слова:

— «...Варвар-азиатец поработил нас, а просвещенные европейцы пособляют ему обложить нас новыми цепями. Магометанин держит нас в темнице, а западные христиане взамен заржавевших оков куют нам новые, крепче и тяжелее. Неверный обобрал нас, содрал с нас даже кожу, а верные помогают ему исторгнуть и душу нашу...»

Чтобы лучше слышать, Васил приблизился к столу, но читавший замолк. Васил смутился, а староста сказал:

— Ничего. Читай дальше. Пусть малец останется. Так-то лучше. Если кто зайдет — решит, что при мальчике ничем незаконным заниматься не будут. А Василя я знаю...

Зашелестела бумага, и вновь тихо, но внятно полились зажигающие слова:

— «Четыре с половиной века претерпевали мы ужаснейшее унижение, выносили страшные страдания, чтобы удержать свою религию, посредством которой сохранили неповрежденною свою народность. Когда у турок не осталось больше средств к обращению нас в ислам, англичане и французы затеяли произвести между нами раскол, чтобы отдалить нас от единоверных братьев. Миссионеры и агенты их, число коих в последнюю осень весьма увеличилось, являются к нам с этой целью и нечестивые свои замыслы прикрывают благочестивыми намерениями проповедовать нам евангелие.

Мы, претерпев столько страданий от турок, перенесем и искушения от англичан и французов. Они покушаются отнять у нас волю и подчинить ее своей, чтобы отделить нас от соплеменников наших, русских, единственных наших доброжелателей, от коих мы ожидаем облегчения злополучной нашей участи. Но сколь преданность наша к России французам и англичанам не по сердцу, столь братство их с нашими угнетателями нам отвратительно. Пусть употребят они на что угодно наши подписи, которые агенты их силою собирали летом в народе с помощью турецких властей. Тщетны их старания очернить перед нами русских, напрасно они доказывают нам, что мы страдаем через русских. Мы судим просто — турки наши тираны: кто с ними — тот против нас, а кто за нас — тот против них...»

— Что это читалось? — спросил Басил дядю, когда они выходили из церкви.

— Говорят, что это письмо родолюбца болгарского Найдена Герова. Помалкивай только. — И, обняв за плечи племянника, монах сказал:—Много славных сынов отечества нашего ратует за свободу народа своего. Дай им бог силы!

В октябре 1853 года Турция объявила войну России. Не искушенный в политике, пораженный таким опрометчивым шагом султанской Турции, известный русский актер Петр Каратыгин вопрошал в стихах:

Давно ли Турции Россия не страшна?
Откуда дерзости набрались Оттоманы?
Давно ль победные штыки и знамена
Переносили мы за грозные Балканы?
Или напомнить им былые времена,
Места, свидетели кровавых споров,
Где обессмертили навеки имена
Орлов, Румянцев и Суворов?
Еще ли Турция не знает русских сил?
Забыла Наварин, Чесму, Адрианополь,
Очаков и Кагул, Браилов, Измаил...
И бой последний, где едва не отворил
Своих ворот Константинополь? [\[12\]](#)
И смеет Турция нам объявлять войну!
Иль в заблуждении она по воле рока?

Нет, не по воле рока пустилась Турция в войну. За ее спиной в качестве толкачей стояли правящие классы Англии и Франции. В своих планах продвижения на Ближний Восток правительства этих государств отводили Турции и ее европейским владениям на Балканах большое внимание. Турция и Балканский полуостров представлялись им не только выгодным

объектом для эксплуатации, транзитным путем на Ближний Восток, но и стратегической территорией для военных действий против России.

Учитывая это значение Балкан, особенно Болгарии, лежащей в центре полуострова, на главной линии сухопутного сообщения Европы с Ближним Востоком, Англия и Франция стремились закрепиться в этом районе.

Но на их пути стояла непреодолимая преграда — огромный авторитет России в славянских землях.

Франция и Англия задумали устранить это препятствие, уничтожить русское влияние. Провоцируя войну, они хотели, используя Турцию, ослабить Россию, захватить Кавказ, отторгнуть Крым, Черноморское и Азовское побережья, свести Россию на положение второстепенной державы.

Но не суждено было осуществиться.

В газете «Нью-Йорк дейли трибюн» 21 апреля 1853 года появилась статья, которая убедительно показывала, как пуста затея уничтожить русское влияние на Балканах. В этой статье говорилось:

«...И в то время как Россия совершенно спокойно и не боясь ничего совершала свое дело раздробления Турции, западные дипломаты продолжали гарантировать и поддерживать status quo и неприкосновенность Турции. До тех пор, пока эта традиция будет руководящим правилом западной дипломатии, девять десятых населения Европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию»^[13].

Это была статья К. Маркса и Ф. Энгельса, называлась она «Что будет с Европейской Турцией?» и опубликована была в разгар подготовки войны с Россией.

Итак, война, получившая название Крымской, началась. Турция, выступившая на борьбу с Россией один на один, терпела поражения. Не удалось ей

задержать выход русских войск на левобережье Дуная. 30 ноября 1853 года Черноморский флот под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в бою при Синопе одержал блестящую победу — наголову разгромил турецкий флот. В Закавказье русские войска овладели крепостью Ахалцих.

Англия и Франция, до этого рассчитывавшие загребать жар чужими руками, решили прийти на помощь Турции.

Возникновение Крымской войны возродило в болгарях надежду на избавление. Живший тогда в Константинополе великий борец за освобождение болгарского народа Георгий Раковский отметил это событие такой записью:

«...Всеобщий восторг охватил болгарский парод, и каждый болгарин был уже уверен в своем освобождении от турецкого ига. Все болгары решили содействовать этому любым способом».

В Бухаресте возникло Болгарское центральное попечительство, которое занялось организацией добровольческих отрядов. Около четырех тысяч болгар вошли в отряды и приняли участие в боях с турками.

В самой Болгарии готовилось восстание, которое должно было начаться после переправы русских войск на южный берег Дуная. Георгий Раковский рассказывал об этом так:

«После того как Россия и Турция пошли войной друг на друга, мы, несколько болгар, решили образовать тайное общество с намерением поступить на турецкую службу и, таким образом, иметь возможность, с одной стороны, защитить во время войны наш бедный народ от притеснений и злоупотреблений со стороны турок, а с другой — готовить народ к тому, чтобы он в нужный момент мог начать действовать в соответствии с русским наступлением в Турции».

Раковскому удалось получить место главного переводчика при штабе турецких войск, расположенных вдоль Дуная. Прибыв в главный турецкий штаб, Раковский отправил своего помощника Ивана Бацева в Сербию, чтобы связаться с русским командованием, сообщить ему о намерениях и деятельности тайного общества.

Следуя к месту новой службы, Раковский организовал в попутных городах и селах сеть тайных обществ. План Раковского всюду находил поддержку: «Моими единомышленниками в этом деле были многие болгары...»

Раковскому не удалось долго продержаться в турецком штабе. Он был арестован и отправлен в Константинополь, где ему грозил смертный приговор за работу в пользу Русского государства, но в пути он сбежал.

К восстанию готовились в городах и горных деревушках Тырновского округа, в залитых три года назад кровью селах вокруг Видина и Белоградчика.

«Теперь, — заявляли крестьяне Видинской околии в письме к послу России в Вене, — когда повсюду наших братьев ловят и заковывают в кандалы, стыдно жить не борясь. Пришло время освободиться или умереть».

Друг Раковского художник Константин Русович создал известную в те времена гравюру «О чем мечтали болгарские деятели народного освобождения в 1854 году». На переднем плане в тени деревьев спит седобородый старец и видит сон: под ожившим дубом женщина — олицетворение Болгарии, — закованная в цепи. Лев рвет цепи. Перед женщиной символы национального независимого государственного существования: корона, скипетр и меч. Так аллегорически изображалась заветная мечта болгарского народа видеть свое отечество свободным от

турецкого ига. И осуществление мечты связывалось с Крымской войной 1853—1856 годов.

Устремления болгар находили горячий отклик в России. Поэт Петр Андреевич Вяземский, друг Пушкина, услышав о выступлении русских войск, откликнулся на эту весть стихами:

С гор балканских наши братья
Простирают к нам объятья
С упованьем и мольбой.
Скорби их нам не чужие:
Им сочувствует Россия
И за них готова в бой.

На помощь братьям болгарам призывала русская печать. Жители городов и селений России горячо напутствовали отправлявшихся на войну солдат.

Весенними зорями полыхал над болгарской землей 1854 год. Люди, встречаясь, спрашивали: «Ну что? Ну как там?» И вот, наконец, услышали долгожданную весть:

— Русские перешли Дунай!

Егор Ковалевский в своей книге о войне с Турцией 1853 и 1854 годов писал о том дне:

«Воины наши 12 марта вступили в Тульчу... Того же числа казаки заняли Исакчи. Христианское население городов и деревень повсюду встречало русских с восторгом, целовались, как в светлое Христово воскресенье, бедные райи, изнемогшие, замершие под вековым гнетом, пробуждались для новой жизни».

От болгарина к болгарину, с севера на юг и с востока на запад летела радостная весть. Возбужденный прибежал к матери Васил. Он только что слышал, как древний старец, уже давно не видевший белого света, простерев руки к небу, говорил окружавшим его людям:

— Идет гроза! Уже видны ее всполохи, слышны ее раскаты. Пройдет она по нашей земле благодатным дождем, омоет кровавые раны. Испепелит небесный огонь врагов наших. Вижу, люди, ясно вижу свет солнца восходящего...

Вскоре военные действия развернулись в самой Болгарии. Русские войска осадили Силистру, город и крепость на южном берегу Дуная.

«Наш лагерь, — рассказывал участник осады, молодой офицер Дунайской армии Лев Николаевич Толстой, — был расположен по ту сторону Дуная, т. е. на правом берегу, на возвышенном месте, среди превосходных садов, принадлежащих Мустафе-паше, губернатору Силистрии. Вид с этого места не только великолепен, но и для всех нас большой важности. Не говоря уже о Дунае, об его островах и берегах, из которых одни были заняты нами, другие турками, с этой высоты были видны город, крепость, мелкие форты Силистрии как на ладони».

Но перед самым штурмом осада Силистры была снята. Войскам приказано отойти на левый берег.

Отходя от Силистры, русская армия взяла с собой около пяти тысяч болгар, чтобы спасти их от' зверства турок «зверства, которому я,— писал Л. Н. Толстой, — несмотря на свою недоверчивость, должен был поверить. Как только мы оставили несколько болгарских деревень, которые раньше занимали, турки пришли туда и, исключая молодых женщин, годных для гарема, уничтожили все, что там было».

К вечеру 14 июня 1854 года под Силистрой все было кончено. Перед войсками развернулась картина, которую, как свидетельствует очевидец, никогда не забудут те, которые видели ее:

«На левом берегу Дуная широким станом расположились болгары со своим скотом и имуществом, какое успели захватить второпях. Иные хлопотали около

домашнего скарба, весьма немногие готовили себе пищу, большая часть сидела кружками, приунылая. Жалко было старикам покидать родные места, родные могилы и пускаться вдаль за неизвестным будущим. Только молодые и беззаботные не унывали, радуясь, что вырвались из-под ненавистного ярма. Между ними мелькали наши солдаты: одни усердно помогали укладывать их добро, другие, усевшись у кружка, рассказывали о будущем их отечестве. Далее двигались колонны войск, там, где они оселись, раздавались песни и пылали огни.

С правого берега неслись вопли болгар, их мольбы и то унылое причитание славян, которое раздирает душу. Эти несчастные не могли перейти, потому что мост был уже снят.

На самом Дунае рубили канаты от якорей, жгли лодки. Вся картина освещалась ярким заревом горевших стогов сена и всякой ненужной рухляди, оставленной под Силистрой и зажженной, чтобы ничего не досталось неприятелю. Бивуачный шум заглушался по временам пальбой, производившейся из крепости и с наших батарей...»[\[14\]](#)

Гроза прошла стороной. Не пролилась она над Болгарией живительным дождем. Из грозового фронта на долю исстрадавшейся болгарской земли пришелся лишь разрушительный ураган.

В СТАРА-ЗАГОРЕ

В 1855 году хилендарский монах хаджи Василий был переведен из Карлова в Стара-Загору. Переехал с ним и Васил. Поселились они в монастырском подворье при церкви святого Димитрия.

Это был город много больше Карлова. Раскинувшийся на южных склонах Средна-горы, он царил над богатой земледельческой округой.

Древнее славянское поселение, Стара-Загора и в пору турецкого ига оставалась оплотом болгарского независимого духа. В ней не затухала искра сопротивления чужеземному захватчику. Стара-Загора горячо поддерживала каждое устремление к свободе, свету, прогрессу.

Шла она и в первых рядах великого движения за просвещение.

Турецкое иго на целые столетия задержало культурное развитие болгарского народа. На протяжении веков единственными очагами просвещения были килийные училища, рожденные в монастырских кельях [\[15\]](#). Народ пребывал в нищете и невежестве. Характеризуя ту эпоху, Христо Ботев напишет: «Умственные и политические события новой истории наш народ проспал, находясь в условиях рабства, под властью гораздо худшей, более варварской, чем сама инквизиция, под политическим гнетом, неслыханным в истории какого бы то ни было народа. Мертвый лежал он под башмаком турка и монаха, когда Европа разрушала средневековое здание рабства, религии, предрассудков... Мертвый и полузабытый лежал он почти до тридцатых годов нынешнего века, когда наступила эпоха славянского возрождения и дух нового времени, новых идей повеял и в этой стране, заброшенной на юго-восток Европы».

Возрождающийся к активной политической жизни народ стремился наверстать упущенное. Просвещение становилось делом не монастырей и частных лиц, а целых болгарских общин. Сами жители городов и селений на добровольные пожертвования открывали у себя школы и содержали их, сами заботились о подборе и подготовке учителей. Остановив свой выбор на каком-

либо юноше, община на свой счет отправляла его учиться. А когда он возвращался в родное село и вступал в должность учителя, то возмещал долями из жалованья затраченные на него общественные средства.

За одно лишь десятилетие к середине XIX века во всех болгарских городах и почти во всех крупных селах открылись новые школы.

Это был великий подвиг народа. Тепло и радостно отметил его в своем труде о путешествии по Болгарии в 1844—1845 годах русский ученый-славист В. И. Григорович: «Если принять во внимание недостаток пособий, равнодушие тех, которые скорее хотят быть покровителями, чем содействителями, и, наконец, совершенное отчуждение высшей власти, то учреждение болгарских училищ можно почесть достопримечательнейшим явлением в просвещении европейской Турции. В сравнении с другими, соседними племенами болгарам принадлежит заслуга, что они без постороннего содействия положили основание своему собственному образованию».

К приезду Василя в Стара-Загора было несколько мужских и женских училищ. В одно из них, что находилось при церкви святого Николы, он и поступил. Учителями здесь в ту пору были видные болгарские просветители — патриоты Атанас Иванов и Тодор Шишков. Получившие образование в Европе, владевшие несколькими языками, хорошо знакомые с иностранной литературой, они внесли в старо-загорское училище новые элементы просвещения. Учиться у них было интересно, и Васил с жаром отдался школе.

Но здесь, как и в Карлове, дядюшка часто отрывал племянника от ученья. То надо быть на крестинах, то на исповеди, то ехать по деревням за пожертвованиями на монастырь. И Васил, нагрузившись мешками, сопровождал дядюшку.

Шел третий год войны. В Крыму у стен Севастополя бушевала невиданная битва. Экономически немогущая Турция напрягала все свои силы. Чтобы покрыть военные расходы, правительство взяло с болгар налоги за три года вперед и два безвозвратных займа, да на прокормление армии каждый христианский дом обязан был сдавать ежемесячно пшеницу, ячмень, кукурузу. Десятки тысяч крестьян оказались оторванными от земли, на принудительные работы.

Куда ни зайдут Васил с дядей, всюду слышат жалобы, ропот.

Монах пытается божьим словом утешить людей, молитвой поднять дух в них. А в ответ нет-нет да и услышит:

— Лозето не ште молитва, а чака мотика^[16].,

— Амин сандък не пълна^[17].

Монах в сердцах уводит племянника подальше от строптивых.

— Молодые, бога еще не poznали, — ворчит он.

Но и у старых не лучше. Встретили его раз в доме по всем правилам гостеприимства, напоили, накормили. А когда дошло дело до разговоров, хозяин возроптал:

— И за что бог осудил нас на такую жизнь! Молимся, что ли, мы ему мало?..

— Каждый человек со своей судьбой рождается, — смиренно отвечал монах, желая прекратить непотребный разговор.

Но из угла, где на подушках возлежал глубокий старец, послышалось:

— Эх, отче, на бедняка судьба не работает!

Бывало, и резче поговаривали. Зашли в корчму. Народу полным-полно. Шумят, волнуются. Один, кто более других горячился, заметив монаха, обратился к нему:

— Откуда, отче?

— Из Стара-Загоры.

— Что у вас там в городе думают о таком разбое?

— Каком разбое? Что ты хочешь сказать?

— Да о налогах.

— Не разбой это. Сам турецкий царь установил такой порядок, пока идет война. Не говори лишнего.

И вдруг в тишине раздалось отчетливо и зло:

— А хоть и царь, ведь у него не две головы!

Монах вздрогнул, опасливо огляделся и, чтобы не заподозрили его в сочувствии таким крамольным речам, произнес наставительно:

— Смотри, парень, вола вяжут за рога, а человека за язык.

Ходит монах по селам, ворчит:

— Что с людьми поделалось? Озлобились. Ты им слово, они тебе два. Ни бога, ни церкви, ни власти не боятся. Не к добру это, не к добру.

Опять Васил слышит все то же: бояться и терпеть. «А нельзя ли так жить, чтобы никого не бояться, чтобы никто не причинял другому зла?» — возникает вопрос. Но Васил уже не спрашивает дядю. Его ответ он наперед знает. И хоть нечем еще Василиу возразить, но он уже чувствует, что ответ надо искать в другом месте. Но где, у кого?

Слухи о героической обороне Севастополя вселяли в души болгар веру в победу русских. С победой русских связывали они свое избавление. Стойкость севастопольцев заражала бодростью и звала к борьбе. Все громче, все яснее выражалось недовольство существовавшим порядком.

И вдруг... Не хотелось верить в поражение России, в поражение своей мечты. Люди чувствовали себя так, как узник, которому объявили о выходе на свободу, а у самых ворот сказали, что произошла ошибка. Надежды рухнули, у ног все та же бездна.

Мрачным итогом тех лет подъяремного бытия осталась запись Георгия Раковского:

«В пятьдесят третьем году началась война, и угнетение болгар усилилось. Турецкое правительство обложило непосильными налогами бедных болгар. Их заставляли кормить многочисленную армию, не уплачивая ни гроша! У бедняков забирали одежду для турецкой армии! Болгары строили крепостные укрепления для турок, а турки безжалостно избивали бичами несчастных».

«...Война прекратилась, и Парижский мир заключен. Наши болгарские надежды исчезли, как сновидения».

Парижский мирный договор был подписан в марте 1856 года. А в феврале того же года христианские народы Турции были «осчастливлены» хатти-хумаюном — манифестом султана о реформах. В манифесте провозглашалось равноправие для всех народов Турецкой империи, давалось обещание устранить злоупотребления и взяточничество государственного аппарата, пересмотреть налоги, гарантировать жизнь, честь и процветание всем подданным его величества султана, и прочее, и прочее.

Казалось, на землю болгарскую снисходит золотой век. Но болгары, наученные горьким опытом, знали цену обещаниям. Это уже не первый фирман — правительственный акт о правах христианского населения. Но ни один ничего не изменил в их жизни.

Европейцы, хорошо знакомые с турецкой действительностью, говорили, что турецкий фирман похож на звон монеты, которой христианин никогда не будет обладать, или на запах кушанья, которого он никогда не отведаст.

Для самих турок фирман был простой бумажкой. Когда, бывало, болгарин ссылался в жалобе на правительственный фирман, местное начальство отвечало:

— Ты прав, есть такой фирман! Но знаешь ли ты, что за городом есть орман?

И жалобщик понимал, что если он будет добиваться справедливого решения, то убьют его либо в ормане, то есть в лесу, либо на дороге.

В Стара-Загоре поговаривали, что кое-где уже расправляются с теми, кто требует осуществления обещанного новым манифестом султана, и тут же с издевкой добавляли:

— Зато в комнатах самого султана запрещено убивать мух. Слугам приказано ловить мух, собирать их в трубочки, специально для этого предназначенные, а затем выпускать живыми за пределами дворца.

Когда же легковерные продолжали уповать на манифест, этим говорили:

— Такого еще не бывало, чтобы верба родила виноград.

Жизнь скоро подтвердила правоту не верящих в султанскую доброту. Все больше болгар начинало понимать, что султанские манифесты — это обман. «Европейские государства, чтобы нас ослепить, заставили Турцию издать хатти-хумаюн в 1856 году», — отметил Георгий Раковский,

Когда Васил закончил второй класс, дядя поспешил перевести его в отделение, где готовились священники. Такое решение устраивало всех: и мать, которая давно мечтала видеть сына священником, и дядю-монаха, и самого Василя. Духовное поприще казалось ему тогда единственным средством, которое откроет путь к личному совершенствованию и служению народу. Ему в ту пору еще не встретились люди, ставившие целью силой организованности и оружия облегчить участь народа. Но в школе он узнал священнослужителей, которые «глаголом жгли сердца людей».

Его юношеское воображение поразили огненный призыв хилендарского монаха Паисия возлюбить свое болгарское племя и трудиться для его возрождения; он

затаив дыхание слушал «Житие и страдание грешного Софрония» — ученика Паисия, всю жизнь отдавшего пробуждению соотечественников; его увлекали дела монаха и просветителя, «патриарха новоболгарского образования» Неофита Рилского,

То были времена, когда национальное начало сливалось с религиозным, когда в монастырях и церквях поработенный народ видел опору своих национальных чувств и надежд. Монастыри в пору турецкого ига хранили традиции народа, его культуру, его язык, памятники его истории. Монастыри долгое время были главными центрами духовной культуры, откуда выходили люди, которые, разбредясь по стране, открывали школы, поддерживали в народе дух религиозной и национальной общности. Из монашеской среды выдвинулись первые деятели духовного, культурного и политического возрождения болгарского народа.

Да и в те годы, когда Васил учился в Стара-Загоре, церковь и религия стояли в центре борьбы болгар за свое национальное самоопределение.

После завоевания Болгарии турками болгарская церковь потеряла свою самостоятельность, перешла под управление греческого константинопольского патриарха. В награду за лояльность, за воспитание христианского населения в духе покорности турецкой власти греческое духовенство получило привилегию эксплуатировать православные народы. Болгарское духовенство было постепенно заменено греческим, а богослужение на болгарском языке запрещено. Церковные должности предоставлялись тому, кто больше заплатит. Чтобы покрыть расходы по приобретению духовного поста, греческие священнослужители произвольно облагали население многочисленными налогами, грабили и разоряли его.

Греческая торговая буржуазия, действовавшая совместно с. церковниками, проникла во все поры хозяйственной жизни.

Так над болгарами, находившимися под турецким политическим господством, установилось еще экономическое и духовное господство греческой церковной и денежной аристократии. Греческие националисты, обуреваемые идеей господства над всем Балканским полуостровом, уничтожали славянскую литературу, преследовали болгарскую культуру, и язык. Они замыслили эллинизировать, огречить все болгарское население.

В начале XIX века в Болгарии возникла так называемая церковная борьба. Направленная на завоевание независимости болгарской церкви, она переросла в движение за общенациональные цели, за признание за болгарами права на самостоятельное национальное существование.

Стара-Загора, эта старая вольнодумица, как называли ее, была в авангарде этого движения. Она добивалась изгнания из города греческого епископа, восставала против уплаты налогов греческим владыкам, поддерживала соседние города, отстаивала свои школы от посягательств греческих националистов.

В классе подготовки священников, где учился Васил, живо обсуждали перипетии борьбы. В ходу были сатирические стихи Славейкова, написанные им на тырновского митрополита Панарета, грубого, алчного, ненавидевшего все болгарское, циркового борца, за деньги купившего пост духовного пастыря болгарского населения северной и большей части юго-восточной Болгарии:

Прославилось Тырново
Владыками греческими,
Особо же прославилось

Панаретом — делием,
Делием, делибашем ^[18],
Безумным владыкою.
Он удальцом ходит,
На коне гарцует,
С булавой за поясом
Села объезжает,
Народ обирает,
Всюду деньги грешные
Жадно собирает.

Что из того, что Панарет уже изгнан из Тырнова! А разве другой греческий владыка не тот же делибаш — разбойник и головорез? Бурлила, клокотала ненависть к духовным тиранам.

На занятиях учитель Атанас Иванов, рассказывал, как греческое духовенство противодействовало развитию школьного дела:

— Вознамерился наш город видеть у себя учителем преславного Неофита Рилского. Получили от него согласие. Но когда прибыл он к нам, тырновский митрополит не разрешил ему остаться в нашем городе. Так из-за зависти греческих епископов не могли болгары иметь своего учителя.

Не раз, беседуя с будущими дьяконами и священниками, Атанас Иванов говорил им:

— Возможно, что, кроме службы в церкви, придется вам учительствовать в школах. Помните слова нашего первого учителя Неофита Рилского: «Когда речь идет о счастье и благоденствии народа, каждый истинный сын отечества должен пожертвовать всем самым чтимым и дорогим, а в случае необходимости не жалеть и последней капли крови своей». А нас, учителей, он считал обязанными не только обучать детей чтению и письму. Учитель, наставлял он, должен нести

просвещение в самую гущу народную, быть подлинным вожаком своего народа и в образовании и во всех делах мирских. В этом состоит самый великий долг учителя!

И, окинув взглядом своих слушателей, Атанас Иванов, подняв палец, так заканчивал беседу:

— Вот как высоко ставил отец Неофит звание учителя. Скоро вы уйдете из школы. Помните: путь ваш лежит через борьбу — борьбу за нашу болгарскую церковь, за нашу школу, за душу человеческую, за жизнь, человека достойную...

Учение для Василя приобретало новый смысл. Он начинал понимать, как нужны народу образованные люди, готовые служить ему верой и правдой. Он видел, что главным врагом болгарского просвещения выступают греческие националисты, он чувствовал, что борьба за изгнание греческих священнослужителей и замену их болгарскими — это борьба за народное дело. Отделение, на котором он учился, готовило священников, вышедших из рядов самого болгарского крестьянства. Значит, решил Васил, учиться здесь — это служить народу. А такое дело нельзя делать наполовину. И он занимался так, что закончил курс лучше всех. На публичных экзаменах его ответы поразили присутствующих. Растроганный дядюшка прослезился и тут же при всех, обняв Василя, сказал:

— Утешил ты мое сердце! Пошлю тебя в Россию учиться.

МОНАХ ИГНАТИЙ

Учиться в Россию! С того дня как Васил услышал это, он потерял покой. О чем бы он теперь ни говорил, что бы ни делал, все начинал словами: «Вот когда поеду в Россию...»

Летом 1858 года Васил с дядей вновь перебрался в Карлово. А мечта все оставалась мечтой, зовущей и тревожной.

Когда он заводил с дядей речь о поездке, тот отвечал:

— Я сам хочу, чтобы ты был человеком, а не бездельником. В нашем роду нет бродяг, все люди почтенные, благочестивые. Погляди на своего дядю. Пока я стал исповедником, съел немало палок. В мой век не было ученья без палочного боя. Чтобы стать человеком, надо много претерпеть. Потерпи и ты, все будет в свое время.

А когда придет это время? Василиу шел уже двадцать второй год. Пора подумать о будущем. Не век же бродить с дядей с котомкой за плечами.

Недовольна и мать положением сына. Она считает, что шесть лет безвозмездного служения дяде достаточная плата за то образование, которое он дал Василиу в Стара-Загоре. Она требует от брата поспешить с устройством ее сына. Монах в раздумье: не хочется обижать сестру, не хочется и терять помощника. Что делать, чтобы не ушел от него Васил, чтобы иметь своего человека, которому в старости можно передать пост исповедника? И он решает:

— Хорошо. Я пошлю Васи́ла учиться в Россию, если он примет монашество.

Васил согласен на это условие.

Накануне того дня, когда готовился он надеть монашескую рясу, двоюродный его брат Васил Караиванов спросил:

— Васил, не тяжело ли тебе вступать в монахи?

Молодой послушник ответил:

— Что же делать! Кто вскормлен монашеским хлебом, тому не из чего выбирать...

Он понимал свою зависимость от дяди. Ему он обязан в прошлом, на него он рассчитывает в будущем. Он не

хочет разрыва с дядей. Как-никак, а ведь дядя открывал путь к заветной цели — поездке в Россию. Цена, которой Васил покупал эту поездку, его не смущала. Много лет он провел в монашеской среде, свyksя с ней. Да и цель была столь высока, что не было цены выше ее.

Тяга в Россию владела в ту пору думами многих молодых болгар. Только там, в стране, родственной по языку и вере, надеялись они получить те знания, которыми должны обладать люди, бравшие на себя заботу о просвещении своего народа.

Первым этот путь им указал их соотечественник, проживавший в Одессе, Василий Априлов, так горячо содействовавший развитию народного образования на родине. В своей книге «Денница новоболгарского образования», вышедшей в Одессе в 1841 году, он писал:

«...Если болгары когда-либо и увидят у себя хорошо организованные школы и народную литературу, то это будет достигнуто лишь путем изучения своего собственного языка с помощью русских и славянских книг, которые в большом количестве выходят в России. Болгары должны искать помощи в этой стране... Эта истина рано или поздно восторжествует, и болгарское юношество для совершенствования своих знаний и своей литературы, обратится к учебным заведениям своих единоплеменных братьев».

Призыв ехать учиться в Россию Априлов и его друзья, одесские болгары, подкрепили делами. Они добились от русского правительства стипендий для болгарской молодежи в училищах Одессы, Киева и других городов. Ими было основано Одесское болгарское школьное настоятельство, которое заботилось об устройстве молодых болгар, приезжавших в Россию, «стараясь об определении их в такие учебные заведения, какие признаны будут соответствующими потребностям

болгарским, с целью употребления их на пользу своей нации».

Навстречу болгарам шла русская общественность. Созданный в Москве в 1858 году Славянский комитет и его отделения материально поддерживали болгарских юношей и девушек, приезжавших в Россию учиться. В том же году в городе Николаеве был открыт Южнославянский пансион.

Болгарская молодежь хлынула в русские училища. В начале пятидесятых годов возвратились в Болгарию первые питомцы русских школ. Они занялись просветительной и литературной работой, положив тем самым основу новому этапу культурно-просветительного движения эпохи болгарского национального возрождения.

7 декабря 1858 года в церкви Сопотского монастыря произошло пострижение Василя в монахи. Васил и дядя вышли на середину церкви, заполненную многочисленными представителями рода Кунчевых и Караивановых, их соседями и друзьями, товарищами Василя. Из алтаря вышел монах Рилского монастыря, отец Кирилл, принявший на себя роль крестного отца посвящаемого в монашество. Накинув на головы Василя и его дяди черное покрывало, отец Кирилл прочел положенные молитвы. Обряд закончен, и из-под покрывала вышел монах Игнатий. Постригавшийся в монахи в знак отречения от всего мирского предавал забвению и старое имя свое. Васил, чтобы порадовать дядю, избрал своим монашеским именем имя дядиногo крестного отца. Отныне для мира умер Васил Иванов Кунчев и родился монах Игнатий.

— Мой духовный сын в то время был, как я помню, — говорил позже отец Кирилл, — без единого волоска на лице, тихий, скромный, застенчивый.

Через несколько месяцев после этого события, летом 1859 года, в Карлово прибыл митрополит из Пловдива.

Он произвел иеромонаха хаджи Василия в архимандриты, а его племянника рукоположил в иеродьяконский чин.

Так Васил стал дьяконом Игнатием. Но перемены в жизнь это не внесло. По-прежнему он ведет домашние дела дяди, сопровождает его в походах по селам. Угнетает безденежье, невозможность помогать матери.

Иногда дядя, чтобы подбодрить племянника, скажет:
— Потерпи еще немного. Соберу деньги на дорогу, и поедешь.

И Васил терпит. Мечта о поездке в Россию как маяк: то светит, то гаснет.

После Крымской войны Англия и Франция, воспользовавшись тяжким послевоенным положением своей союзницы, превратили Турцию в нещадно эксплуатируемую полуколонию. Они вынудили Турцию, в ущерб ее национальным интересам, распахнуть настежь двери перед иностранными капиталистами. В ее пределы хлынул из Западной Европы поток дельцов и спекулянтов. Георгий Раковский в поэме, написанной в 1858 году, сказал по этому поводу:

И летят, как мухи к меду,
В Турцию со всех концов
Тучи грабящего сброду
Спекулянтов и дельцов

Один болгарский чорбаджия жаловался: «В нашей стране все было бы хорошо, земля богатая и плодородная, но, к сожалению, налоги отнимают все деньги. Благодаря капитуляции^[19] у нас забирают жито, шерсть, кожи, мерят и считают как хотят, иногда совсем не платят, а в довершение всего еще и бьют и сажают в тюрьмы».

Рынки Турции наводнили западноевропейские товары, и наоборот — вывоз из Турции сокращался. В 1860 году разразилась финансовая катастрофа. Бумажные деньги обесценились, цены неудержимо росли, спекуляция достигла баснословных размеров. Свирепый кризис поразил все стороны экономической жизни империи.

Как и всегда, турецкие власти стали латать прорехи за счет несчастной райи. Чтобы покрыть огромный дефицит в бюджете, повысили налоги — их основная часть пала на плечи болгарских крестьян. Многочисленные чиновники, не получавшие жалованья из-за отсутствия у государства денег, обирали население.

Заграничные товары вытесняли с турецкого рынка изделия болгарских ремесленников. Ремесла хирели.

Бедой крестьян, ремесленников и мелких торговцев воспользовались ростовщики — алчные болгарские чорбаджии, разбогатевшие на войне. Ссужая займы под чудовищные проценты, они закабалляли и окончательно разоряли тружеников.

В довершение ко всем напастям, обычным в Турецкой империи того времени, на болгар обрушилась еще одна, ранее не виданная. После Крымской войны и в ходе покорения Кавказа русское правительство выселило в Турцию много крымских татар и черкесов. Большая часть этих воинственных переселенцев была размещена, на болгарских землях.

Путешествовавший в те годы по Болгарии географ Ф. Канитц писал в своей книге «Дунайская Болгария»:

«Летом 1861 года крымские татары уходили на берега Дуная. Для их поселения отвели место в самых богатых болгарских селах, им были отданы лучшие пахотные земли, а дома для них и конюшни для скота принудили болгар строить без всякого вознаграждения.

Много болгарских общин ответило на это, уходом с родной земли и переселением в Сербию и Россию.

Не успели еще болгары отдохнуть от всех жертв, возложенных на них татарской колонизацией, как их заставили строить дома для новых пришельцев — черкесов, обещая стоимость домов высчитать из податей. Но подати уменьшены не были, а болгар еще заставили уступить черкесам, как прежде татарам, без всякого вознаграждения лучшие участки их земель, на том основании, что вся земля есть собственность султана. Пока строились дома для черкесов, они жили в домах болгар, которые вынуждены были искать себе убежища где хотели».

«Я предвижу, — писал далее Ф. Канитц, — что многие из читателей, проникнутые европейскими понятиями о праве собственности, усомнятся в действительности всех этих фактов, однако же они нимало не преувеличены: все это происходило именно так».

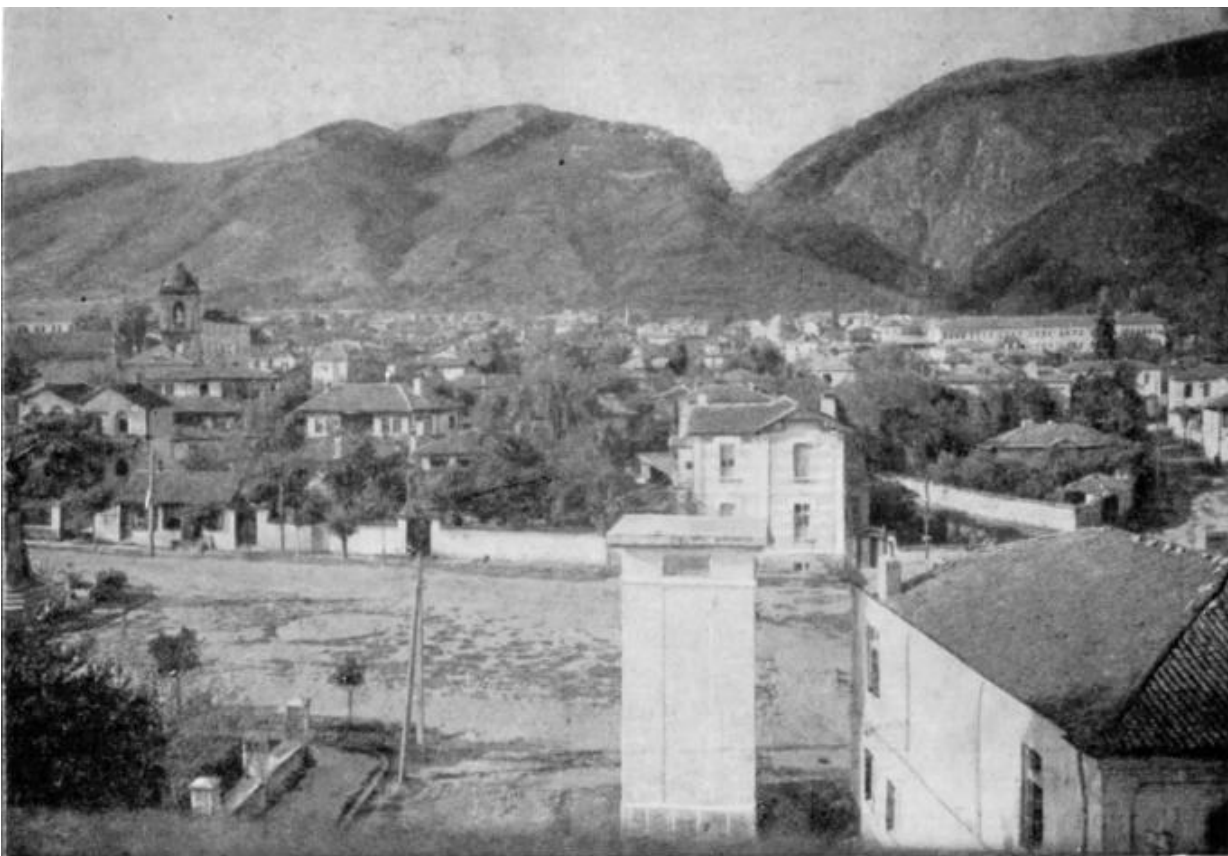
Бесправие болгарского крестьянина было столь чудовищно, а издевательство над ним столь безгранично, что европейцы, проезжавшие в те годы по владениям Турции, описанию своих впечатлений обычно предпосылали заверение, что они ничего не преувеличили. Они опасались, что им не поверят, — так было ужасно то, что они видели.

Родной дом Левского.

Мать Левского — Гина Кынчева

Карлово. Ныне Левскиград (современный вид).

Болгарская школа в середине XIX столетия.

Стоном стонала болгарская земля. Все чаще краска стыда заливала лицо молодого монаха Игнатия, когда он с дядей ходил по селам. И без того нищета, а тут еще, как черное воронье, набрасывались монастырские просяки — жадные, грязные, оборванные, с мешками через плечо. От каждого монастыря ходили такие просяки по болгарским селам. В пору молотьбы они собирали зерно, в медосбор — мед, наступало время стрижки овец — они тут как тут: подавай шерсть. Нет-нет да и прорвется недовольство поборами, откажут просяку.

— Грех на церковь не давать, — скажет монах.

А ему в ответ:

— И этот грешок в поповский мешок. Буду грехи отмаливать, тебе же деньги уплачу.

Стыдно Игнатию, умоляет дядю освободить его от унижительного дела, а тот одно твердит:

— Сердитый просяк всегда с пустым мешком. Проси поласковее во имя божье — не откажут.

Но стало, случаться, что и имя божье не оказывало прежнего действия. Завел было раз хаджи Василий свое привычное:

— Будем надеяться на бога, будем просить его милости.

А ему в ответ:

— Э, батя, если бы господь услышал жалобы осла, то ни одного вьючного седла на свете не нашлось бы...

Откуда такие речи? Все чаще слышит их Васил.

Как-то друзья пригласили его в дом, хозяева которого славились книголюбием.

Когда с гор спустился вечер и в комнату внесли свечи, хозяин, окинув взглядом сидящих, как бы проверяя, все ли здесь свои, начал читать,

Храбрый в прошлом народ.
Сегодня тяжкое несешь ты иго.
Исчезла твоя свобода,
Турецкое повисло на тебе зло,
Слава твоя потускнела,
Небо твое помрачнело.

Сидя на полу, поджав ноги и слегка раскачиваясь, хозяин дома читал о том, как на берегу моря, на высокой скале, стоит воевода. Взгляд его устремлен на север к милой Болгарии. Думы его о том времени, когда- он поведет в леса Стара Планины своих верных юнаков.

О боже всемогущий, ты помоги мне
Туда с юнаками пойти,
В эти годы тяжкие

Братьев болгар повидать.
Что сидят они, мирно заснув?
Чего ждут они, несчастные?..

Воеводе рисуются картины бедствия народа — одна другой ужаснее. И он восклицает:

Доколе, братья,
Будем терпеть мы лютое угнетенье?
Доколе, братья,
Будем стоять на месте?
Доколе будут братья умирать в оковах?
Болгарка — проливать слезы,
Дети — страдать безвинно?
Льется, льется кровь болгарская...

Обращаясь к народу, воевода говорит, что иноземное иго не божий гнев, а дело насильников. Их можно изгнать, если объединиться в борьбе. Правда и свобода добываются оружием и бесстрашием.

Лучше смерть скоротечная,
Чем долгая рабская жизнь!
Лучше умереть в борьбе героем,
Чем жить в бесчестьи!

Васил точно объят пламенем. Слова жгут его мозг. Глаза горят, вскипает в жилах кровь, и руки сами сжимаются в кулак. А хозяин все читает, не заглядывая в книгу. Должно быть, много-много раз повторял он эти огненные слова. Васил боится потерять хоть одно из них. Он слышит, как зовет воевода отважных гайдуков — народных мстителей — к новым высоким помыслам: не месть отдельным насильникам, а борьба с общим

бедствием, борьба со всей турецкой системой рабства,
борьба организованная, общенародная:

Другая есть цель благородная:
Вечная слава, имя бессмертное
Ждет того, кто борется
За освобождение народное!

— Что это? — встрепнулся Васил, когда в доме стихло.

— Поэма Раковского «Лесной странник». Если захочешь еще послушать — приходи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВСТАВАЙТЕ, БРАТЬЯ!

Шло пятое столетие национального и политического бесправия болгарского народа. В 1393—1396 годах полчища османских турок нахлынули на болгарскую землю, и опустилась на нее черная, непроглядная ночь.

Ворвался лютый враг ордою чужестранной,
Никто не мог пресечь его зловещий путь.
На шее ощутив петлю позорных пут,
Страна, прокляв себя, в бессильном униженьи,
На время пред врагом упала на колени.
Росистые поля покрыл пожаров дым,
И разнесли орлы по выступам моим
Кровавые куски... Я видел с гневом, с болью

Истерзанных людей, насаженных на колья,
Я видел лица их... Я слышал визг детей,
Младенцев, отнятых у бедных матерей,
Тянущихся к соскам... Я слышал грай гортанный,
То вороны, крича, слетались сквозь туманы.
Над пепелищами взвивался едкий дым,
Лениво вдаль летел, и трупный запах с ним,—

(П. Славейков)

рассказывал седой Балкан, свидетель тех времен.
Огню и мечу предали завоеватели болгарскую
землю, истребляли жителей ее, а на оставшихся в живых
надели ярмо рабства, как надевали его на свой рабочий
скот. Они так и называли болгар: райя — стадо. Другого
имени для поработченных не было у завоевателя.

Беспросветное существование наступило для
болгарского народа. Страшно было иго, его гнетущее.

«Коран и основанное на нем мусульманское
законодательство сводят географию и этнографию
народов всего мира к простой и удобной формуле
деления на две половины: правоверных и неверных.
Неверный, что «гяур», это — враг. Ислам прокликает
нацию неверных и создает состояние непрерывной
вражды между мусульманами и неверными»^[20]. Так
характеризовали К. Маркс и Ф. Энгельс воинствующий
ислам той эпохи.

Магометанская религия не признавала за райей
никаких прав. Она воспитывала в мусульманах чувство
полновластного хозяина над жизнью и имуществом
райи. Турки могли поступать с райей как хотели. Сам
бог, сами законы религии давали им это право как
завоевателям, как правоверным.

На всем протяжении своего господства в Болгарии
турецкие правители и мусульманское духовенство,

исходя из старого, как мир, принципа «разделяй и властвуй», искусственно поддерживали в турецком народе огонь религиозного фанатизма, нетерпимости к иноверцам.

Любая краска будет бледна, любое слово немощно, чтобы нарисовать картину страданий болгарского народа. Его уделом хотели сделать полное исчезновение с лица земли как народа, как национальности.

Турецким феодалам, мусульманской и греческой церкви, при молчаливом попустительстве эгоистических правительств ряда государств Западной Европы, многое для этого удалось сделать.

Чех Константин Иречек, известный исследователь истории болгар, писал: «В начале настоящего (XIX. — А. С.) столетия болгарский народ, лишенный всякой политической и церковной жизни, до такой степени пропал из виду в Европе, что его приходилось вновь открывать».

Но болгарский народ не исчез. Но и выжил он не потому, что сумел приспособиться к среде, а потому, что боролся с ней. Не в смирении, а в борьбе отстаивал он свое право на жизнь.

Когда завоеватель осквернял его очаг, болгарин оставлял соху и серп, посох и кавал, брал отцовскую саблю да братнино ружье и уходил с дружиной верной, сговорной. на Стара Планину мстить туркам и чорбаджиям за обиды, отнимать у них награбленное добро и защищать свое село и бедняков.

Гайдуками-юнаками, что значит удальцами, богатырями, назвал народ своих защитников.

Никогда не стихало гайдуцкое движение. Никогда не уставала рука народных мстителей карать насильников и притеснителей. В гайдучестве наиболее ярко проявился свободолюбивый дух болгарского народа.

Самые храбрые и отважные уходили в горы, в гайдуки. Смерть от пули в бою или лютые муки в плену

— вот что ожидало гайдука.

Собирались гайдуки в дружины «верные, сговорные» или в четы (отряды), а иногда действовали и в одиночку. Были среди гайдуков и девушки. Но не каждый пожелавший мог попасть в дружину — в нее брали лишь тех, кто обладал «юнацким сердцем» — честных, истинно любящих свой народ, свою родину.

Болгарские гайдуки говорили о себе, что они посланы богом беречь бедных и наказывать злочинцев, что болгарский народ, не имеющий ни царства, ни покровителей, ни защитников, может надеяться только на своих юнаков, на их молодецкие мышцы, а потому гайдук должен быть честным, правдолюбивым и чистосердечным.

Гайдуки не ставили перед собой задач политических. Они мстили за несправедливость и наказывали тех турок и болгарских чорбаджиев, которые особенно жестоко грабили и притесняли беззащитное население.

«Благоразумные» люди говорят, — писал прославленный гайдуцкий воевода Панайот Хитов, — что мщение свойственно только дикарям и кровожадным народам, а я думаю, что оно свойственно только честным людям, которые имеют душу и сердце, которые ценят свое человеческое достоинство и которые не позволяют называть себя животными».

Гайдуки не были в силах выволить народ из турецкого ига. Но, освобождая жителей какой-либо деревни от беспощадного притеснителя, они тем самым показывали, что вооруженная борьба — единственный путь избавления от чужеземной тирании. На протяжении всего периода турецкого ига гайдуки поддерживали в народе волю к борьбе за свободу.

Наибольшего размаха гайдуцкое движение достигало, когда в жизни народа наступали особо тяжкие времена.

Так было в конце XVIII и в начале XIX века, в период феодальной анархии в Турецкой империи. Шайки разбойников-кирджалиев, делибашей и взбунтовавшихся феодалов, разложившиеся части правительственных войск рыскали по стране. Они завладели всей территорией Болгарии и держали ее в страхе в течение почти двух десятилетий. Ни одного города, ни одного селения не оставили не разграбленными.

Всюду, где они проходили, — говорится в одном из официальных турецких документов того времени,—они огнем и мечом обращали все в прах и пепел. Несчастных христиан тиранили, истязали. Захватывали их имущество, убивали, бесчестили девушек и женщин, предавали огню села и города.

Местные правительственные чиновники и феодалы, не встречая никаких преград со стороны центральной власти, глумились над болгарским населением.

Вот как описывал жизнь болгарского городка в начале XIX века Любен Каравелов в своих «Страницах из книги страданий болгарского племени»:

«Рассвело, а никого нет на улице — городок словно пустой, словно все вымерли. Если и выйдет кто и повстречается с кем-нибудь, то пошепчутся, и каждый скорее домой. Все чего-то боятся. Все думают, что вот сам паша^[21] приедет из города, а приезд паши — это дело скверное. Случится убийство или воровство. кого ограбят, или вообще сделается что-нибудь особенное, и вот из города приезжает паша с кавасами^[22] и кадьи^[23] со своими муллами. Мулла несет зеленую палку — символ турецкого правосудия. Все знают, что такое турецкое правосудие, и при появлении зеленой палки нападает на всех страх, страх нападает даже на собак. Это верно. Только лишь турки станут приближаться к селу или городку, все собаки залают и завоюют, и все население придет в ужас. Одни метут избу, другие

прячут лучшую утварь; девицы и молодые женщины скрываются где-нибудь подальше, а мужчины бегут навстречу магометову сыну. Лишь только успели турки сойти с лошадей, тотчас начинаются угрозы и приказания: накормить лошадей, убрать седла, покрыть лошадь домашними одеялами. Войдя в избу, турки рассядутся около очага, болгарки начнут снимать с них сапоги и чулки и мыть им ноги, а иной турок велит девице или женщине вытереть его ноги своими волосами...»

Турецкие паши говорили, что народ подобен мешку из-под муки: сколько мешок ни тряс, он все выпускает мучную пыль; так и народ — сколько его ни обирай, он все найдет, что давать. И они обирали. Помимо различных налогов с имущества, болгарин, чтобы получить разрешение на похороны, должен был уплатить кысмет параса — налог на превратности судьбы, а похоронив — вносить за мертвеца харач в течение трех лет. Накормив даром проезжего чиновника, крестьяне платили ему диш парасы — налог «за зубы», которые он изволил «износить», поедая пищу. Существовало три налога «за воздух».

Гнет политический и экономический сопровождался еще более тяжким гнетом — национальным. В официальных турецких документах болгары не назывались иначе, как «руммимилети», то есть греческим народом. Греческая церковь, духовный пастырь поработенных болгар, делала все, чтобы они забыли свое национальное происхождение. Дошло до того, что, как свидетельствует один из современников, «к середине XIX столетия в Болгарии не раздавался и не употреблялся ни в училищах, ни в церквях, ни в корреспонденции населения другой язык, кроме греческого».

В мрачную эпоху политического и духовного рабства из Хилендарской обители раздался пламенный призыв к болгарам осознать свое национальное достоинство:

«Почему же ты, глупый человек, стыдишься своего племени и тянешься к чужому тебе языку? Но, говорят, греки умнее и культурнее, а потому, говорят, лучше следовать грекам. Однако посмотри, неразумный: много есть народов мудрее и славнее греков, но разве какой-нибудь грек оставит свой язык, и ученье, и народ, как ты, бездумный, оставляешь, не получая никакой прибыли от греческой мудрости и культуры?»

То был голос первого болгарского историка, монаха Паисия Хилендарского. В своем труде «История славяно-болгарская», законченном в 1762 году, Паисий напоминал своему народу о его славном прошлом, о некогда независимом и сильном болгарском государстве:

«Болгары не умели покоряться царям, но были свирепы и дики, бесстрашны и сильны. В битве они были яростны как львы. Один бесстрашно шел против десяти, как и до настоящего времени всесилен, стоек в битве и войне народ северных полуночных стран^[24], так же и болгары первоначально были стойкими и сильными в битве».

Паисий в своем сочинении нигде прямо не призывал к борьбе против турецкого ига, но каждое слово зажигало в людях любовь к своей поработанной родине, будило стремление избавиться от тяжелой напасти.

Со своим сочинением отправился Паисий в путешествие по родной земле. Он проповедовал в народе свои идеи, находил все новых и новых последователей, которые переписывали его «Историю» и несли его заветы дальше.

Паисий стал вдохновенным трибуном народной совести. Он оказал воздействие не только на своих современников, но и на будущее поколение.

Он первый, предвидя истории ход,
Немеркнувшей искрой зажег свой народ.

(И. Вазов)

Из искры, брошенной им, позднее разгорелось пламя национально-освободительной борьбы.

Его идеи легли в основу болгарского национального возрождения — великого процесса, который наступил в конце XVIII века.

Это была эпоха формирования болгарской нации, когда распыленный болгарский народ объединялся в одно целое, когда возрождался и развивался единый язык, крепились национальные стремления, возрождались и создавалась новая национальная культура. Это был тот период в истории Болгарии, когда народ, поработанный духовно и политически, постепенно освобождался от цепей средневековья и греческого духовного рабства и стремительно втягивался в борьбу за политическую свободу и независимость.

На борьбу выступали уже не одиночки, а массы. Этому способствовали также и войны, которые вела Россия против Турции в конце XVIII века и первой трети XIX века. Они расшатывали военное могущество султанов, облегчали болгарам борьбу против угнетателей.

Первая половина XIX столетия знает много восстаний, происходивших во всех частях Болгарии. В 1835—1836 годах прокатилась волна возмущений в Западной Болгарии, в 1841 году — в соседних с Сербским княжеством Нишском и Лясковацком уездах.

Турецкие власти свирепо расправлялись с повстанцами. Жестокости при подавлении Нишского восстания потрясли общественность всей Европы. Известный французский путешественник Бланки,

выезжавший в район восстания по поручению своего правительства, по возвращении на родину писал:

«Европа не представляет себе, какие мучения терпят у ее ворот, а вернее сказать, в ее недрах, свыше семи миллионов таких же христиан, как и мы с вами, которых правительство, поддерживающее дипломатические отношения со всеми христианскими государствами, третировало, как собак, за их религиозные убеждения! Европейцам трудно представить, что в этой части Турции честь каждой женщины-христианки находится в полной зависимости от прихоти первого встречного мусульманина. Европа не знает, что турки врываются в дома христиан и присваивают все, что им понравится, что просить о пощаде там опаснее, нежели сопротивляться, и что ничтожные гарантии личной безопасности, предоставляемые народам самых отсталых стран, показались бы беспредельной милостью для населения Болгарии».

К середине XIX века повстанческое движение охватило крестьянскую массу почти всей Болгарии. Но наибольшее восстание возникло в северо-западной части страны. 1 июня 1850 года доведенные до отчаяния тысячи крестьян Видинского округа поднялись на борьбу, вооруженные дубинами, топорами, самодельными пиками. Они требовали вернуть им земли, захваченные турецкими помещиками, упорядочить взимание налогов, разрешить им носить оружие наравне с турками, чтобы охранять честь семьи. Они говорили; «Лучше смерть, чем такая жизнь!»

Судьба и этого восстания была столь же трагична, как и всех других. Ворвавшись в Белоградчик, центр бунта, каратели устроили резню. «В Белоградчике не осталось никакого следа от болгар и болгарского», — сказал очевидец.

Восстание в северо-западной Болгарии в 1850 году было последним и самым мощным проявлением

стихийного крестьянского повстанческого движения во второй половине прошлого столетия. Оно, как и другие крестьянские выступления того периода, несмотря на свою неорганизованность, показало, что в Болгарии началось национально-освободительное движение, что в болгарском народе зреют революционные силы.

После Крымской войны (1853—1856 годы) массы ремесленников и крестьян, попавших в еще более невыносимые условия, стали видеть единственное спасение в вооруженной борьбе. В самих массах зрела идея перехода от стихийных бунтов к организованной борьбе со всем строем, который обрекает их на разорение и обнищание. Из среды народной интеллигенции выходило все больше одиночек, которые искали новые пути, новые формы борьбы.

На этом фоне в шестидесятых годах прошлого столетия в болгарской общественно-политической жизни вырастает яркая фигура великого патриота и бесстрашного борца за дело народа Георгия Раковского.

Ему суждено было стать родоначальником революционно-демократической идеологии в Болгарии, «патриархом болгарской революции». С его именем связано начало организованной борьбы за политическое освобождение болгарского народа.

Родился Раковский в 1821 году в Котеле, одном из тех городков, которые сыграли большую роль в болгарском возрождении. Неустрашимыми людьми славился род его. Дядя и отец не раз поднимали котленцев на защиту родных очагов от банд кирджалиев. Мать его — сестра знаменитого капитана Георгия Мамарчева, который дважды пытался разжечь бунт и погиб в турецкой ссылке. Отец Раковского был человеком богатым, сына своего отправил учиться в Константинополь, а оттуда — в Афины. В Афинах Раковский сблизился с греческой молодежью, которая готовилась выступить против турок, и это определило

всю его дальнейшую жизнь. Бросив учение, Раковский перебрался в Румынию, в Браилу, чтобы оттуда заняться организацией восстания в Болгарии. Власти раскрыли заговорщиков и судили их.

При содействии греческого консула Раковский бежал во Францию. Но не смог долго жить вдали от родины.

В 1844 году он вернулся в Котел. Летом того же года, как писал сам Раковский, в Котеле началась смертельная вражда между лукавыми деревенскими старейшинами и слабым и неповинным народом, угнетенным насилиями и несправедливостью.

Отец Раковского, Стойко, принял сторону обездоленных. Обозлившиеся богачи отправили в Константинополь донос с обвинением Стойко и его сына в измене султану. Последовал приказ об аресте. Голодных, закованных в цепи, их доставили, в Константинополь и бросили в глубокое подземелье.

Свыше трех лет просидели они в самой страшной константинопольской тюрьме. Но никакие угрозы и истязания не сломили Раковского и его старого отца. Поддержанные соотечественниками, они добились свободы.

По выходе из тюрьмы Раковский, видя полное разорение родителей, занялся было адвокатурой, а затем коммерцией. Перед ним открылся путь к богатству и преуспеванию. Но не смог он удовлетвориться привольной жизнью, когда страдал народ. «Сколько я ни обогащался в торговых делах, — писал позже Раковский, — удовольствия от этого я не получал, так как хорошо познал страдания нашего бедного народа и увидел, что он со дня на день попадает под все более тяжелый гнет... И это стало в моем сердце язвой неизлечимой».

Раковский бросил торговые дела и отдался народному делу. «Пока меня держат ноги и пока я ощущаю в себе малейшие умственные силы, — не раз говорил он, — я не перестану работать на пользу своего

народа, который так сильно полюбил смолоду и дороже которого для меня нет ничего на свете».

Бунтарь и гайдук, он в первые годы своей деятельности видел путь спасения родины в гайдуцких четах, в стихийном действии героев-одиночек. Испытав неудачу браильского бунта и гайдуцкой четы периода Крымской войны, Раковский временно отходит от непосредственной вооруженной борьбы. Он становится идеологом народного движения за самостоятельную болгарскую церковь, видя в этом утверждение болгарской национальности.

Преследуемый турецкими властями, Раковский в конце 1858 года уезжает в «благословенную русскую землю, покровительницу болгар» и останавливается в Одессе. Здесь он, оторванный от родины, занимается историей, филологией и этнографией Болгарии.

В грядущего мрак ты вглядеться пытался,
В забытое прошлое дерзко вторгался,
Чтоб снова взметнуть, словно зыггмя полка,
Забвеньем покрытые славой века,
Звучанья юнацких сказаний и песен,
Преданья, которых не тронула плесень...

(И. Вазов)

Получив в начале 1860 года возможность поселиться ближе к Болгарии, Раковский отправился в Сербию. Здесь развернулся его талант публициста. В Белграде он издает газету «Дунавски лебед», которая горячо и страстно откликается на все злободневные вопросы, встающие перед болгарским народом, разоблачает козни его врагов, зовет к единению, «святому и братскому согласию», которое в неравной борьбе послужит лучшим оружием.

Наступил 1861 год, год, который определил развитие многих исторических событий и поворот в личных судьбах до той поры неизвестных людей.

Находясь вблизи от Болгарии, Раковский пристально следит за обстановкой в стране и окружающем мире, за настроениями народных масс. Он видит, как нарастающий экономический кризис усиливает революционное брожение в Болгарии. Он ощущает, как под влиянием того же кризиса слабеет Турецкая империя. Он знает, что Сербия готовится к полному освобождению от турецкой опеки. И решает, что наступает благоприятный момент для восстания. Придя к этому выводу, Раковский прерывает публицистическую деятельность.

В тот 1861 год Раковский внес в болгарское революционное движение новую идею — идею тайных комитетов для освобождения Болгарии. Правда, перед комитетами еще не ставилась задача организации восстания. Комитеты, по замыслу Раковского, должны были только оповещать народ о готовящемся восстании. А сама подготовка к восстанию заключалась в приобретении каждым в меру своих возможностей оружия и боеприпасов. Но и такие комитеты уже вносили организующее начало, были новой, более высокой формой революционной борьбы в Болгарии.

Огненное слово пропагандиста и талант организатора — все отдал Раковский делу революции.

В прибалканских городах молодые его помощники создавали тайные комитеты. По стране ходили его агенты, передавали из рук в руки верным людям письма и воззвания, несли в народ его идеи.

«Наша свобода зависит от восстания! — пишет он через своего друга Иосифа Дайнелова своим единомышленникам в Константинополь. — Без этого ничего не добиться. Без дорогих жертв свободу не завоевать. Нашему народу надо усвоить хороший урок и

не надеяться на помощь, а выполнить свой священный долг, который рано или поздно призовет нас... Подумайте хорошенько, братья, и решайте сами. Я готов предводительствовать вами, когда вы того пожелаете. Этот мой призыв относится особенно к той молодежи, в жилах которых течет благородная болгарская кровь и которые не пожалеют пролить ее за Болгарию. Время очень серьезное, и, если мы упустим его, трудно будет наверстать. Передайте привет всем нашим братьям и расскажите им обо всем, что я вам пишу».

Раковский берется за организацию революционной армии, которая должна впервые объединить все гайдуцкие четы. Он сзывает к себе гайдуцких воевод. Его призыв достиг воеводы Христо Македонского и его верных молодцов, укрывавшихся в ту зиму у монаха-отшельника Рилского монастыря деда Данаила.

— Он звал нас к себе в Белград, говорил, что там мы подготовимся к большой работе, к высокому народному делу, что скоро мы разобьем рабские цепи и не как гайдуки, а как революционеры воскресим Болгарию...— рассказывал позже Македонский. — Слово «революционер» запечатлелось в моей голове. Я уже позже не хотел быть простым гайдуком, чтобы мстить за самого себя, за своих домашних и приятелей, но желал стать революционером, чтобы помогать народу избавиться от ига.

Письма Раковского, его люди проникают везде и всюду. Его призывы будоражат умы, рождают надежды, вызывают готовность на жертвы.

Перо твое, речь твоя, ярость бойца
Надежды вселяли в людские сердца.

(И. Вазов)

В городе Карлове Раковский учился в юности, с этим городом он не терял связи и в годы скитаний по чужим землям. Его здесь знают. Слава его — бунтаря и радетеля народного — стоит высоко. К призывам его прислушиваются. А они все идут и идут путями неведомыми, тайными. Вчера в тесном кружке читали его газету. Сегодня заговорили о его письме. А то пройдет слух, что в городе побывал посланец самого Раковского, приносил весть о скором избавлении.

Молодежь возбуждена. За городом в поле, в садах сходились, чтобы поговорить о слышанном, если удавалось — прочесть строки из письма или статьи Раковского.

Бывал на таких сходках и дьякон Игнатий. Раз возвращались поздно. Город засыпал. А настроение такое, что песня так и рвалась. И дьякон запел своим звонким голосом:

Восстань, восстань, юнак балканский!
От сна глубокого буди
И против власти оттоманской
На битву всех болгар веди!

— Что ты! Турки услышат...

— Пусть слушают и дрожат! А болгар это только порадует, — ответил Игнатий и как ни в чем не бывало продолжил бунтарскую песню.

«И не одна болгарская душа в ту ночь радостно трепетала за закрытой ставней», — вспоминал о той ночи друг Игнатия.

Около дьякона, выделявшегося среди сверстников грамотностью и начитанностью, сколачивался свой кружок. Собирался он на церковном дворе, где в монастырском метохе жил Игнатий.

Как-то в тихий весенний вечер к нему пришли его верные товарищи Хаджи Георгий, Иван Тюрмето, Христо Пулев, Георгий Рачев и Васил Трантеев. Говорили о будущем, о своем месте в освободительной борьбе. Игнатий с увлечением рассказывал о своих планах. Друзья слушали молодого проповедника свободы. И только Васил Трантеев думал о другом. Он весь унесся в тот день, когда обзаведется домом, красивой женой. Захваченный этими мыслями, он спросил Христо Пулева:

— Ты отдашь мне свою сестру?

Игнатий вскочил и резко сказал Василю:

— Молчи, бесстыжий! В такую минуту о чем ты думаешь!

И тут же раздалась звонкая пощечина.

...С того вечера никогда и никому не будет он прощать забвения народного дела.

События нарастали. Каждый день приносил новое. Дьякона Игнатия пригласили в тот дом, где он впервые услышал «Лесного странника». Сказали, что сегодня будут читать обращение Раковского к болгарам.

И опять, как и в тот вечер, когда в комнату внесли свечи, мерно зазвучал четкий голос:

— «Милые братья болгары!

До каких пор будем терпеть это иго? Посмотрите вокруг себя: со Дня на день становится все хуже, новые и новые жестокости, новые грабежи и убийства! Будет ли конец злодейству турок, будет ли конец нашим мукам? Когда пройдет эта жестокая зима и для нас настанет счастливая весна? Каждый спрашивает об этом и ждет спасенья.

И вот, братья, я вам говорю: спасенье уже видно!

Большие события происходят вокруг нас. В Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание. Разве этого мало? Сербия и Черногория собирают войска против турок. Весной война начнется. Приближается великий час!

Что будем делать мы, болгары? Будем ли мы сидеть со сложенными руками? Будем надеяться на бога и на соседние славянские народы или поможем сами себе? Вставайте, братья! Со всех краев нашего злосчастного отечества стекайтесь в Белград! Как только наступит весна, войдем в Болгарию и освободим любезный нам народ от турецкой тирании.

Поднимайтесь! Уже нет времени для раздумий, теперь дела решают все. Лучше смерть за свободу, чем жизнь в рабстве!

Белград, осень 1861 года.

Народный воевода Г. С. Раковский».

Когда кончилось чтение, Игнатий рванулся:

— Что надо делать? Говорите!

— Подожди, и об этом тебе скажут.

На исходе был 1861 год. Исторические материалы свидетельствуют, что к тому времени в Карлове уже существовал созданный агентами Раковского тайный революционный комитет. Но не сохранилось документов, которые говорили бы об участии в нем дьякона Игнатия. Осталось лишь признание, сделанное позже в письме самим Игнатием, когда он уже был известен как Васил Левский:

«Я еще с 1861 года посвятил себя своему отечеству, чтобы служить ему до смерти и бороться за народную волю».

УХОД

Медленно надвигается вечер. Отбросили горы длинные тени. Побежал по долине холодок. А мартовское солнце, большое и теплое, зацепившись краешком за острую гряду Стара Планины, все еще посылает свои лучи. Не задевая земли, они скользят по

вершинам, по пушистым облакам, зажигая их ярким огнем.

По улицам городка возвращается с поля скот, и в воздухе слегка пахнет парным молоком и теплым свежим навозом.

С шумом и гамом устраиваются на ночлег повесенному настроенные птицы.

В длинной черной рясе, с крестом на груди шагает, ничего не видя и не слыша, дьякон Игнатий. Его синие глаза потуплены, над переносицей легла резкая складка.

От калитки глядит ему вслед мать. Украдкой, чтоб не видел сын, если вдруг обернется, прикладывает к глазам концы черного головного платка.

В церковном дворе встретился старый звонарь.

— Добыр вечор!

— Добыр вечор! — ответил дьякон, но не задержался, как обычно, и не спросил о здоровье.

Через калитку в каменной невысокой стене прошел во двор монастырского метоха. Перед входом в дядино жилье приостановился. Протянул было к щеколде руку, но тут же отдернул ее и, бросив долгий взгляд на дверь, зашагал дальше, к себе.

В келье было душно. Открыл окно. Ворвалась грустная девичья песня. Игнатий выглянул. Из садов возвращались девушки. Пели они о разлуке с милым, уезжавшим в дальние края.

Песня давно затихла, а Игнатий все стоял и глядел вдаль, на город, на горы.

— Вот и мне пришло время расставаться, — сказал он сам себе и прошел в глубь кельи, где вдоль стены стояла койка.

Не раздеваясь, лег, закинув руки за голову. Сомкнул глаза.

Видится ему дорога — дальняя, неизвестная, через горы, леса и реки. Катится перед ним по небу солнце к

закату и манит его за собой в края неведомые. А то вдруг набежит туча, прикроет солнце, и тогда над горами возникает и все растет и растет какая-то фигура. Игнатий вглядывается и узнает: Раковский — усатый, грозный, высокий. Игнатий его в жизни не видел, но таким он ему кажется по рассказам. Раковский глядит в упор и говорит: «Спеши, спеши!»

Игнатий открывает глаза. Нет ни Раковского, ни солнца. В келье уже совсем темно и не доносится никаких звуков, кроме лая собачьего.

— Да, надо спешить.

От этих слов, высказанных вслух, по спине поползли мурашки.

«А как же мать? Имею ли я право ее бросить? А младшие братья? Разве я не должен быть их опорой?» — всплывают мысли одна другой тревожней.

Вспоминается прощанье, слова матери: «Делай так, как решил. Конечно, мне тяжело, но я не одна, и у других сыны уходят». Говорит, а слезы льются, льются. Улыбкой остановила их. Прижала к лицу голову сына и светлыми волосами его стерла следы слез. «Ну вот я и не плачу, — заулыбалась, засуетилась: — Иди, иди. Ночью встретимся у Андрея. Туда принесу все, что нужно на дорогу».

Шевельнулось было раскаянье, что не попрощался с дядей, но тут же сам себя успокоил: не поймет он, как не понял страсти к ученью.

Мысль об учении в России на миг озарила душу и тут же погасла. «Что же жалеть? Видно, не суждено.

Только один путь болгарину открыт: бороться и в борьбе или победить, или умереть. Теперь нет времени для раздумий, теперь дела решают все— так ведь сказал Раковский».

В памяти возникли и другие его слова: «Что же будем делать мы, болгары? Будем надеяться на бога... или поможем сами себе?»

Руки Игнатия скользнули по кресту на груди: «А как же быть с этим?»

Игнатий мечется от одной мысли к другой. Ищет ответа и то находит, успокаиваясь, то вновь горит его голова и трепетно стучит сердце...

Через много лет современник Левского, болгарский поэт Иван Вазов проникнет в мятущуюся душу . и передаст ее переживания в ту ночь:

«Душе моей тесно в монашеской келье,
Когда от соблазнов, сует и веселья —
От мира уходит сюда человек,
Он каяться должен, смирившись навек.
Но совесть моя говорит мне упорно:
Покрывшись монашеской рясою черной,
Приблизиться я не смогу к небесам...
Мне кажется, в рай неизвестны пути.
Туда через келью мне вряд ли войти,
В молитве поклоны кладя дни и ночи.
И кажется мне, что пути есть короче:
Что вдовьи рыданья и слезы сирот,
Что каждого честного пахаря пот,
Что слово благое и правое дело,
Что правда, народу открытая смело,
Что братская помощи скрытой рука,
Протянутая, чтобы спасти бедняка,
Всевышнему много милей и дороже
Молений и гимнов о милости божьей.
Отныне я знаю, что близкие нам,
Что братья — не здесь, а за стенами, там;
Что в жизни есть боле достойные цели,
Чем песни о боге в монашеской келье;
Что я, в этой рясе, с большой бородой,
Тому, кто а несчастье, защитник плохой;
Что тот, кто истерзан в тюрьме палачами,
Не будет спасен никакими псалмами.

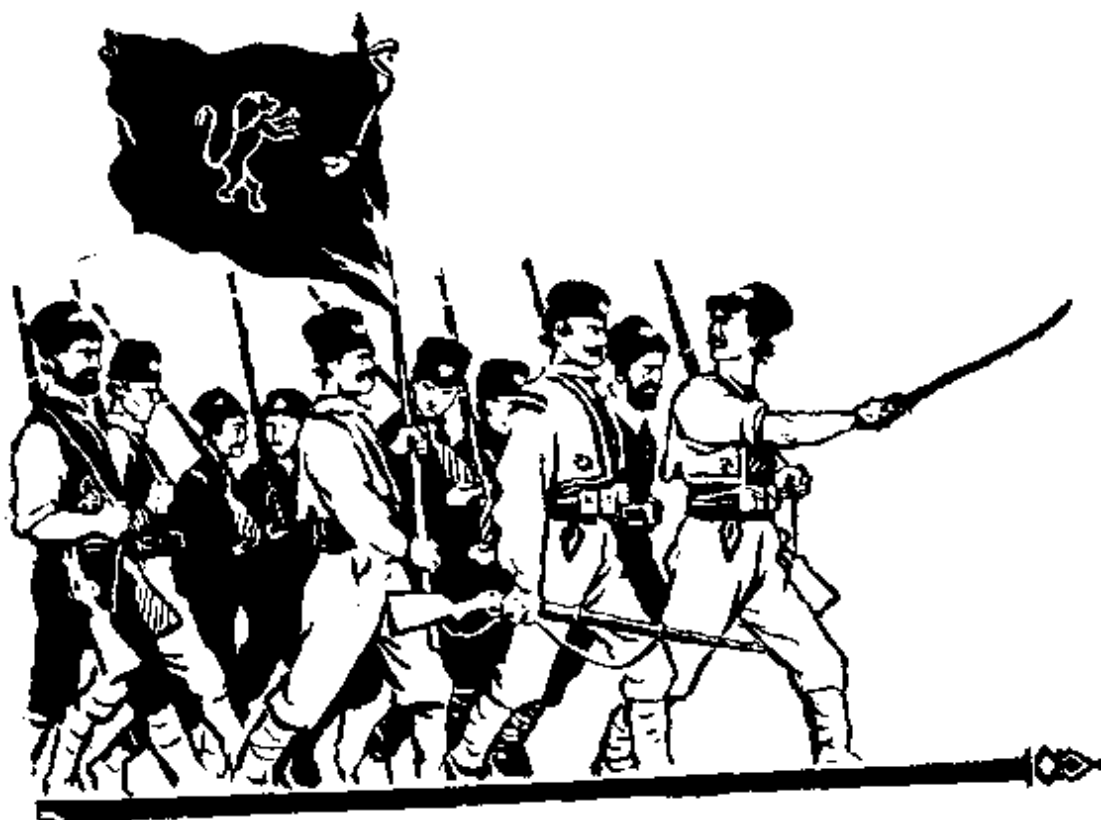
И он вместо жаркой молитвы моей
Нуждается в том, кто поможет скорей;
Что жизнь чабана — среди гор со стадами,
Измученного и жарой и дождями;
Что иго, поправшее братьев моих,
Тяжелою цепью сковавшее их,—
Мой грех. И пора мне в дорогу иную —
Покинуть обитель, для мира чужую,
И слово надежды тому принести,
Кто цепи влачит на тяжелом пути», —
Сказал и ушел.

— Пора!

Игнатий перекрестился и вышел. Теплая весенняя ночь окутала город. Все спало. Зайдя в конюшню, он взял охапку соломы, расстелил ее на каменных плитах двора от конюшни до ворот. Обвязал тряпками кованые копыта коня и вывел его за ворота...

Было это 3 марта 1862 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Часть
вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МОНАХ СТАНОВИТСЯ ВОИНОМ

Пятый день пробирается Игнатий на запад. Позади большой и шумный Пловдив, многочисленные села Фракийской равнины, стройные минареты Софии.

За Софией на горизонте вновь поднялся родной Балкан. Дорога идет по его южным отрогам.

Места незнакомые, манящие новизной. Случайные спутники рассказывают преданья старины глубокой, дела недавних лет. Слушает Игнатий, и кажется ему, что не вода, а кровь сочится из-под камней, и ветки, словно тысячи рук, протягиваются к нему с мольбой о защите.

— О боже, есть ли такой уголок, где бы не страдал болгарин?

Ночь захватила в горах. Приютили пастухи. Овцы загнаны в кошару^[25]. Костер давно погас. Не спится в теплую весеннюю ночь. Пастух приложил к губам кавал и заиграл.

Пел кавал, рассказывал о красоте родной земли, о море горя, затопившем ее:

Едет Стоян чащобой,
Гонит коня лихого,
Молвит такое слово:
«Здравствуй, мой лес зеленый,
Здравствуй, мой лес прохладный!
Правду скажи юнаку,
Правду открой Стояну:
Что ты поник ветвями,
Что почернели листья?
Снег ли обжег нежданный
Листья твои и ветки?
Или лесным пожаром
Зелень твою опалило?»
Лес отвечал Стояну:
«Здравствуй, Стоян-красавец!
Правду тебе отвечу.
Нет, не мороз ударил,
Нет, не сожгли пожары
Листья мои и ветки.
Я почернел от горя.
В полдень прошли сквозь чащу
Триста рабынь-невольниц.
Шли на цепи гречанки
Гибкие, словно ветви,
Шли на цепи валашки
Нежные, словно листья,
Шли на цепи болгарки
Белых цветов белее.
Чистые слезы роняли,

Жаловались, вздыхали:
«Кто нас спасет, несчастных,
От басурманов черных?»

...Оборвалась песня. Говорить не хотелось. Запрокинув голову, глядел Васил в бездну звездного неба. Обступивший поляну лес прорезали тревожные крики. Васил вскочил.

— Это ночная птица, — сказал пастух.

— Птица? А мне показалось — девичьи голоса...

Под вечер другого дня Игнатий подъезжал к Нишу, небольшому городу с болгаро-сербским населением. Усталый конь, понуря голову, брел по пыльной дороге. Вдали показалась белая башня. Стояла она на дороге, образуя ворота. Доехав до башни, Игнатий сошел с коня. Вглядевшись в ее стены, в ужасе отпрянул. Что это? Башня сложена из человеческих черепов.

Придя в себя, Игнатий оглядел башню со всех сторон. Тысяч пятнадцать-двадцать черепов пошло на ее сооружение.

Сохранившиеся на черепках волосы шевелились точно живые. Набегавшие с гор струи ветра врывались в пустые глазные впадины и ощеренные рты, и тогда казалось, что тысячи черепов жаловались и стонали.

Игнатий опустился на колени, скорбно склонив голову. Кто-то тронул его за плечо:

— Встань!

Игнатий вскинул голову и увидел сильного сурового человека.

— Встань, юноша! Не скорбеть по ним надо. Слышишь: к мщению они зовут.

Оглядев Игнатия, он продолжил:

— Ты, видно, не здешний. Иди и запомни эту башню.

До города ехали вместе. Суровый человек оказался нишским жителем.

— Ты заметил, — говорил он Игнатию, — что в нижней части башни черепов меньше. Жители окрестных селений по ночам тайком выкрадывают их и хоронят по христианскому обычаю. Так от башни может не остаться и следа. Воздвиг ее губернатор Ниша, турецкий паша, из голов сербов и болгар, убитых при подавлении Нишского восстания.

Приблизившись вплотную к Игнатию, спутник многозначительно добавил:

— А если бы мы все были дружны, не удалось бы этого сделать турецкому паше. Как ты думаешь?

Не успел Игнатий ответить, как услышал:

— А вот и Ниш! Доброго тебе пути, юнак!

В Нише Игнатий разыскал своего давнего знакомого, дьякона Геннадия, приезжавшего не раз в Карлово по делам своего патрона, нишского исповедника, архимандрита Виктора.

В ближайшем селе друзья сбросили рясы, купили крестьянскую одежду, срезали длинные дьяконские волосы и отправились в путь.

На границе они продали коней сербским офицерам и подались пешими в столицу Сербии Белград.

Молодое Сербское княжество в ту пору переживало бурный период своего национального становления.

После образования независимого Сербского княжества Турция оставила за собой право иметь свои гарнизоны в крепостях Сербии, в том числе и в ее столице. С помощью этих гарнизонов турецкий султан держал под своей опекой Сербское княжество, подчеркивая его вассальную зависимость от Турции.

Князь Михаил Обренович, вступивший на престол в 1860 году, задался целью достичь полной независимости Сербии и объединения вокруг нее других южно-славянских земель.

Созванная в августе 1861 года скупщина [\[26\]](#) поддержала планы князя и приняла закон об организации народного ополчения в составе пятидесяти тысяч человек. Фактически это был закон о создании новой армии в дополнение к тем шести тысячам человек регулярного войска, которое Сербия имела право содержать согласно договору с Турцией.

Князь Михаил попытался мирными средствами добиться вывода из Сербии турецких гарнизонов, но это не привело к желаемым результатам. Турция не намерена была сдавать своих позиций в Сербском княжестве. Развитие событий грозило перерасти в войну.

Сербский князь ищет союзников среди славянских народов и прежде всего среди болгар. Он устанавливает связь с находящимся в Белграде руководителем болгарской повстанческой организации Георгием Раковским. Министр иностранных дел Сербии Илья Гарашанин раскрывает Раковскому сербские планы. В ту пору Раковский был убежден, что Болгария сможет добиться освобождения только в союзе с Сербией. Он полагал, что восстание в Болгарии, приуроченное к началу войны Сербии против Турции, приведет к победе. Сербские планы борьбы против Турции за независимость устраивали Раковского. И он дал согласие на организацию в Белграде болгарского добровольческого легиона (легии). Было условлено, что легион после соответствующей подготовки вторгнется в Болгарию и поднимет там восстание, которое отвлечет турецкие силы, поможет Сербии очистить страну от турецких гарнизонов. Сербь, в свою очередь, обещали прийти на помощь восставшим болгарам.

В конце 1861 года Раковский составляет «План освобождения Болгарии». Он исходит из того, что «народный дух повсюду подготовлен к восстанию

против Турции, что для этого сиздавна велась работа, особенно за последний год».

Для организации восстания, полагал Раковский, необходимо, чтобы в Болгарию тайком перешел из Сербии «хорошо вооруженный полк из тысячи проверенных и побывавших в боях людей с двумя горными орудиями, четырьмя канонирами, четырьмя трубачами, с двумя хирургами и сотней всадников»^[27] и, двигаясь по Балканскому хребту, распространял всюду прокламации, призывая народ к восстанию, перерезал телеграфные линии и почтовые пути сообщения.

По расчетам Раковского полк на своем пути по Болгарии, «поднимая на восстание все села, будет умножаться с каждой минутой», а когда дойдет до берегов Черного моря, то число повстанцев достигнет пятисот тысяч.

Раковский также полагал, что, «как только начнется движение на Балканах», туда войдут гайдуцкие части, а из Румынии и Греции придут легионы болгарских добровольцев.

План Раковского был планом создания первой болгарской революционной армии! С ее помощью он рассчитывал поднять в Болгарии всеобщее восстание в тот момент, когда сербы, греки и черногорцы начнут войду с Турцией.

Составив план, Раковский тут же приступил к его осуществлению. В Болгарию полетели гонцы и письма Раковского, извещавшего о создании в Белграде болгарского легиона. Он сзывал к себе всех, кто любит родину, кто готов отдать за нее жизнь свою.

В ответ на призыв в Белград стекалась молодежь со всех уголков болгарской земли. Кто не мог выехать, посылал деньги на нужды легиона. «Никто ничего не жалел для народного дела, каждому хотелось сделать все от него зависящее для успешного восстания», — отмечал современник.

К весне 1862 года в Белград съехалось около шестисот патриотов. Были среди них и выдавшие виды гайдуки и молодые интеллигенты из эмиграции, но больше всего простых болгарских людей — ремесленников, огородников, крестьян.

К концу марта в Белград добрались и оба дьякона — Игнатий и Геннадий. Когда их в легионе спросили, как записать, дьякон Игнатий ответил:

— Васил Иванов!

Дьякон Геннадий сказал:

— Иван Ихтиманский!

Вступая в легион, они принимали новое звание: воин. По этому званию брали себе и имена — земные, мирские. Оба они назвались именами, которые были даны им при рождении, фамилию Васил брал от имени отца, а Иван — от названия родного села — Ихтиман.

Добровольцев разбили по сотням, разместили по казармам. Во главе сотен встали опытные гайдуцкие воеводы.

Кто не знает Илю-воеводу?

Про него сложена и гуляет по Балканам народная песня:

Стал известным Илю-воевода
По этим Рилским горам,
По этим зеленым лесам,
У этой зеленой травы,
У этой студеной воды.
Илю превосходит юначеством всех!
Не позволяет проехать казне,
Не позволяет произойти грабежу,
Не позволяет случиться обиде
На этих Рилских горах
От этих негодных турок.
Паша созвал низамов
И тихо им говорит:

«В Мелешские леса идите,
Илю-воеводу схватите,
Назад ему руки свяжите
Да в тюрьму его ведите».
Низамы жалостно отвечают:
«Паша, султанский наместник,
Ты лучше в Стамбул пошли нас,
С султанским войском мы станем биться,
Не посылай нас только
Ловить воеводу Илю,—
Ведь он герой всем героям:
Его и пуля боится,
Его и меч не ударит».

Много лет назад вышел Илю в горы, вышел, чтобы мстить за брата Станко, убитого турками. Скоро весть о делах молодого гайдука облетела ближние и дальние края, и потекли к нему юнаки, ища защиты, пылая местью. Один рассказывал, что турки убили его отца, другой оплакивал жену и дочь, третий спасался от злого врага. Посоветовал им Илю составить несколько чет, а сам выбрал пятнадцать отважных и повел их с собой по Балканам. Ходил он там шесть лет и ни разу не был разбит, не потерял ни одного товарища. Схватили тогда турки жену Илю с ее малыми детушками, хотели отомстить неуязвимому гайдуку. Рассвирепел Илю. Написал кюстендилскому управителю, что если жена его и дети не будут отпущены, то начнет он резать, вешать и жечь всех, кто попадется ему под руку. Отпустили турки жену и детей Илю, и не стал он лить безвинной крови, а мстил только тем, кто притеснял беззащитных болгар, будь тот хоть турок, хоть чорбаджия. Много лет с тех пор ходил еще Илю со своей отважной четой. Много раз пытались власти схватить его, но неуловим был Илю, как орел горный.

А разве не под стать Илю-воеводе молодой Филипп Тотю, горячий, рискованно отважный! Был он мирным торговцем скотом, добрым по природе человеком, любил нежную- песню и дружбу беззаветную.

Но однажды турки обидели его: отобрали скот, а самого посадили в тюрьму. Не стерпел обиды Тотю, отправился он из тюрьмы прямо в горы, нашел там товарищей и сделался борцом за право народное.

А спросите Тотю, у кого он учился гайдуковать, он ответит: у славного Бойчо. Того самого, который ходил с дружиной двадцать семь лет, оберегая обездоленных от злых правителей.

И сам Бойчо мог бы рассказать о своем учителе. Был это дед Цоню — «бородатый воевода». Много хлопот наделал он турецкому правительству. В Балканских горах, неподалеку от Сливена, есть одна поляна, которая и до сего дня носит название «Сейменски гробища» — кладбище сейменов. На этом месте «бородатый воевода» разбил отряд турецкого паши и навеки уложил в землю сейменов.

А разве воевода Цеко, командир сотни, менее отважен!

Тридцать два года отдал он борьбе с угнетателями, двадцать восемь раз был ранен, два с половиной года просидел в турецкой тюрьме, прикованный за шею железной цепью.

Любо служить под началом таких командиров. Есть чему у них поучиться. Есть что послушать. Да и legionеры, съехавшиеся со всех концов болгарской земли и из заграничных эмигрантских центров, привезли много интересного. После ученья то тут, то там собираются группы — кто горячо спорит, кто внимательно слушает рассказчика.

Башибузук. Рисунок с натуры из английского журнала.

Зверства башибузуков. Гравюра из английского журнала.

Чорбаджии передают туркам собранные у крестьян налоги. Рисунок Ф. Канитца.

«О чем мечтали болгарские деятели народного освобождения». Гравюра художника К. Русовича

Всеобщее внимание привлекал молодой писатель Васил Друмев. Прибыл он из Одессы, где учился в семинарии. Послушать его рассказы о России всегда было много охотников, а чаще всего его просили почитать свою повесть «Несчастный род». Эта первая болгарская повесть, опубликованная в 1860 году, вызвала у всех большой интерес.

— Я не писатель, — начинал обычно свое повествование Васил Друмев, — но, как болгарин, я решил по мере сил своих принести в дар матери родине то, что может пойти ей хоть сколько-нибудь на пользу. С этой мыслью я и написал свою повесть. Описаны в ней

страшные несчастья, которые претерпел болгарский народ.

Когда Друмев читал, горячие слушатели то и дело разражались проклятиями мучителям, то и дело воинственно вскрикивали: «Месть! Месть беспощадная!» Стихали выкрики, и вновь звучал голос рассказчика:

— Как видите, и этих несчастий было бы с нас предостаточно, но неумолимая божья воля готовила нам и другие беды...

— Какие же еще? Неужели нет конца страданиям?

— Нет, это еще не все. Теперь послушайте о нападении кирджалиев. Кирджалии! Чье чувствительное сердце не дрогнет при этом страшном для наших предков имени? Какой болгарин не заплачет, вспомнив все беды, что терпели наши прадеды от этих извергов? Сколько селений стало их жертвой, сколько невинных девушек и младенцев, разлученных со своими родителями, претерпевали страшные надругательства и в муках кончали свою жизнь! Да разве от одних только кирджалиев терпели муку наши прадеды? А от янычар? От делибашей?..

...Словно бешеные, напали кирджалии на Преслав. От грома выстрелов и бряцания клинков дрожала окрестность. Преславцы защищались столь мужественно, что кирджалии уже начали отступать, но внезапно в самой середине села вспыхнул пожар, и ужас охватил всех жителей...

— Чем же все кончилось? — слышался голос нетерпеливого слушателя.

— Преслав обратился в пепел. Погибли все его жители. Но и из многочисленной орды кирджалиев уцелели лишь немногие, да и те избитые, израненные. А пленных кирджалии предали невыносимым мукам.

Рассказчик умолк. Подавленные сидели его слушатели. Но вот в тишине кто-то медленно, точно в раздумье, проговорил:

— Нет, в одиночку сражаться даже так храбро, как преславцы, больше нельзя. Надо всем скопом,, всем народом навалиться и тогда... Тогда поглядим, чья возьмет...

— Это ты верно сказал, Васил. Когда объединимся — все преодолеем, — поддержали молодого синеглазого legionера его товарищи.

В обстановке большого патриотического подъема, святой ненависти к угнетателям, готовности к жертвам во имя свободы жил болгарский легион в Белграде.

Наступил торжественный день. Легион принимал присягу. На плацу построены сотни. Legionеры в новом обмундировании: белые куртки, расшитые красным и зеленым галуном, на шапках кокарды со львом и надписью: «Свобода или смерть». Перед строем рослый знаменосец со знаменем из трех полотнищ: белого, зеленого, красного. Три цвета национального флага. Раковский, утверждая форму и знамя, стремился подчеркнуть, что легион — болгарское войско, союзное сербскому князю Михаилу, а не болгарские добровольцы в рядах сербской армии.

Прозвучала команда: «Смирно!», и сотни замерли.

Показалась коляска в сопровождении военного конвоя. Из нее вышел и направился к легиону народный воевода Георгий Раковский. На нем темнокрасные панталоны, белая красиво расшитая куртка, с могучих плеч спадает длинная черная пелерина. Высокий, он быстрым взглядом черных огненных глаз окидывает сотни и громовым голосом здоровается с ними. В ответ несется «ура». В воздух летят шапки. Раковский обходит строй. Вместе с ним гайдуцкие воеводы: Илю Марков, Филипп Тотю, Христо Македонский, Цеко из Лома, Иван Кулин.

Раковский поздравляет legionеров, говорит им о многострадальной родине, об их сыновнем долге перед

ней:

— Любовь к отечеству превосходит все блага мира, она самая утешительная мысль для человека. Ставши в человеке постоянным началом, она заставляет его презирать все остальное, что есть у него на свете, и побуждает его на самые невероятные и опасные предприятия. Чем бы ни занимался человек, какое бы добро он ни принес миру, он никогда не может иметь большего и высшего удовольствия и наслаждения, чем делая добро для своего отечества и успевая совершить что-либо в пользу его. Долг каждого любить народ свой и отечество свое, а кто отступает от этого долга, тот уподобляется бессловесному животному, о жизни которого не останется даже воспоминания. Принесем же своему отечеству ту пользу, которую оно ждет от нас. Да будет девизом нашей жизни: «Свобода или смерть!»

Неистовый восторг охватил молодых воинов. Кричали «ура», «Да здравствует Болгария!», «Веди нас в бой, народный воевода!»

Когда разошлись по казармам, только и разговоров было, что о Раковском.

— А почему у него нет двух пальцев на левой руке?

— А почему так сурово его лицо?

И снова вспоминали боевую жизнь своего главного воеводы и в душе клялись быть такими же, как и он.

Высокий воинский дух царил в легионе. Ждали только сигнала. Внутренне все уже давно были готовы...

3 июня 1862 года в воскресный день, когда улицы сербской столицы были полны гулявшим народом, турецкие солдаты убили у фонтана сербского мальчика. Прибывшие на место происшествия сербские полицейские были обстреляны турками, один из сербов убит, другой ранен.

В накаленной обстановке было достаточно этой провокации, чтобы возник вооруженный конфликт. Возмущенные сербы вышли на улицы с оружием в руках.

Начались стычки, которые к ночи охватили весь город. На подмогу сербам поспешили болгары. Часть легионеров, еще не получившая оружия, вооружалась чем попало. Огородники, столяры и плотники прибегли к привычному оружию: вилам и топорам. Другие похватали тяжелые дубины. Раковский и его помощник Илю-воевода вывели вооруженных легионеров. В ту же ночь легионеры захватили сильное турецкое укрепление Вараш и, разрушив его, бросились штурмовать другое — Савакапию. «В несколько минут, — говорит очевидец, — страшное укрепление, которое годами пугало христиан, превратилось в прах под ногами наших легионеров». Неистовый восторг охватил болгарских воинов. Решив, что началась долгожданная война с Турцией, они отважно вступили в бой. Васил Иванов и его новый молодой друг Стефан Караджа, увидев, что турки, укрывшиеся в мечети, ранили двух проходивших болгар, с обнаженными штыками ворвались в мечеть, полную врагов.

Загнав турок в крепость, сербы и болгары прекратили стрельбу. Но турки через день повторили провокацию. Когда на улицах города собралось много народу для похорон убитого сербского полицейского, турки открыли из крепости орудийный огонь по сербским кварталам города. Сражение разгорелось с новой силой. Болгарские легионеры во главе с Раковским заняли важные позиции около крепости и начали штурм ее. Мужественно бросились они на грозное укрепление, нанося тяжелые удары врагу.

Васил Иванов с сотней болгарских огородников смелым броском достиг крепостной стены. Стефан Караджа, недаром прозванный серной [\[28\]](#), скакал с крыши на крышу и сеял смерть среди врагов.

Турецкий гарнизон был так крепко заперт в крепости, что не посмел сделать вылазку и устроить

резню христианского населения, хотя и имел значительный перевес в численности и вооруженности.

Турция, вызвав конфликт, хотела использовать его, чтобы принудить Сербию отказаться от своих попыток окончательно избавиться от турецкой зависимости. К границам Сербии были подтянуты турецкие войска. Конфликт грозил перерасти в войну. В события вмешались европейские державы. И тут сербы и болгары еще раз увидели, кто их враг и кто друг. Некоторые европейские консулы в Белграде заявили Турции протест против ее действий. Но австрийский консул, пребывавший в дружбе с турецким комендантом крепости, отказался поддержать протест. Английский консул действовал двусмысленно, а правительство Англии обвиняло сербов в возникновении конфликта и предлагало австрийцам занять Белград. И только Россия прямо выступила и против поведения Турции и против предложения Англии.

Для улаживания конфликта в Константинополе созвали конференцию. На время ее работы боевые действия в Белграде прекратились. Но осада крепости не снималась. Командование легиона решило использовать перемирие для военного обучения. Учились здесь же, на позициях у старой крепости.

Раковский часто сам проводил занятия. Как-то раз легионеры должны были перескочить широкий турецкий окоп с высокой насыпью. Кое-кто растерялся. Дошла очередь до Васи́ла Ива́нова. Он легко перепрыгнул через препятствие. Раковский, наблюдавший ученье, восхищенно воскликнул:

— Това е левски скок!

Немало были удивлены и товарищи Васи́ла, свидетели левски скока — его львиного прыжка. Слова Раковского подхватили, и за молодым бойцом укрепилось прозвище Левский.

Три месяца, с июня по сентябрь, продолжалась осада крепости. Раковский и весь болгарский легион не теряли надежды, что конфликт неминуемо перерастет в войну Сербии с Турцией и тогда они отправятся в Болгарию, чтобы поднять народ на восстание.

Раковский, в ожидании этого момента, написал пламенное воззвание к болгарскому народу:

«Милые братья болгары!

Пришло время сокрушить тяжкое иго наших мучителей... К оружию, братья, все от старого до малого за нашу дорогую свободу и независимость! Турецкое царство уже рушится... Почему мы бездействуем, болгары? Кого ждем? Европа и весь просвещенный мир готовы помочь нашей борьбе за свободу, но начать должны мы, показав, что в наших жилах еще течет юнацкая кровь наших предков и что нашим мучителям не удалось ее выпить...»

Еще раньше, до этого воззвания, Раковский отправил приказ гайдуцкому воеводе Панайоту Хитову, ходившему с четой по Стара Планине, готовить своих людей к предстоящему восстанию.

К схватке с врагом готовились в Тырнове и Габрове, крупных ремесленных и торговых центрах, во многих больших болгарских селах.

Все ждали сигнала. Все ждали, что вот-вот Сербия пойдет в последний бой против тирана. Тогда, считали болгары, ударят они своему врагу в спину и добьются желанной свободы.

Но прошла весна, минуло лето. Осенью было получено известие, что конфликт между Сербией и Турцией улажен. Сербское правительство приняло компромиссное решение конференции европейских держав: Турция отзывает свое гражданское население из Сербии, но оставляет гарнизоны в сербских крепостях.

Сербия помирилась с Турцией. Болгарский легион в этих условиях стал для Сербии не только не нужным, но и не желательным. К тому же Англия настоятельно потребовала, чтобы болгарские легионеры были изгнаны из Сербии. Сербское правительство предложило Раковскому распустить легион и отказаться от своих планов освобождения Болгарии.

«Когда я получил это известие, я думал, что сойду с ума», — записал в своем дневнике старый гайдук Панайот Хитов.

Потерпев крушение лучших надежд, распродав одежду, голые и босые, покидали Сербию болгарские добровольцы.

И лишь их вождь и духовный руководитель далеко глядел вперед.

— Легион не достиг своей конечной цели, но мы, — говорил Раковский, — дали европейцам и всем славянам понять, что болгары не только мирные пахари и кроткие ремесленники и торговцы, растерявшие свой военный дух, но что они все те же храбрые и неустрашимые юнаки и, когда наступят подходящие обстоятельства, они вновь поднимутся против своего смертельного врага... Год 1862-й должен остаться для болгар знаменательным и считаться первым шагом к их политической независимой жизни.

УЧИТЕЛЬ

Весной 1863 года Васил пробирался обратно в Болгарию. Невеселые мысли теснили его. Прошел год, как он покинул родину. И вот он возвращается. Но с чем? Что он скажет? Как объяснит людям неудачу, чтобы не убить в них надежду?

Васил мысленно обращается к Раковскому: что бы он сказал? Вспомнились долгие зимние вечера,

проведенные у него. После роспуска легии Васил остался в Белграде, нанялся в работники к местному богатею. Молодой болгарин Христо Иванов, с которым Васил сблизился в легии, ввел его в дом Раковского. Здесь в горячих спорах проводили время друзья и единомышленники. Сколько горьких сетований на настоящее и увлекательных планов на будущее высказывали горячие головы. И сам Раковский делился своими мыслями о путях освобождения родины. Он говорил, что неудача легиона — это не провал планов освобождения Болгарии. То, что не удалось теперь, удастся при других, более благоприятных обстоятельствах. Он верил, что балканские народы — сербы, черногорцы, греки — осознают общность целей и объединятся для сокрушения Турецкой империи. Но он в то же время подчеркивал, что рассчитывать болгары должны прежде всего на себя, на свои силы. Пусть никто не ждет, что ему свободу принесет кто-то другой. Разъехавшись отсюда, каждому надо, где он только сможет, готовить народ к последней и решительной схватке с тираном. Первую легию надо считать не концом, а началом святого освободительного дела. За первой легией последуют другие, еще более многочисленные. Надо только организовать их. А храбрецов Болгария всегда даст, сколько нужно...

Воспоминания разгоняли тяжкие думы, и Васил бодрее шагал по родной земле.

Чем ближе к дому, тем сильнее возникало беспокойство: как объявиться в Карлове, не привлекая к себе излишнего внимания? Чем объяснить длительную отлучку?

Созрело решение вновь облачиться в дьяконскую рясу. Духовное лицо вызовет меньше подозрений у турок, а в случае расспросов можно сказать, что ходил к святым местам или в Хилендарский монастырь, от имени

которого, как всем известно, служит в Карлове и он и его дядя.

Из Казанлыка Васил известил мать о своем прибытии и отправил письмо дяде с просьбой дать денег на приобретение дьяконской одежды. Радости матери не было границ, ведь она весь год не знала, что с сыном.

Дядя хотя и был сердит, что племянник исчез на его коне без разрешения, все же поспешил ответить: «Приезжай, одежду найдем».

Ночью Васил пришел в Карлово, в дом матери, а через несколько дней, когда была готова ряса и камилавка, на улицах городка появился молодой статный дьякон. Черная ряса облегла его крепкую, ладную фигуру, из-под камилавки выбивались пряди русых волос.

В первое же воскресенье дьякон вновь занял свое место в церкви святой богородицы. Когда зазвучал его звонкий голос, богомольцы от неожиданности встrepенулись:

— Кто это? Неужели дьякон Игнатий?

Пересудам не было конца. Вышедшего из церкви дьякона окружили друзья и увлекли за город, в лесок, где ничто не помешает разговорам. От друзей Васил не таился. Он рассказал им, где провел минувший год, разбредил их души рассказами о болгарской легии и о боях с турками, о Раковском и своих новых знакомых.

Как ни старался Васил не привлекать к себе внимания, все же возвращение его не осталось незамеченным турецкими властями. То ли по доносу, то ли по подозрению Басила вскоре арестовали и отправили в Пловдив.

Слух об аресте Левского дошел до его друга, степенного типографского переплетчика Христо Иванова, незадолго перед тем прибывшего в Пловдив из Белграда. Набрав хлеба, Христо Иванов направился в тюрьму будто для передачи подаяний заключенным, и

здесь, улучив минуту, шепнул Левскому: «Не бойся, принимаем меры».

С помощью друзей по белградской легии и видного болгарина, вице-консула Русского государства в Пловдиве Найдена Герова, Левский через три месяца был вызволен из турецкой тюрьмы.

Что делать дальше? Куда идти? Чем заняться? Васил решил еще раз попытаться обосноваться в родном городе, возле матери, которой так нужна сыновья помощь. Но, прибыв в Карлово, он убедился, что ему уже никогда здесь не жить. Злой шепоток вился вокруг его имени, недоброжелательные взгляды сопровождали каждый его шаг. Нужно уехать, но уехать, не вызвав новых подозрений, и Васил объявляет, что он едет учиться в Пловдив. Ничего, что ему шел уже двадцать шестой год. В те времена такие великовозрастные ученики не были редкостью.

Осенью 1863 года Васил приезжает в Пловдив и поступает в училище Иокима Груева, известного тогда болгарского патриота и просветителя.

Трудно было людям, изучавшим жизнь Васи́ла Левского, установить спустя десятки лет после его гибели подлинные причины многих его поступков. Кто, кроме него самого, мог объяснить, почему он, бросив ученье, ранней весной 1864 года вновь вернулся в Карлово? Какие помыслы руководили тогда молодым революционером, работавшим на свой риск и страх, без организующего центра? Можно лишь строить догадки на зыбкой почве отрывочных воспоминаний его современников.

Его друг, который до конца останется его верным помощником, Христо Иванов, рассказывал, что ранней весной, в великий пост, к нему пришел Васил и поведал о своем решении публично сбросить рясу, отказаться от

духовного сана. Видимо, с этой целью он и вернулся в Карлово.

...Весна 1864 года в Карлове, рассказывали свидетели тех событий, была особенно хороша. Раньше обычного оделись леса и ароматом окутались сады. Днем солнце слегка припекало, а ночи стояли теплые и ясные. В такую тихую пасхальную ночь в церкви святой богородицы шло торжественное богослужение. Народу было полным-полно. Дьякон Игнатий пел в ту ночь лучше обычного. Ласковый его голос проникал глубоко в души молящихся.

После службы Дьякон вместе с друзьями Георгием Христовым и Христо Пулевым отправились на праздничную трапезу в дом Георгия. Настроение у всех было приподнятое, весеннее, а потому друзья решили утром пойти за город, в Алтынчаир — излюбленное место прогулок. Дьякон попросил Георгия взять ножницы и гребень. Когда прибыли в Алтынчаир, дьякон снял шапку и сказал:

— Отныне я перестаю носить эту монашескую шапку.
— И тут же обратился к Георгию: — Возьми ножницы и обрежь мне волосы.

Товарищи Васи́ла растерялись. Но Васил настаивал, и Георгий трясущимися руками взялся за ножницы. Падает прядь русых волос — и Георгий, бледнея, выпускает из рук ножницы. Тогда Васил сам срезает волосы и надевает на голову новую феску.

Приятели Васи́ла потрясены, просят объяснить, что это значит, но Васил немногословен, он говорит только одно:

— Я решил стать учителем.

Прошла неделя, и в наступившее воскресенье место певчего в церкви занял молодой человек в темном коротком пальто. Его приняли за учителя из соседнего городка Сопот. Но когда он запел, все изумились. В новом певчем узнали дьякона Игнатия. Но почему он не

в рясе? Где его длинные волосы? По рядам богомольцев прокатился шепот. Одни осуждали, другие недоумевали, кое-кто гневно глядел на отступника. А он, чуть бледнее обычного, спокойно шел до конца службы.

При выходе из церкви Василя окружили, спрашивали, а он всем отвечал одно:

— Решил стать учителем.

Кто знает: это ли была тогда его сокровенная цель или скрывала она другую, еще более возвышенную? Может быть, не хотел да и не мог Васил открыть ту, другую цель. Одно лишь можно сказать уверенно: очень высокой должна быть та цель, ради которой он отрекался от духовного сана. Это еще не было разрывом с верой. Это был лишь отказ от духовной должности, которая стала помехой на пути к новой цели. Поняв, что к ней не дойти в рясе, он, никогда не делавший ничего наполовину, не колеблясь, сбросил ее. Но и этот поступок в те времена, когда церковь безраздельно владела душами людей, был подвигом.

На глазах у всех, спокойно и решительно ломая преграды из вековых условностей, безбоязненно бросая вызов ханжам и лицемерам, вдруг поднялась фигура огромная и непонятная. Одни инстинктивно почуяли в ней человека, от которого можно ждать любой жертвы, и молчаливо одобрили его подвиг; другие озлобились и испугались.

И всю жизнь свою с тех пор пронес этот человек сквозь любовь и ненависть, и обе они по силе своей были равны и обе освещали его путь и давали силы идти по нему, не страшась препятствий.

23 апреля 1864 года, в Георгиев день, крестьяне села Войнягово отмечали два события: престольный праздник и утверждение молодого учителя. Накануне закололи жирных баранов, понаготовили много вкусных блюд, помыли и побелили дома, украсили их зеленью.

Все сделали, чтобы достойно встретить день святого Георгия, покровителя стад и нив, сочных левад и лекарственных трав. Утром в каждом доме кто первый просыпался будил других ударом крапивой, чтобы были работающими весь год.

...Теплое солнце улыбалось с ясного неба, когда ударил колокол сельской церкви, восторженно живописал тот день местный летописец. Двинулись тогда крестьяне, празднично одетые, к божьему храму. Пели певчие, и священник начал литургию. В момент, когда все обратили свои очи к алтарю и тихо молились, в храм вошел стройный молодой человек, с ясным лицом, с живыми пронзительными глазами, с едва пробивающимися усиками и коротко остриженными волосами. Одежда его свидетельствовала, что он горожанин. Взгляды невольно обратились на него. Женщины тотчас отгадали, кто это, и шепотом одна другой сообщили: «Это дьякон Игнатий, который оставил дьяконство на пасху и пришел сюда, чтобы стать учителем». Молодой человек присоединился к хору, и его голос очаровал всех.

Из церкви выходили, оживленно разговаривая о новом учителе. Всем он пришелся по душе, и селяне лелеяли мысль, что, нанимая такого учителя, они получают для церкви хорошего певчего.

В полдень за селом, на Рашовом холме, собрались все войняговцы. Уселись полукругом на зеленой поляне вокруг вкусных яств. Священник освятил трапезу. Молодые женщины поднесли старикам пышные караваи, разбросали по земле первый сваренный в этом сезоне сыр как жертву сельскому покровителю, святому Георгию. И началось пиршество. Лилось вино, и тысячи благословений сыпалось Георгию за плодородный прошедший год, тысячи пожеланий, чтобы и нынешний был таким же. После обеда -начались песни и танцы.

Разодетые девушки и парни кружились в веселом хороводе.

На праздник явился и молодой учитель. Еще в Карлове договорился он о работе с войняговским старостой. Но обычай требовал, чтобы нанимающийся предстал перед жителями села. Только само общество могло его утвердить в должности учителя.

Расспрашивать долго не стали. И хотя некоторые не хотели принять «дьякона-расстригу», большинство утвердило его.

В ту ночь Васил долго не мог заснуть. То он пытался представить, как встретится со своими учениками, сможет ли проложить к их чутким сердцам короткую дорожку, то пытался угадать, как сложится здесь его жизнь. При мысли об этом вздрогнул. Во тьме ночи пред ним ясно встали злые, заплывшие жиром глазки кулака Добри и его визгливый выкрик: «Нам не нужен дьяк-расстрига!»

«От этого человека можно ждать беды, — подумал Васил. — Да и поп что-то не проявил особой радости: «Слыхал, слыхал о вашем подвиге, молодой человек». Должно быть, подал голос за меня только потому, что певчий ему нужен».

Мысль о пении согрела. До чего же он любил песню! Пел, когда грустно и когда весело. Одинаково охотно пел он и в кругу друзей боевые гайдуцкие песни и на церковном клиросе — величавые псалмы. Слава о нем как о сладкозвучном певце предшествовала его появлению в городках и селах Долины роз и Фракийской равнины. Сколько священников мечтало заполучить его в свои церкви! Сколько сердец замирало в благоговении, когда под сводами церкви плыл его голос!

Васил вспомнил, как зачарованно слушали его войняговцы, как одна женщина, истово перекрестившись, промолвила: «Благословенна мать,

родившая такое чадо», а девушка бросила исподлобья такой горячий и пугливый взгляд...

Васил улыбнулся. «Ничего, проживу и здесь, народ тут, видно, хороший». В памяти, как нельзя кстати, всплыли напутственные слова старо-загорского учителя: «Скоро вы уйдете из школы и пойдете сами учить. Помните завет нашего первого учителя, преславного Неофита Рилского. Учитель, говорил он, обязан не только обучать детей чтению и письму. Его долг нести просвещение в самую гущу народную, быть вожаком своего народа и в образовании и во всех делах мирских!»

Утром в школе, в ее единственной комнате, собрались ребята. Сбившись в кучку, тихонько гадали, какой он, новый учитель, добрый или злой, очень драчливый или такой, что терпеть будет можно. Старый частенько давал затрешины, а порой и палку пускал то по головам, то по рукам.

Учитель вошел незаметно и лишь успел поздороваться, как ребята мигом рассыпались по местам. Он долго разглядывал детей. Сидели они перед ним, низко склонив головы. Настороженные, нахохленные.

— Что вы сидите, как цыплята перед кошкой? Что, я вас съем, что ли? Давайте знакомиться, — весело сказал учитель, — Тебя как зовут?

— Петр Стоянов.

— А тебя, девочка?

— Иванка Добрева.

Заметив чью-то вихрастую, давно не чесанную, голову и чумазую физиономию, учитель, поманив пальцем, сказал:

— А ну, поди-ка ты сюда!

Мальчик приблизился. Но когда учитель протянул к его головке руку, пугливо вздрогнул и шарахнулся в сторону.

— Да ты что? Думал, я тебя ударю? Нет, дети, я вас бить не стану. А требовать от вас, чтобы вы хорошо учились, буду очень строго.

И он, как старший товарищ, запросто принялся рассказывать:

— Я, ребята, сам знаю, почем фунт лиха, какого вкуса учительская палка. Драли меня и во взаимном училище в Карлове, и в классном — в Стара-Загоре. Во взаимном били указкой, в классном — пятерней. Был мой черед вести учительского осла на водопой. Но ехать верхом на осле ученику запрещалось. Я нарушил это право. Напоив осла, уселся на него и поехал. Кто-то донес об этом учителю, а тот вытянул меня вдоль спины указкой. В старо-загорской школе был и такой случай. Учитель церковной истории любил нюхать табак и оглушительно, со свистом и всхлипыванием чихать. Один из учеников так хорошо передразнивал его, что хохотал весь класс. Раз учитель заметил это, вихрем влетел в классную комнату и всем влепил по оплеухе, а мне две — за то, что громче других смеялся...

Полюбили дети нового учителя — ласкового, душевного, большого выдумщика на разные забавы. То раскроет перед ними страницы прошлого их родины, то расскажет о славных делах народных защитников — отважных гайдуках, то учит их петь, то соберет в поле и устроит игры в солдаты, а в жаркие дни поведет мальчишек к реке Стряме купаться. И сам не отстает от них: в играх ли, в плаванье, в прыжках через препятствия. Только и слышат от него мальчата: «Смелей, смелей, в жизни все пригодится!»

Любил Левский детей. Один из его современников рассказывал:

«...Неожиданно к дедушке Николе пришли гости. Левский был среди них. Дети, встретив гостей, снова взялись за горячие игры. Во дворе поднялся шум.

Бабушка, чтобы успокоить, крикнула: «Молчите, турок идет!» Сразу стихло. Тогда Левский сказал: «У вас, бабушка, такие хорошие дети, смотрите, как они весело играли. И пусть играют, растут вольно и развивают свои мышцы, пусть крепнут для вашей утехы и защиты. Не пугайте их, не отнимайте у них детскую свободу. Не внушайте им страх, пусть будут смелыми, мужественными. Такие люди нам нужны. Пугливые и малодушные не способны постоять ни за себя, ни за братьев своих. Вы пугаете детей и этим воспитываете в них рабство, учите безропотно переносить его». Затем Левский позвал детей. Перепуганные, они стояли, опустив глаза, сжавшиеся, молчаливые. Левский поглядел на них и заметил: «Вот до чего доводит страх!» Приласкав детей, он сказал им: «Играйте, бегите на волю и турка не бойтесь». А когда дети ушли, обратился к взрослым: «Перестаньте учить детей, как бояться турка. Учите их, как освободиться от него».

Село Войнягово, где учительствовал Левский, расположено у подножья Средна-горы, в двух часах хода от Карлова. В далекие времена это было привилегированное «войнишко» — село, дававшее воинов турецкому султану. В таких селах менее чувствовалось турецкое господство. Привыкшие к относительной свободе, жители этих селений и после отмены привилегий сохраняли дух независимости и воинственности. Войняговцы слыли людьми смелого нрава. К ним без опаски спускались с гор гайдуки и находили радушный прием. Да и сами войняговцы пополняли гайдуцкие отряды.

Может быть, это и привлекло Левского в Войнягово — старое гайдуцкое гнездо. Где, как не здесь, искать тех храбрецов, которые понадобятся для будущих дел.

И Васил начал исподволь готовить войняговских юношей: то организует их в кружок военной

гимнастики, то незаметно заронит в них думку о том, что есть у человека нечто более высокое, чем забота о хлебе.

Бывавшие у Левского в Войнягово говорили, что у него тогда в числе других книг имелась и книга Юрия Венелина «Критические исследования об истории болгар». Эта книга, по выражению болгарского историка Миларова, «воспевала минувшие судьбы некогда славного и блестящего племени, в противоположность его современному унижению и ничтожеству; она дышала любовью, воодушевлением и поэзией; она высказывала пророческие надежды на пробуждение и возрождение этого племени и стремилась завоевать ему достойное место в кругу братских славянских и других племен» [\[29\]](#).

Огромно было влияние на пробуждение национального сознания среди болгар трудов Юрия Венелина. Его «Древние и нынешние болгаре» и «Критические исследования об истории болгар», а также его заметки «О зародыше новой болгарской литературы» совершили буквально переворот в мировоззрении многих видных болгар того времени.

Под влиянием книг Венелина одесские торговцы-болгары Василий Априлов и Николай Палаузов открыли в Габрове первое светское училище, которое положило начало новоболгарскому образованию. Известный деятель болгарского просвещения Атанас Кипиловский писал, что книгу «Древние и нынешние болгаре» он перечитывает уже в шестой раз и что в его душе «разгорелся такой восторг, какой, смело могу сказать, можно испытать от книг только самого чтимого автора».

Ботю Петков, отец Христо Ботева, перевел в 1853 году на болгарский язык «Критические исследования об истории болгар», изданные в Москве болгаринном И. Н. Денкоглу в 1849 году. В этом переводе труд Венелина ходил по Болгарии из рук в руки и служил для

революционеров и просветителей в их деятельности мощным оружием.

Не могла не прийтись по душе Василию Левскому и сама судьба молодого русского ученого. Не признаваемый официальными инстанциями русской науки, Венелин, претерпевая тяжкие лишения, занимался любимым делом — славяноведением.

Известный историк М. П. Погодин, обращаясь к А. С. Пушкину с просьбой помочь Венелину, рассказывал, в каких условиях находился молодой ученый:

«Гос. Венелин (автор книги «Древние и нынешние болгары») был послан от Академии Российской в Болгарию для исследований исторических и филологических. Полтора года он работал там среди чумы, холеры, горячки, лихорадки и варварства греческого, болгарского, волошского и иных, был болен, умирал. Привез добычу в Москву и занялся обработкой, прося Российскую Академию чего-нибудь ежемесячно или ежегодно на хлеб, квас и сапоги.

Академия требовала собранных материалов немедленно. Венелин отвечал: «Я не могу прислать вам иероглифов, а вот вам отрывок: болгарский глагол из составляемой грамматики и рассуждение о собственных именах. Дайте что-нибудь на пропитание». Опять тот же ответ. Венелин, наконец, оставаясь у меня на содержании, ибо негде ему было преклонить голову, кончил фолиант объяснений на болгарские грамоты с 14-го до 18-го века и послал оный вместе со снимками, собственноручно им сделанными на местах, паки и паки прося себе хлеба. И опять ничего.

Итого:

Спросите эти снимки в собрании, взгляните на них. Тогда вы почувствуете величие труда.

Потребуйте от Академии, и чтобы она назначила г. Венелину содержание, пока он трудится для Академии, начиная с ноября месяца 1831 года, с коего времени он живет в долг... Надо подкрепить, подбодрить этого человека, а он бывает в отчаянии...

Похлопочите же во имя божие для пользы общей.

Хлеба г. Венелину на два года — награду высочайшую.

Ваш М. П.

1833 г. Апрель 12».

Хлеба на два года как высочайшей награды! Вот чего просил профессор Погодин через Пушкина для русского ученого!

Не выдержав борьбы с академической рутинной, Юрий Венелин пал, скошенный туберкулезом, в 1839 году, когда ему было всего лишь 37 лет.

Одесские болгары поставили на его могиле в Даниловском монастыре, в Москве, памятник с надписью: «Напомнил свету о забытом, но некогда славном и могущественном племени болгар и пламенно желал видеть его возрождение».

Такая жизнь-подвиг не могла не привлечь внимания болгар, на себе познавших тяготы существования во власти всесильных и черствых господ.

Одни заверяли Венелина от имени «всех чад Болгарии», что признательный болгарский народ сплетет ему в своем сознании «венец вечной любви».

Другие собирали средства на издание его трудов.

Третьи, и их было много, его страстным словом будили народ, звали к свершению великих дел. Среди этих многих был и войняговский учитель Васил Левский.

Предчувствие не обмануло. Кулак Добри, тот самый, которому не понравился «дьяк-расстрига», устроил пакость.

Осенью 1865 года кулак Добри и прибывший из Карлова турок-писарь вели подсчет налогов. Крестьяне остались недовольны их расчетами и попросили учителя проверить. Это озлобило мироеда. С тех пор положение Василя в селе пошатнулось. С каждым днем придирчивее становились местные власти; чувствовалось, что кто-то упорно восстанавливает их против учителя. Все чаще Васил подмечал, что следят за каждым его шагом, цепляются к каждому слову.

Наладились было у Василя связи с мельниками Бечо Беровым и Божко Котовым, работавшими на водяной мельнице турка-карловчанина. Они заготавливали по его поручению съестные припасы для ходившей по горам гайдуцкой четы и передавали ей сведения о движении турецких карательных отрядов. В последние разы Левскому приходилось маскироваться под турка, а теперь и в турецкой одежде стало ходить опасно. Пришлось реже бывать у мельников. Это повлекло разрыв связей с друзьями Лило и Минчо — учителями из села Дыбене. Дорога в село пролегла через местность, где стояла мельница. Раз довелось услышать, как турецкий полицейский кричал на войняговских крестьян: «Уж очень вы подняли головы, это ваш учитель мутит вас!»

Все говорило о том, что надо уходить из Войнягова. В конце февраля 1866 года Васил тайно покинул село. Последующие события подтвердили правильность решения. После исчезновения Левского турецкие власти схватили группу молодых войняговцев. Арест показал: турки пронюхали о деятельности Левского и готовились учинить разгром организованной им группы единомышленников.

Тогда вскрылась и провокационная роль кулака Добри. Чтобы дать турецким властям повод для расправы с Левским, этот предатель обвинил его в присвоении денег, собранных для уплаты налогов. Но

крестьяне доказали, что деньги присвоил сам кулак и купил на них участок земли.

Арестованные друзья Левского не дали туркам ожидаемых сведений о бунтовщической деятельности учителя. Часть из них пришлось туркам отпустить, другие сами сбежали из тюрьмы в Россию. Позже один из них, Петр Петков Топалов, участвовал в вооруженном восстании 1876 года, а Иван Минчо Кисев и Георгий Колев Бузрев сражались добровольцами в рядах русских войск при освобождении Болгарии в 1877—1878 годах.

Семена, брошенные учителем в души войнаговцев, дали хорошие всходы.

Матери, как самому верному другу, открывал Васил свои планы, от нее, горячо любящей своего первенца, получал благословение и напутствие на новые дела. Покинув Войнягово, Васил тайно заехал к матери в Карлово, откуда направился дальше, на север, в Добруджу, поближе к Румынии, где, как он знал, находился Георгий Раковский, где думали о болгарских делах.

Видно, мать указала сыну и первое пристанище на его пути к новой цели. По прибытии в Меджидие, в Добрудже, Васил остановился у хорошего знакомого матери, местного торговца Горанова. Встретил тот Василю радушно, дал ему приют, снабдил одеждой, в которой не стыдно показаться в портовом дунайском городе Тулче. Ехал в Тулчу Васил в надежде отыскать боевого товарища по Белграду Стефана Караджу.

Караджу он не нашел, но зато его познакомили здесь с известным в местных передовых кругах священником Харитоном [\[30\]](#). Смелый патриот, помощник гайдуков, Харитон пришелся по душе Василу, и они подружились. По его приглашению Васил приехал в село Конгас и пел в церкви. Здесь нового певчего услышал художник Цоню Захариев, расписывавший вместе с

отцом и братом церковь в соседнем селе Эникьое. Голос и на этот раз выручил Васи́ла. Восхищенный его пением, художник пригласил Васи́ла в Эникьой, где помог ему устроиться учителем.

В Эникьое, как потом и всюду, куда он попадает, Левский готовит людей к схватке с тираном. Он обучает молодежь военной гимнастике и стрельбе, всему тому, чему сам научился от опытных гайдуцких воевод в Белграде.

В те годы в степях Добруджи рыскали разбойничьи шайки выселившихся из России татар и черкесов, они нападали на болгарские села, грабили их, жгли, уводили молодых женщин. Левский создал в Эникьое дружину, с которой в случае нужды приходил на помощь соседним селениям. Вскоре и там стали появляться отряды самообороны. Как радовался Левский, когда ему удавалось пробудить в забитом пахаре человеческое достоинство.

Его учитель Георгий Раковский не раз говорил: «Где народ, там и я». Так теперь жил и сам Левский. Его видели всюду: на свадьбе и на сходке, в кругу веселящейся молодежи и на сельском празднике. К нему за советом шли из окрестных сел, и сам он туда хаживал. Он не упускал случая, чтобы бросить зерно правды...

Три месяца прожил с ним Цоню Захари́ев, но навсегда впитал идеи освобождения, о которых так жарко говорил молодой проповедник революции. Таково было обаяние этого человека.

Осенью Захари́ев уезжал из Эникьоя. Прощаясь с Васи́лом, он услышал от него:

— И я здесь проживу только зиму, а весной оставляю учительство.

Больше Левский ничего не сказал. Или не хотел посвящать в свои планы, или они еще не оформились у

него. Известно лишь, что вскоре после отъезда Захариева покинул село и Васил Левский.

О дальнейшем можно судить лишь по единственному сохранившемуся его письму.

В ноябре 1866 года он был в румынском городе Яссы, откуда отправил Раковскому письмо с просьбой сообщить, как идут дела «по торговле» сейчас и чего следует ждать в будущем.

Можно предполагать, что в Яссы прибыл Левский, чтобы повидаться с Раковским и осведомиться у него о том, как идут народные дела сейчас и какие его намерения на будущую весну, когда снаряжаются в Румынии гайдуцкие четы для переброски их в Болгарию.

Левский не захватил Раковского в Яссах, но ему помогли связаться с ним письменно.

Ответ, видимо, пришел скоро, и Левский, не задерживаясь в Яссах, выехал обратно в Добруджу.

Теперь он знал, что готовит ему весна 1867 года.

СРЕДИ БОЛГАРСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Посветлело небо над широкой Добруджей. Низко плывшие всю зиму серые тучи исчезли. Небо стало выше и глубже. Снежный покров потерял свою ослепительную свежесть, посерел, осел. На пригорках обнажились взмокшие плешины земли.

Крестьяне готовили свои незатейливые орудия. Ждали южного ветра: сгонит он остатки снега, подсушит почву, и тогда начнется страда деревенская.

Ждал этого и Васил. Ему давно не терпелось. Прислушивался по ночам к капели, утром шел за околицу поглядеть, что е дорогами. А дороги текли грязными речками. Ни пройти по ним, ни проехать.

Южные ветры задули дружно и в какую-нибудь неделю подготовили добруджанскую равнину к пахоте и

севу. С понедельника, отслужив накануне молебен, на поля вышли пахари. Отправился в путь и Васил. Привычно пристроив за спиной котомку, шагал он весело, размашисто. Весна кружила голову, и он пел, сам не зная о чем.

В условленном пункте друзья помогли перебраться через Дунай. Теперь можно идти, не опасаясь, что тебя схватят турки. Румынская земля давно стала убежищем для болгар.

Бухарест, куда прибыл Васил, уже не тот, каким он его видел четыре года назад, возвращаясь из Белграда. В ту пору в румынской столице, по выражению современника, «жили только бесчувственные богачи: Грудовы, Колоневы, Евлогиевы и другие, которые были озабочены лишь тем, как бы лучше выговаривать греческую букву «Ф» и какое окончание прибавить к своей фамилии, чтобы не было заметно их болгарского происхождения» [\[31\]](#).

Теперь Бухарест — главный центр болгарской эмиграции. Сюда стекались бежавшие из турецкого ада; молодежь, жаждавшая борьбы за свободу родины; сюда на передышку уходили гайдуки. Здесь обосновались добровольцы первого болгарского легиона. Здесь развернули деятельность группы и кружки самых различных политических оттенков.

Левский попал в водоворот бурных политических страстей. Куда бы он ни заходил — в корчму, в ночлежный дом, в квартиры приятелей, — всюду слышал горячие споры о путях вызволения родины из тяжелой беды.

Во второй половине шестидесятых годов XIX столетия среди болгарской эмиграции в Румынии сложились три группировки с различными взглядами на направление национально-освободительного движения: Болгарский центральный тайный комитет — БЦТК,

революционная группа «молодых» во главе с Раковским и комитет «старых», или Добродетельная дружина.

БЦТК состоял из представителей средней и отчасти мелкой торгово-промышленной буржуазии. Выдавали они себя за революционеров, но в действительности были оппортунистами, отрицавшими революционную борьбу и предпочитавшими путь соглашения с правительством турецкого султана.

Метко охарактеризовал этот комитет видный болгарский деятель того времени Найден Геров. В одном из писем он так отозвался о БЦТК: «Не могу, однако, вам что-либо сказать о так называемом Тайном комитете. Он напрасно дал себе такое пугающее название, потому что его цель, поскольку я слышал о ней, — это расположить общественное мнение в Европе в пользу болгар, а это делают и не тайные комитеты».

Революционная группа «молодых», сплотившаяся около Раковского, отражала стремления мелкобуржуазных торгово-промышленных кругов, которые в условиях кризиса в ремесленном производстве видели единственное спасение в национальной демократической революции.

Комитет «старых», или Добродетельная дружина, объединял руссофильски настроенную часть крупной торгово-чорбаджийской буржуазии, «Старые» были против самостоятельного болгарского революционного движения. Их политическая линия находилась в прямой зависимости от политики царской России [\[32\]](#).

Друзья Левского ознакомили его с деталями событий, известных ему в общих чертах.

В феврале 1866 года в Румынии был свергнут князь Куза, управлявший страной на правах турецкого вассала. Турция, недовольная переворотом, стала готовиться силой восстановить прежнее положение. На границах Турции с Румынией сосредоточивались турецкие войска. Чтобы отвести опасность от своей

страны, румынские либералы решили побудить болгарскую эмиграцию к повстанческим выступлениям. Они обратились к вождю болгарской революционной эмиграции Раковскому с предложением начать набор добровольцев для борьбы против Турции. Но Раковский, познавший белградский урок, когда Сербия, устроив свои дела, бросила за ненадобностью своих союзников — добровольцев болгарского легиона, не принял полностью их планов.

Руководители румынской либеральной партии отделились от несговорчивого Раковского, вынудив покинуть их страну, и связались с его близким сотрудником Иваном Касабовым. Этот оказался сговорчивым. Он предложил румынам свой план: вместо набора добровольцев образовать Болгарский центральный тайный комитет, который за несколько недель организует восстание в Болгарии.

Так родился БЦТК, во главе которого встали люди малоизвестные, заслуг перед болгарским национально-освободительным движением не имеющие.

Представители БЦТК и румынского комитета составили проект Священной коалиции для совместных действий против Турции. Но опасность турецкого вторжения к тому времени исчезла, отношения между Турцией и Румынией налаживались, потому румыны отказались подписать проект. Румынское правительство потеряло интерес к восстанию в Болгарии, прервало переговоры с БЦТК. Белградская история повторилась.

Брошенный союзниками, БЦТК стал существовать как самостоятельная болгарская организация. Но широкой политической деятельности он так и не развернул.

Принужденный покинуть Румынию, Раковский вместе с Хитовым отправился в Россию. На русской границе казаки их приняли, по словам Хитова, «как родных

братьев». Добравшись до Киприановского монастыря в Бессарабии, Раковский слег, у него к тому времени обострился туберкулез.

Оправившись, Раковский поехал в Одессу, рассчитывая достать у местных болгарских богачей деньги на вооружение чет, которые он намеревался весной переправить в Болгарию. Но купцы не желали вкладывать свои капиталы в такое рискованное дело.

Осенью 1866 года Раковский вернулся в Бухарест. В эмиграции он нашел полный идейный и организационный разброд. Часть революционно настроенной эмиграции увлекла за собой оппортунистическая группа Касабова из БЦТК, часть подпала под влияние крупной буржуазии из комитета «старых» (Добродетельной дружины). Не примкнувшие ни к тем, ни к другим остались без руководителей, без своего центра.

Раковский, разобравшись в обстановке, повел борьбу против БЦТК и Добродетельной дружины. Он разоблачал их соглашательство с султанской Турцией, приспособленчество к политике европейских держав.

В начале 1867 года руководители Болгарского центрального тайного комитета подали на имя турецкого султана меморандум с предложением создать в рамках Турецкой империи Болгарское государство, с турецким султаном во главе. Так комитет, объявивший при своем рождении, что его цель — вооруженное восстание для освобождения Болгарии от турецкого владычества, докатился до смиренной просьбы к турецкому султану стать «царем болгар».

В январе того же года Добродетельная дружина, следуя русской политике сближения сербов и болгар и объединения их в единое славянское государство, которое могло бы противостоять проникновению на Балканский полуостров Австро-Венгрии, соперницы России, внесла свою программу решения судьбы

болгарского народа. Она предложила образовать государство под названием «Болгаро-Сербия» или «Сербо-Болгария» во главе с сербской династией Обреновичей.

Такая политика подрывала доверие к этим эмигрантским организациям, отталкивала от них все больше и больше сторонников, облегчала борьбу Раковского. Вскоре вокруг него сплотилась большая часть революционно настроенной эмиграции в Румынии, и он стал ее единственным признанным вождем.

Политике расчета на другие государства, политике соглашательства Раковский, разочарованный в помощи извне, противопоставил свой курс: освобождение собственными силами. Но в основе этого был все тот же старый его замысел: освобождение через вооруженные гайдуцкие четы.

В конце 1866 года Раковский создал Верховное народное болгарское тайное гражданское начальство, задачей которого поставил формирование и отправку вооруженных отрядов в Болгарию и руководство ими. Чтобы положить конец произвольным и бесконтрольным действиям гайдуцких отрядов и создать единое партизанское движение с общей революционной программой и строгой военной дисциплиной, новая организация разработала Временный закон о народных лесных четах на 1867 год.

От вступающих в отряд закон требовал отказаться от пьянства, лжи, кражи и распутства, не затевать ссор и раздоров между дружинниками, не покидать чету, пока ее не распустит воевода, соблюдать полное подчинение воеводе и знаменосцу. Если же кто нарушит хотя бы одну из этих священных обязанностей, тот будет казнен на месте.

Закон определял порядок назначения воевод и знаменосцев. Главным воеводой утверждался Раковский.

Закон завершался смертной клятвой, которую в торжественной обстановке должны были принести вступающие в народные лесные четы:

«Клянусь перед богом на честном кресте, что соблюду и исполню все святые обязанности, которые мне сообщили. Светлое солнце пусть будет свидетелем моей смертной клятвы, а храбрые юнаки покарают меня, если я совершу преступление».

Закон о лесных четах обобщал двадцатипятилетний революционный опыт Раковского, наиболее полно развивал партизанскую тактику болгарского революционного национального освободительного движения в шестидесятых годах прошлого столетия. Эта тактика предусматривала заброску в Болгарию крупных гайдуцких отрядов, которые, соединившись с уже действующими там четами, поднимут народ на всеобщую вооруженную борьбу за свободу. Революционным комитетам Раковский отводил лишь роль пропагандистов восстания и помощников переброшенных в Болгарию нет.

Организирующее, ведущее начало революционных комитетов в подготовке народа к восстанию позже поймет и осуществит Васил Левский и этим откроет новый этап в болгарском революционном национально-освободительном движении.

Зимой 1866—1867 годов Раковский и его товарищи занялись подготовкой к отправке в Болгарию гайдуцких чет. Именье «Цыганка», которое арендовал родственник Раковского Никола Балканский, стало центром формирования. Отсюда шли во все концы призывы к молодежи записываться в четы, к богатым людям — жертвовать деньги на «святое дело». Но богачи неохотно раскошеливались. Денег явно не хватало. Приходилось доставать оружие, какое подешевле. Большая часть четников получала старые,

заряжающиеся с дула, ружья. Ими сподручнее было пользоваться как тяжелой дубиной: видно, потому эти ружья в отрядах и называли «тояги» — палки. Четники сами делали порох и бумажные гильзы, лили пули и шили одежду.

Не было недостатка лишь в добровольцах. Они шли в «Цыганку», влекомые одним желанием — отдать жизнь за народ, за родину — мать-рабыню.

Так пришел сюда и молодой крестьянин Васил Николов. Уже глубоким старцем он рассказывал:

«Когда в Карлове не нашлось пропитания, отец отвел меня, еще мальчика, в Добруджу, в село Башкьой. Стал я здесь слугой у одного болгарина. Через некоторое время уехал в румынский город Браила, где занялся торговлей молоком. Занялся этим делом, чтобы заработать денег, а затем, найдя нужных ребят, отправиться с ними на Балканы. Однажды в корчме повстречался с группой болгар. Один из них стал расспрашивать, откуда я, надеюсь ли разбогатеть от продажи молока, и, наконец, сказал:

— Разбогатеет ли ты, когда выгоним турок. Согласен ли ты бить турок?

Я сказал, что согласен.

— Тогда отдай молоко моим ребятам.

Я так и сделал, а он сказал:

— Приходи утром ко мне, я тебе дам письмо в Бухарест.

Человек, который дал мне на другой день письмо, был Стефан Караджа. Я тут же отправился в Бухарест. Был конец апреля. В пути меня нагнали два болгарина, и они спешили туда же. Пошли вместе. На другой день встретился нам фаэтон. В нем сидел болгарин в белой шапке. Он с нами заговорил. Узнав, зачем и куда мы идем, сказал: «Будьте осторожны, румынские власти ловят таких болгар и отправляют в Турцию». Это был Раковский, как потом объяснил мой спутник.

Письмо было к Панайоту Хитову, который в то время жил в имении Николы Балканского. Туда мы и пришли. Прочитав письмо, Хитов спросил:

— А знаешь ли ты, что тебя ждет на Балканах?

Готов ли ты к тому, чтобы тебя пуля пронзила, саблей ссекли, на кол посадили; живым сожгли?

— Готов! — ответил я воеводе.

— Есть ли у тебя ружье?

— Нет.

— Иди-ка ты, хлопец, продавай молоко, не теряй времени.

Разочарованный я ушел в корчму. Там увидел гайдука но имени Крайганю. Но и тот сказал;

— Шел бы ты лучше продавать молоко, зачем лезешь на лишения?

В это время в корчму вошел молодой человек. Крайганю сказал мне:

— Вот твой земляк, карловец.

Я бросился к нему навстречу, а вошедший спросил:

— Что ты здесь ищешь? Не узнаешь меня? Я карловский дьякон.

Вышли мы с Левским из корчмы и пошли по селу. Я ему рассказал обо всем: что у меня письмо от Караджи, что хочу идти на Балканы.

— За природность я пришел!

Левский остановился, поглядел на меня и засмеялся. Вместо «народность» я сказал «природность».

— Ну ладно, оставайся, может быть, станешь гайдуком.

Отвел меня Левский к воеводе. Тот приказал определить меня в казармы. Дали мне ружье и патроны. А через два дня мы отправились к Дунаю. Пришли люди из комитета и взяли с нас клятву, что мы готовы умереть за родину. Так я стал гайдуком».

Первой оформилась чета первостепенного воеводы Панайота Хитова. Знаменосцем к нему Раковский

рекомендовал Васи́ла Левского. Такое выдвижение было столь необычно, что воевода поначалу отказался взять Левского знаменосцем. На эту должность всегда выдвигались опытные, испытанные в боях гайдуки. Знаменосец—второе лицо в чете, в случае смерти воеводы он принимает на себя руководство четой. А Левский в гайдуках еще не ходил. Но Раковский, узнавший Левского в боях под Белградской крепостью, настоял на своем. Он понимал толк в людях и редко ошибался в выборе.

Трогательна была встреча Левского со своим учителем по революции. Тяжкий недуг снесдал этого сильного человека. К весне туберкулез обострился, и Раковский уже не вставал с постели. Но могучий дух его не сдавался. Раковский разрабатывал с воеводами планы походов, расспрашивал прибывающих добровольцев, что делается в Болгарии. И не раз, когда слышал он рассказы о бедах народа, из его больной груди вырывались горькие слова: «Эх, если бы я был здоров!..» Его тело было немощно, но всеми помыслами он оставался бунтарем, горячим, неустрашимым, всегда готовым сразиться с врагом.

Он понимал, что дни его сочтены, и спешил сделать все, что еще мог дать родине. Прикованный к постели, он работал над последним своим сочинением: «Болгарские гайдуки и их борьба с турками от падения Болгарии до настоящего времени». Гайдуком он начал свою службу народу, обзором итогов гайдуцкого движения заканчивал жизненный путь.

«Мы можем с открытым лицом сказать всему свету, — писал Раковский, — что гайдуки со времени падения Болгарии и до сегодняшнего дня были символом нашей политической жизни».

И вот теперь, когда формировались предпоследние в истории болгарского сопротивления гайдуцкие четы, певец гайдуцкой романтики и главный вожак гайдуцкой

вольницы уже не мог принять в этом участия. Он даже не знал, в каких тяжких условиях товарищи его готовят боевые отряды. Безденежье грозило задушить годами выношенные планы. Другьям его не оставалось ничего иного, как идти к идейным противникам — богатым болгарам из Добродетельной дружины. И они скрыли это от него.

— С Николой Балканским, — рассказывал позже Панайот Хитов, — мы уговорились тайком от Раковского попросить у бухарестских богатых купцов пособить нам вооружить маленькую чету.

Но не легко было выжать деньги у этих «толстосумых патриотов».

— Поехали мы в Бухарест, — продолжает П. Хитов, — но меня не признал ни один бухарестский купец. Я решился сказать им, что отправляюсь на Балканы бороться против турецкой несправедливости, потому что наше отечество ждет от нас помощи и каждый болгарин должен жертвовать. После долгих мук и хлопот я успел приблизиться к ним и попросить, чтобы они собрали между собой потребную сумму на оружие и исполнили свой долг. «Если мы не поможем сами себе, — говорил я, — то ни Россия, ни Сербия не помогут нам».

В тот период руководители Добродетельной дружины вели с Сербией переговоры о создании южнославянского государства. В планы образования его входила организация восстания в Болгарии. И они решили использовать чету Хитова в своих целях: проверить на месте возможность восстания. Председатель Добродетельной дружины Христо Георгиев объявил Хитову, что они дадут деньги, но при условии, что четы не будут поднимать восстания, а будут только наблюдать за настроением народа. «Ты должен употребить все свои силы, чтобы пресечь любую попытку к восстанию, пока мы не договоримся с Сербией», — сказал он воеводе.

Это опрокидывало планы Раковского и его единомышленников на подъем восстания путем засылки чёт. Но что оставалось делать Хитову? Не распускать же добровольцев, собравшихся по зову Раковского! Хитов принял условие:

— Работайте, как вам благоразумие позволяет, а мне дайте немного оружия и отправьте в Болгарию,

Христо Георгиев выдал сто тридцать лир. Чета Хитова была снаряжена, и он записал в своем дневнике:

«Я приготовился. Васил Левский был избран моим знаменосцем, Иван Кыршовский — писарем, Тотю Филипп — второстепенным воеводой, Желю Чернев — моим помощником».

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОД ГАЙДУЦКИМ ЗНАМЕНЕМ

Ночь 28 апреля 1867 года. Тихо усаживались в большие турецкие каики увешанные оружием люди. Всматриваясь в даль, на берегу стоял воевода. Дунай казался бесконечно широким. Там, за ним, болгарская земля, родная, желанная. Удастся ли добраться до нее незамеченными? Что таит тишина: беспечность врага или засаду? Пришел знаменосец:

— Все готово!

Воевода перекрестился и направился к лодке:

— Поплыли, друзья! Вперед! За свободу!

Первым вышел на дунайский простор каик воеводы. За ним остальные два. Плыли так, что и самим не

слышно было. Только учащенно и сильно стучали сердца.

Берег предстал неожиданно, крутой и темной стеной. Из каиков выскакивали люди и припадали губами к родной земле.

Огляделись. Справа — Тутракан, поселок рыбаков и виноградарей, пограничный турецкий пост. Впереди — неизвестность.

Столкнуты с отмели каики, и Дунай легко понес их подальше от любопытных глаз. Набежавшие волны слизали следы с прибрежного песка.

— Ищи теперь ветра в поле. Пошли!

Затемно добрались до леса, извечного друга гайдука. Здесь отсиделись, а в ночь — дальше. Шли местами незнакомыми, густо населенными турками. Днем в укрытии, ночью — в пути. Людей сторонились. От ненужного кровопролития воздерживались. Но когда встречался турок — его уничтожали. Воевода понимал жестокость такой меры, но иного выхода не было.

«Действительно, эти турки были зарезаны напрасно, но могли ли мы поступать иначе? — писал позже воевода^[33]. — Если бы мы выпустили их живыми, то, может быть, не спасли бы своих голов. Турки могли бы дать знать о нас войскам. «Чем они будут бегать да призывать войско, которое будет за нами гнаться по дели-орманским равнинам, то лучше будет, если мы их уничтожим», — сказал я своей дружине. Если бы мы были в Балканах, где нас трудно словить, то эти турки остались бы живыми».

Дели-орман — местность лесистая, но на редкость безводная. Рек нет, а колодцы только в селах, куда заходить остерегались. Нашли грязную лужу — напились. Трудно было с продовольствием. Ели крапиву с солью. Повстречался караван турецких купцов. Остановили, забрали хлеб, шали и фески. Хлеб съели, шали и фески раздали в пути болгарам.

Местью угнетателям не тешились, но в случае нужды творили суд скорый и справедливый.

«По дороге к Осман-пазару ночь была лунной, видимость хорошая. Впереди, — рассказывал участник похода Васил Николов, — мы увидели лесок, из которого вышли два турка с топорами. Мы остановили их. Они приняли нас за турок. Пока мы с ними разговаривали, из села донеслись песни. Турки сказали, что это поют болгарки. Один из нас спросил турка, есть ли у него знакомые болгарки. Турок хвастливо ответил: «Подумаешь, в любом селе возьмешь болгарскую девушку, хоть поповскую дочь, если захочешь!» Левский рассвирепел, хотел тут же зарубить турка, но воевода приказал связать наглеца.

Пошли дальше. Встретили сельского старосту. Воевода устроил ему допрос. Староста признался, что силою отобрал у болгарского крестьянина триста грошей. Осудили его на смерть. Левский и я исполнили приговор».

Но когда позже, в горах под Сливеном, после стычки с турецким отрядом Левский узнал, что среди убитых преследователей оказались поляки-эмигранты и болгары, он заплакал. Ему, у которого не дрогнула рука при наказании врага, стало жаль несчастных, по слепоте своей выполнявших роль защитников угнетателей.

На седьмой день увидели впереди зеленые склоны Стара Планины, седого Балкана—гнезда гайдуцкого. Взыграло сердце юнацкое. Подтянулись, приободрились дружинники, запели:

На Балканах ветер, воя,
И метет и кружит,
А юнак зовет трубою:
«Братья, все к оружию!
Братья, время! Поднимайтесь,
К воле пробуждайтесь,

Рабство и тиранство рушим,
В бой пойдем с оружием!
Кто болгаринот быть хочет,
Биться вместе с нами,
Пусть скорее саблю точит,
Поднимает знамя!

Стара Планина! Какое болгарское сердце не растревожит она. Какой болгарин не умилился дивной красотой ее, не возгордится боевой славой ее, не склонит скорбно голову перед прахом павших в лесах ее. Самые святые, самые ласковые слова болгарин связал с именем ее. Для него Стара Планина — мать родная, Балкан — отец седой [\[34\]](#).

Трагические перипетии исторической жизни болгарского народа оставили свой след на этой каменной громаде. Несокрушимым щитом вставала она перед ордами иноземных захватчиков. Когда чужая сила одолевала болгар, у Стара Планины находили они защиту. В ее горах и лесах, вдали от поработителей, собирались они с силами, хранили заветы дедов, свою народность, свой язык.

На Стара Планине зарождались восстания. В ее дебрях неугасимо пылал веками дух народного свободолюбия. Здесь гуляла удаль молодецкая. Спроси гайдука, где его дом, где его мать, и он ответит:

Дом мой любимый — лес нелюдимый,
Стара Планина — вот моя мать.

Нет здесь такого потока, который не омыл бы раны бойца, нет такого дерева, корни которого не напоены кровью.

Зачарованные видением «закутанных в туман отрогов синих гор, задумчивых Балкан», размечтались воины гайдуцкой четы Панайота Хитова. Кто вспомнил пережитое, кто витал на крыльях легенд. И сам воевода, покручивая свой длинный ус, повел такой рассказ:

— Вспоминается мне первый выход на Балканы. Было это в 1858 году. Остановилась наша чета на том месте, которое называется Равно Буче, или Царски Извор. Я не в состоянии описать те впечатления, которые испытало мое сердце, когда мы остановились здесь.

Представьте себе, что это было весной, деревья только что покрылись нежными бледно-зелеными листьями; сливы, яблоки и груши цвели, воздух был чист, ароматен и прохладен. Все это действует на душу человека так нежно, что располагает его любить не только свое отечество и поработленную братию, но даже и своих неприятелей. Сказать вам по правде, в то время я был готов обнять даже кровных врагов, если бы только они позволили и моим братьям жить спокойно, свободно и счастливо, наслаждаясь природой.

Но такое настроение продолжалось недолго. У подошвы горы находилась болгарская деревня, которая в состоянии заставить и камни возопить о мщении. Эта деревня была полуразрушена, ограблена и обесчещена. Даже деревца, которые находились на дворах, верно исполняли султанскую волю: их ветви были обнажены и не давали прохлады измученным поселянам. Крыши домов провалились, почернели и стали не годны, так что измученный телом и разбитый сердцем селянин не мог найти под ними защиты ни от осенних дождей, ни от сильных зимних стуж. Болгары, живущие у больших дорог, достойны искреннего сожаления... Кто желает составить себе понятие, что такое раб, тот пусть внимательно взглянется в болгарского крестьянина и болгарскую крестьянку в этих деревнях, и если его

сердце не вскипит от негодования, если он не пожелает отомстить тем, которые уничтожили в них человеческую личность, сделали из человека четвероногое животное, убили в нем всякое человеческое чувство и человеческий смысл, то он и сам не человек.

Жажда мести и сделала меня гайдуком. Мой отец разводил коз и овец. Богатство его было среднее. Когда мне исполнилось двенадцать лет, отец взял меня с собой и поручил пасти коз. Так я вырос в горах, при козах и выучился еще с малолетства носить ружье и ценить свободу вольного человека...

В 1855 году умерла моя мать. Из-за дележа наследства попал я в турецкий суд. Полицейский повел меня в судилище. Стыдно было идти в сопровождении полицейского, и я сказал ему: «Оставь меня, и я сам приду через несколько минут». Но турок захотел осрамить меня перед людьми — схватил за шиворот и потянул насильно. Это турецкое нахальство вывело меня из терпенья. Я схватил султанского чиновника в охапку и швырнул его в грязь. Но вот началось судопроизводство. Что бы я ни говорил, судья замечал: «Молчи, нечестивец, я не хочу слушать твоих речей. Ты достоин виселицы!»

Во время турецкого судопроизводства мне сделалось до того тяжело, что я едва не бросился на судью, чтобы схватить его за горло и задушить, как лягушку.

После этого продал я все свое имущество и пошел с шурином Стояном гулять по Стара Планине. Мое сердце искало свободы, искало честности, искало правды. Только Стара Планина могла удовлетворить мои желания. Спустя немного времени мы собрали чету молодцов и начали прогуливаться по лесам и горам. С тех пор мы отомстили за многих болгар, которые погибли от турецкого фанатизма. Если слышали, что турки в том или ином месте сделали какую-либо

несправедливость или какое-либо зло, то спешили помочь несчастным...

Рассказ воеводы вызвал много толков. Одни вспоминали обиды врагов, в других кровь кипела мщением.

— Эх, знаменосец, спел бы что-нибудь, душа тоскует, — обратился Хитов к Левскому.

Васил не заставил долго просить. Полилась песня задушевная, то нежно-ласковая, то в бой зовущая. Пел он о муках девушки, украденной турками, пел о славном Страхиле-воеводе, о любви его к красавице Станке и лютой ненависти к поработителям.

Размечтались воины. Потеплели их суровые лица.

— Хорош наш знаменосец, добрый, видно, человек, — вырвалось у одного из четников.

— Известно, кто поет, тот зла не мыслит, — поддержал другой.

Когда на землю пала ночь и ясные звезды затрепетали в темном небе, отряд поднялся дальше в путь. Вторую неделю идет чета по обжитым местам. Опасность подстерегает на каждом шагу. Бессонница, голод, постоянная тревога вымотали силы. У реки Туча, выбрав крепкую позицию, разбили лагерь, полагая в укрытии отдохнуть. Но откуда ни возьмись — турок. Стал расспрашивать, кто такие да куда идут. Воевода приказал связать пришельца.

— Развяжите меня, разве вы не знаете, что мука дана аллахом только для гяуров? Грех мучить османлиев [\[35\]](#), — сказал турок, полагая, что он попал к соотечественникам.

Услышав эти высокомерные слова, воевода приказал своим молодцам повесить «привилегированного правоверного», чтобы доказать, что муки даны богом не только для гяуров. «Нужно отделить немного мук и османлиям, — объявил ему воевода, — потому что гяурам уже очень тяжело терпеть их».

На тринадцатый день чета вошла в горы Стара Планины.

Хитов отправил посланца к Николе Балканскому, который остался в Румынии, чтобы помочь чете. Прощаясь, Хитов говорил Балканскому: «Если взбунтуется Фессалия и Эпир [\[36\]](#), то должны будем взбунтоваться и мы, болгары. Я напишу тебе с Балкан, что ты должен делать, а ты, смотри, заставь болгар давать деньги».

Не хотелось, должно быть, воеводе идти в Болгарию только наблюдателем, как того требовали руководители Добродетельной дружины, отпуская ему деньги на организацию четы. Он и его товарищи втайне, видимо, рассчитывали вопреки обязательству поднять народ против угнетателей, если к тому представятся благоприятные условия.

Слух о том, что Панайот Хитов снова на Балканах, катился от села к селу. Навстречу ему выходили одиночки и целые отряды, просили принять в чету. Воевода решил остановиться в Сливенских горах, осмотреться, подробнее ознакомиться с положением в Болгарии. Здесь он уже бывал не раз. Сливен — его родной город, во всей округе его хорошо знают. Друзья и единомышленники несли ему сюда все новости, которые им удавалось узнать. Подолгу проводили они время вместе с воеводой, знаменосцем и писарем [\[37\]](#) четы в горячих спорах, тяжких раздумьях. Но как ни прикидывали, как ни взвешивали, все выходило, что народ еще не готов. Верно, в народе много горячего материала, ой, как много! Разве эти добровольцы, что идут в горы каждый день, не свидетельство тому? Но где те силы, которые могут зажечь пожар по всей болгарской земле? И взорвись это горячее где-то в одном месте — враги кровью народной зальют горячее пламя.

Воевода рассказывал:

— Пришли ко мне люди из Пловдива, Ямбола, Карнобата, Железника, чтобы спросить, не пора ли теперь начать восстание. Но я объявил им, что теперь не время. А в другой раз я нашел за Сливеном вооруженную молодежь. Эти удальцы решили было собрать поселян, ударить на ту часть Сливена, где живут турки.

«Что вы задумали делать?» — спросил я. «Драться за свободу!» — ответили они. Посмотрел я на их вооружение. Оружие было старое, патроны нехорошие, порох негодный, а хлопцы неопытны. Можно ли воевать с таким оружием? Я сказал им, что рано начинать восстание: народ не подготовлен, да и никакой организации мы не имеем. Многие из молодцев плакали, просили взять их с собой. С трудом я убедил их возвратиться домой и ждать более удобного времени. Хорошо ли я сделал — этого я и сам не знаю.

Слушает знаменосец рассказы опытных людей, много дум вызывают они. Что же делать? Ждать? Но до каких же пор? Действовать большими четами — нельзя, их легко обнаружит и уничтожит противник. А малые четы хоть и неуловимы, да много ли от них пользы? Вот хоть бы и их чета. Тридцать человек! Пусть самых отчаянных, самых преданных. Разве это та сила, которая может свалить господство чужеземца? Настоящая сила — это народ. Но народ еще должен осознать, что он всесилен. А кто поможет ему дойти до этой истины? Для этого потребуется больше людей, чем для всех чет, вместе взятых. Где выход? Где выход?

Действительность не указывала выхода. Она лишь подтверждала обреченность одиночек. Вернулся помощник воеводы Желю Чернев, ходивший на поиски четы Филиппа Тотю, перешедшей через Дунай 17 мая. Желю принес весть, что Тотю в стычках с турками потерял почти весь отряд. Добраться до Хаин-боазского прохода, где была у словлена встреча с четой Тотю, Желю не смог. Вздурораженные появлением чет,

турецкие власти разослали по горам многочисленные карательные отряды.

Оставаться дальше около Сливена стало бессмысленно и рискованно. И Хитов решил вести чету на поиски Тотю и его товарищей. Прошли мимо Тревны и Габрово, поднялись на Стара Планину и никем не замеченные вышли к Амбарице. С вершины ее открывалась Карловская долина. Дрогнуло сердце Левского, захотелось спуститься в Карлово повидать мать и друзей.

Поход в Карлово Левский позже описал в стихах, правда очень незрелых. С ружьем бельгийским, саблей острой и парой пистолетов спустился он с гор. Через три стражи турецкие прошел, натолкнулся на четвертую, но турки бежали, когда он обнажил оружие. До вечера просидел в кукурузе, а потом присоединился к возвращавшимся с поля крестьянам и с ними вошел в город. Встретился с товарищами, некоторых не нашел — сидели в турецкой тюрьме.

Наутро Левский вновь ушел в горы, а турецкие власти принялись его искать. Арестовали мать, но от нее ничего не добились. Не выдали и друзья. Одного из них пять месяцев мытарили по тюрьмам, когда он вернулся, то «выглядел, как из гроба вытащенный».

Не найдя Левского в Карлове, бросились в Войнягово.

Бухарестская газета «Народност» об этом сообщала в таких подробностях: «В это лето село Войнягово (2 часа от Карлова) отчаянно стонало от мук. Карательные отряды один за другим заполняли село. Что делали они? Искали одного карловчанина по имени Васил Иванов, когда-то бывшего учителем в этом селе и бежавшего в Румынию, откуда он ушел к гайдукам и с ними пришел в Балканы под Карлово. Сколько несчастные крестьяне понесли расходов, чтобы накормить бешеные турецкие отряды, один бог знает...»

Левский вернулся в чету с ценными сведениями. Он доложил воеводе, что, по сообщению верных людей, из Карлова вышел турецкий офицер с солдатами, переодетыми в пастушью одежду, чтобы «принести наши головы».

— Говоришь, предупредили верные люди?.. Я всегда верил, что в Болгарии есть люди, есть добрые сердца и чистые души, которые даже и под тяжелым рабством, во мраке невежества носят в груди своей семя будущего болгарского развития и нашего будущего счастья. А турки пусть идут, — сказал воевода и приказал устроить засаду.

Прождали три дня, а когда на дороге появился отряд, его встретили огнем. Офицер и два солдата пали, остальные разбежались.

— Вот так-то: пошли за нашими головами, а потеряли свои. Молодец наш знаменосец!

Дружинники скоро полюбили своего знаменосца: общительного и веселого товарища на отдыхе, верного друга в беде, требовательного в походе.

— В горах мы ходили гуськом. Бывали так утомлены, что, случалось, засыпали на ходу, — рассказывал четник Васил Николов. — Однажды я сам заснул и отстал от четы. Когда очнулся — смотрю, передо мной буйная река. Где я? Воевода дал нам совет: если кто потеряется, то чтобы держал курс на заход солнца. Так я и сделал. Прошло немного времени, и очутился я на перепутье. По какой тропке идти? Перепугался: схватят меня турки и будут искать других. Не зная, что делать, решил помолиться богу. Сбросил ружье, опустился на колени у перепутья и воскликнул: «Если выберусь на нужную дорогу и спасу себя и товарищей своих, то, когда вернусь в Румынию и заработаю сто лир, пойду поклониться гробу господню и пожертвую ему эти деньги». Поцеловал я после этого землю, взял ружье и отправился по одной из дорожек. Недолго шел, и вдруг

вижу Левского с четниками. Он вышел меня искать. Очень я обрадовался, а тот строго стал расспрашивать, почему я отстал.

Был и такой случай. После сражения с турками у села Буново захотелось нам пить, и мы пошли к источнику. Левский отогнал ребят, а я все же украдкой напился. Вода была очень студеная. Левский заметил и влепил мне оплеуху. «В следующий раз усталый и потный не будешь пить холодную воду», — сказал он мне. Он заботился о нашем здоровье.

Изменил и воевода свое мнение о молодом знаменосце. От опасения, что по неопытности он не справится с делом, давно не осталось и следа. В Левском старый воевода нашел хорошего, помощника, отважного и находчивого воина. Позже, вспоминая поход 1867 года, Панайот Хитов скажет:

«Знаменосец мой Левский на сон был легок, как заяц. От малейшего шума вскакивал и хватался за оружие. На скалы и горные вершины взбирался, как дикая коза. Пропasti перескакивал, как серна. Пуля его не знала промаха. В бою был смелым и решительным, как лев».

Чета продвигалась дальше на запад. Опытный воевода Панайот Хитов то выводил ее из-под удара, то сам наносил быстрые удары и уходил без потерь. Но вот пришла пора и чете дать жертву смерти. Захворал дружинник Иван Капетан. Задержаться, чтобы лечить больного, оказалось невозможным. Оставалось или покинуть его живым, или отрубить ему голову. Иван умолял не оставлять живым, и товарищи принуждены были исполнить его желание. Этого требовал суровый гайдуцкий закон. Лучше принять смерть от рук друзей, чем в муках кончить жизнь в руках врагов. Знаменосец обмыл голову боевого товарища и по христианскому обычаю похоронил ее под могучим буком.

В горах, выше села Златица, встретили Филиппа Тотю и его четверых товарищей. От них узнали подробности разгрома четы. В небольшой роще у села Вырбовки турки настигли чету и обрушились на нее большими силами. Вырваться из вражьего кольца удалось лишь двенадцати дружинникам во главе с Филиппом Тотю. Напав на след четы, турки шли за ней по пятам. В стычках с ними таяли силы четы...

Появление в Болгарии отрядов П. Хитова и Ф. Тотю в то время, когда в разгаре была война с греческими повстанцами на острове Крит, вызвало тревогу в правящих кругах Турции. Перспектива болгарского восстания в этих условиях пугала турецкие власти, и они решили убить даже мысль о бунте. По северной Болгарии прокатилась новая волна террора.

«В Тотеево время многие люди пострадали за народную свободу, — писал свидетель тех дней Бачо Киро. — Турки тогда взбесились, как никогда раньше. Имя Филиппа Тотю не сходило с их уст ни днем ни ночью. Во всяком сознательном болгарине они готовы были видеть Тотю». Казнили не только попавших в плен четников, но и заподозренных в сочувствии им. В Свиштове, по приказу управителя северной Болгарии, повесили Тодора Пеева за то, что он был товарищем Филиппа Тотю, а чтобы больнее ударить по национальному чувству болгар, дерево для виселицы взяли из церкви.

Хитов и Тотю решили уходить в Сербию. Натолкнувшись на сильные турецкие отряды, Хитов вывел чету выше в горы и повел ее по гребню Старопланинского хребта.

В конце пути чету встретили до полутысячи полицейских, высланных из города Пирот. Но они не отважились вступить в бой с четой. Целый день стояли на горах два отряда — турецкий и гайдуцкий — друг

против друга, а к вечеру разошлись каждый своей дорогой.

4 августа перед рассветом чета пересекла границу. Тот день ее воевода отметил такой записью:

«С Пиротской горы я направился к Сербии, перешел границу, пришел в Княжевац [\[38\]](#) и привел свою непобедимую чету на зимовку».

ВНОВЬ В БЕЛГРАДЕ

В сербскую столицу, как и пять лет назад, стекалась болгарская молодежь. С одобрения России и на ее средства Добродетельная дружина по соглашению с правительством Сербии создала в Белграде болгарское военное училище.

Прибыл сюда из Княжеваца и Васил Левский вместе с Панайотом Хитовым и писарем четы Иваном Кыршовским.

В Белграде Левский нашел неугомонного Христо Иванова, успевшего после первой легии побывать в поисках правды во Франции и Египте, Турции и Румынии. Были здесь уже знакомые воеводы Илю, Цеко, Иван Кулин. Они встречали прибывающих и брали на себя заботу по устройству их в училище.

Отрекомендованного лучшим образом Левского зачислили одним из первых.

Училище находилось в Белградской крепости. С волнением глядел Левский на древнюю цитадель, у стен которой он сражался с турками летом 1862 года. Все ему здесь знакомо. И широкий крепостной ров, который он преодолел львиным прыжком, за что и получил прозвище Левский, и те укрепления, где он дрался вместе с быстрым Стефаном Караджой.

Крепость старинная, могучая. На поседевших от времени камнях видны надписи первых ее строителей —

римлян. Подступы к крепости частично прикрывают реки Сава и Дунай, а там, где нет их вод, вырыты широкие и глубокие рвы. За рвами два ряда высоких каменных стен.

Крепость, можно сказать, двухэтажная. Нижняя ее часть занимает большую площадь, омываемую водами Савы и Дуная. Верхняя ее часть называется варош — город.

Войдя в крепость по мосту, перекинутому через ров, Левский спросил у занимающихся на плацу сербских солдат, где болгарское военное училище. Солдаты указали на большое здание в верхней части крепости.

Вскоре в училище собрались двести болгар, которые образовали вторую легию (второй легион). Начальником училища и преподавателями были назначены сербские офицеры.

Через два месяца легионеры показали такие успехи, что поразили своих учителей. Легионеров произвели в капралы, нашили на воротники по одной звездочке.

Левский шел впереди. Это уже не тот новичок, каким он был в первой легии. За его плечами теперь опыт боев 1862 года в Белграде и вождения четы по Стара Планине. Пять лет назад свое пребывание в легии он рассматривал как возможность выступить рядовым бойцом против угнетателей. Сейчас его планы шли значительно дальше. Он уже сознавал, что народу нужны вожаки не только смелые и преданные, но и знающие, как вести дело. И он готовил себя к этой роли.

Он понимал, что успех предстоящего восстания решит не только энтузиазм народных масс, но и степень их подготовленности. Его личный боевой опыт показывал, что на одной отваге в борьбе с обученными военному делу офицерами и солдатами турецкой армии далеко не уйдешь. Чтобы победить опытного врага, надо учиться — сначала самому, а потом учить других. И он

учился жадно, страстно. Он спешил, помня 1862 год, когда так неожиданно сербы расформировали легион. Где гарантия, что это не повторится теперь? Он пытался разглядеть на мутном политическом горизонте судьбу второго легиона и жалел, что нет сейчас с ними Раковского.

Думы о Раковском беспокоили. Что с ним? Поборет ли он тяжелую болезнь? Левский знал, что, проводив четы Панайота Хитова и Филиппа Тотю, Раковский вернулся из имения Николы Балканского в Бухарест. Слышал, что летом наступило ухудшение. При встречах с Хитовым, который поддерживал связь с Бухарестом, Левский расспрашивал его о Раковском.

Вести поступали неутешительные. Осенью болезнь обострилась.

20 октября 1867 года Раковский скончался.

Весть о смерти учителя потрясла. Вспомнилась его жизнь, без остатка отданная родному народу. Служил он ему «пером и саблей». Ходил воеводой гайдуцкой четы, издавал газеты и журналы, писал художественные произведения в прозе и стихах, занимался болгарской историей, филологией и фольклором — и все с одной святой целью: рабские цепи сбросить с отчизны.

Вспомнились стихи, им написанные:
Жизнь как роса на цветке весною:
В час предрассветный роса выпадает,
И под дыханьем палящего зноя
В солнечный полдень она исчезает...

Но если жил человек для народа,
Он не исчезнет росой быстротечной:
Всем, кто боролся за честь и свободу,
Памятник будет воздвигнут вечный!

Так прожил и сам Раковский.

Тревожные признаки наступили раньше, чем мог предполагать настороженный Левский. В ноябре legionерам уменьшили жалованье и ухудшили питание, Но они не роптали. «Мы приехали не кормиться, а учиться», — говорили они.

Вслед за этим легион перевели в малопригодную для учебных занятий казарму. Из училища исчезли столы, стулья, книги. Сменился начальник. На место капитана Драгишевича, о котором legionеры говорили, что он «и как командир и как человек — прекрасной души», вступил Ефрем Маркович, ярый сербский националист. Приглядевшись к нему, legionеры сказали: «Лучше бы холера стала нашим командиром, чем Маркович».

Новое начальство отчислило часть legionеров в сербские батальоны, а оставшихся заставило нести гарнизонную службу рядовыми солдатами. На жалобу legionеров, что это мешает им учиться, ответили: «С вас достаточно и тех знаний, что вы уже получили».

У болгар складывалось впечатление, что все делалось нарочно, с целью вынудить их уйти из легиона.

Левский видел печальный конец второго болгарского легиона. Спасти его от разгрома нельзя — он это хорошо понимал. Но нельзя допустить, чтобы собранная в легионе патриотическая молодежь была брошена на произвол судьбы, как это было в 1862 году. Что сделать, чтобы не растерять эти силы, направить их на полезное для родины дело?

Кто скажет, сколько бессонных ночей отдано этим думам? Кто расскажет о тех волнениях и тревогах, которыми он делился с товарищами, о тех планах, которые роились в его голове? Для точных суждений осталось мало документов. Сохранились лишь два его письма того времени. Но в этих письмах Левский лишь предлагает выслушать его соображения, но не конкретизирует, не раскрывает их. Его планы были бы

разъяснены при личной встрече с адресатами, но этого, как видно, не произошло.

Первое письмо было адресовано прибывшему в январе 1868 года в Белград Найдену Герову, известному болгарскому патриоту, занимавшему в то время пост русского консула в Пловдиве. Левский высказывает ему беспокойство за судьбу легиона — каждый день показывает желание сербов разогнать его. Чтобы сохранить собранные в легионе силы, он предлагает создать четы, в которые готово вступить большинство легионеров» Он просит, чтобы руководители Добродетельной дружины, создавшей в Белграде военное училище, позаботились о вооружении чет, и тут же добавляет: «Если нам не дадут оружия, то мы выйдем с «дубинами», как в 1867 году».

Но прежде чем переправить четы в Болгарию, Левский предлагает провести в стране предварительную подготовку. Он готов лично отправиться с этой целью в Болгарию.

Обычно четы появлялись в Болгарии тайно, народ ничего не знал о задачах их, действовали они сами по себе без организованной поддержки населения. В походе с четой Панайота Хитова Левский мог убедиться, как самоизоляция четы ограничивала сферу ее деятельности и увеличивала трудности. И вот он теперь намерен заранее выехать в Болгарию, чтобы там на месте подготовить население к встрече чет.

Это было новым в четнической практике. Левский пытался расширить круг влияния чет, сделать эффективнее их усилия, согласовав их действия с общей подготовкой народа, организовав около них широкие массы населения.

Другое письмо Левского адресовано Панайоту Хитову. Будучи больным, Левский просит Хитова зайти к нему, чтобы поговорить о народных делах. У него, видимо, уже созрел план действия, от осуществления

которого он ждет очень многого. «Если я чего добьюсь, то добьюсь для всего народа, если потеряю, то потеряю только себя»,—пишет он Хитову и просит его разрешения приступить к исполнению задуманного.

Но и это письмо еще не раскрывает полностью мыслей его автора. Оно, в сочетании с первым, дает лишь право говорить, что Левский в ту пору находился в начале большого перелома.

Он уже видел коренные недостатки четнической тактики национально-освободительной борьбы, понимал обреченность действия героев-одиночек. В его сознании возрастала роль народа. Он уже дошел до мысли, что без предварительной подготовки народа, без вовлечения в борьбу самих народных масс — победы не достичь. В ту пору он еще не представлял точно путей и средств работы в народе. Но сама историческая необходимость готовить народ к борьбе была уже ему ясна. И он решает посвятить себя, этому великому делу. «Он понимает, что задача, которую он перед собой ставит, — тяжелая и ответственная. Но если он выиграет, то выиграет для всего народа, если будет неудача — то потеряет только он. А к этой жертве он всегда готов»^[39], — говорит его биограф.

В начале 1868 года Левский тяжело заболел» Друзья с помощью Панайота Хитова вызволили его из военного госпиталя, поселили на частной квартире и принялись лечить. В тяжелые для Левского дни, когда он был очень плох, верный друг его Христо Иванов и прибывший из России молодой болгарин Стоян Чакыров ходили к Дунаю, разрывали замерзшие болота и ловили жаб. Знахари советовали обкладывать жабами живот больного. Но это, конечно, не помогало. Тогда друзья пригласили двух врачей, «которым сказали, что если они уморят его, то и сами умрут вместе с ним».

Усилия врачей и заботы товарищей сделали свое: Левский выздоравливал. В свободные часы у его постели собирались товарищи и горячо обсуждали происходящее в легионе.

Повторялся 1862 год. Как и тогда, отношение сербских властей к болгарскому легиону определялось их политикой в делах с Турцией. Улучшались их отношения с Турцией — ухудшалось отношение к болгарскому легиону.

В 1867 году Сербия готовилась к войне с Турцией, и потому она дала согласие на открытие болгарского военного училища, на формирование в Белграде болгарского легиона. Начало войны предсказывали на весну 1868 года. Но Турция, не желая создавать новых затруднений на своих западных границах в условиях восстания на Крите, под давлением России решила удовлетворить требование Сербии и вывести свои гарнизоны из сербских крепостей. Это изменило и сербскую политику.

Осенью 1867 года сербское правительство возглавил Иован Ристич, много лет проведенный в Константинополе на посту дипломатического представителя Сербии. Он повел политику примирения с Турцией. В духе этой политики болгарский легион стал так же неудобен для сербского правительства, как был неудобен и в 1862 году. Но разогнать его так просто, как это было сделано тогда, сербы ныне не решались: они не забывали, что легион создан с одобрения и на средства России. Тогда они решили изменить отношение к легионерам, придирками и издевательством спровоцировать их на выход из легиона. Легионеры сопротивлялись нажиму, пытались через Добродетельную дружину добиться у сербских властей восстановления прежнего порядка и нормальных условий для учения^[40].

Вмешательство Добродетельной дружины ни к чему не привело. Положение с каждым днем ухудшалось. «К

февралю 1868 года, — говорит один из легионеров, — обстановка стала такой, что мы были готовы его оставить. Влияния воевод уже было недостаточно, чтобы смирять недовольных. Легионеры не могли перенести грубого поведения сербских офицеров. Чашу терпения переполнило наказание палками сорока болгар, находившихся в сербских батальонах. Когда весть об этом дошла до легиона, он превратился в бурное море».

В марте военный министр Блазнавац приказал выслать из Белграда группу наиболее активных легионеров. Приказ Блазнаваца завершил провокацию. Легионеры, доведенные до отчаяния, подали рапорт о коллективной отставке.

В апреле 1868 года второй болгарский легион прекратил существование. Так сербское правительство, чтобы выгородить себя перед русской дипломатией, свалило вину за роспуск легионеров на самих болгарских легионеров.

Итальянский консул, узнав о роспуске легиона, явился к сербскому военному министру и известил его, что австрийский и турецкий консулы очень обрадованы этим столь приятным для них событием. Но разве это могло смутить военного министра Блазнаваца, австрийского агента в сербском правительстве? Оторвать Сербию от России и остального славянского мира, сделать ее послушным спутником Австро-Венгрии — это как раз и входило в его задачу.

Вероломный поступок сербских властей потряс не только болгар, но и те сербские круги, для которых было дорого братское единство двух народов. В газету «Народност», издаваемую в Бухаресте Болгарским центральным тайным комитетом, было передано письмо с подписями многих видных сербов. В этом письме, опубликованном под заголовком «Искренняя речь сербов к братьям болгарам», говорилось:

«Братья болгары!

Противобратские и нечеловеческие дела Белградского тиранского правительства, а особенно недавний его поступок с воинами болгарского легиона в Белграде разрывают сердца и воспаляют пламенный праведный гнев не только в братьях болгарах и сербах, но и в каждом человеке, который имеет хоть сколько-нибудь христианского и человеческого чувства.

...Мы, нижеподписавшиеся, от имени всего сербского народа снимаем с себя и Сербии весь срам и беззаконие, творимые нынешним сербским деспотическим и тираническим правлением, а к вам, братья болгары, простираем братские руки и просим вас быть уверенными, что придет час, когда исчезнут лукавые предатели и злодеи и наши и ваши, и что воскреснет и заблестит, как солнце, свет свободы над братским согласием болгарского и сербского народов».

Известие о роспуске легиона не произвело на Левского ошеломляющего впечатления. Он давно этого ожидал. Стоян Чакыров, его товарищ по легиону, рассказывает:

«В тот раз, когда мы пришли навестить Левского, мы застали его на ногах, смеющегося.

— Аратлик! [\[41\]](#) Знаете ли вы, что я уже совсем выздоровел?

Мы обрадовались. Христо Иванов сказал:

— Васил, знаешь ли новость? Легион распущен.

— Ну что же, это должно было случиться. Теперь, братья мои, надо подумать, что делать дальше».

И тогда произошел разговор, в котором обнажились мысли Левского, рожденные в долгие часы раздумий о судьбах родины, о путях и средствах ее освобождения.

— Народ наш не подготовлен, друзья мои, и мы, говорю вам по своему опыту, когда были прошлым летом на Балканах, встретили очень большие трудности, потому что те, за которых идешь умирать, не только не хотят тебе помочь, но еще и предадут врагам. Но они,

рабы, не виновны, никто не позаботился их приготовить, поэтому они и не знают, что делать. С четами готовить народ — опасно и бесполезно: турки стоят на страже, и наше народное дело встречается все с большими трудностями.

— Надо просветить народ, дьякон, училища нужны, — сказал Стоян Чакиров.

— Да, просвещение дело неплохое, но это очень долгий путь к свободе, дорогой Стоян.

— Это верно, что путь долгий и кружной, но, по моему, и самый верный, самый безопасный, — ответил Стоян. — Болгарский народ терпел четыреста лет, потерпит еще немного — лет сорок-пятьдесят, но зато получит вечную свободу и небольшими жертвами, малой кровью.

— Нет, друзья, я думаю иначе. Вернее будет, если мы вместе с просвещением будем пробуждать народ через такие тайные общества, которые имеют другое назначение, нежели только просвещение.

Обратившись к своему давнему другу Христо Иванову, Левский продолжил:

— Мы с тобой, Христо, по возрасту и образованию не пригодны ни в учителя, ни в ученики. Учителями были бы никудышными, а для учеников — стары. Но и для нас есть работа, да еще важнее, чем идти в горы сражаться. Мы пойдем в Болгарию, где лучше знаем местность и людей, а люди лучше знают нас, и займемся там организацией тайных обществ, которые глубже подкопают основы Турецкой империи, нежели четы, которые переплывают Дунай и идут биться с турками грудь с грудью. Возьмем отсюда некоторых товарищей и перейдем через границу, а там, в Болгарии обдумаем, что делать...

Еще не закончил Левский свою, мысль, как вошел Ангел Кынчев. юноша которому суждено будет оставить короткий, но яркий след в истории болгарского

освободительного движения. Он заинтересовался разговором и попросил Левского повторить сказанное, Выслушав его, Кынчев воскликнул:

— И я уйду из академии и вместе с вами поеду в Болгарию!

— Нет, Кынчев, нельзя оставлять академию, — прервал его Левский. — Нам в Болгарии и офицеры будут нужны. Ты не только не уходи из училища, но и других, если можешь, привлеки к себе товарищей. Повторяю тебе: нам потребуется много офицеров. Как ты думаешь, Стоян?

— Как я думаю? Я думаю, что будут нужны офицеры, и учителя, и всякие другие ученые люди, и чем больше ученых, тем лучше..

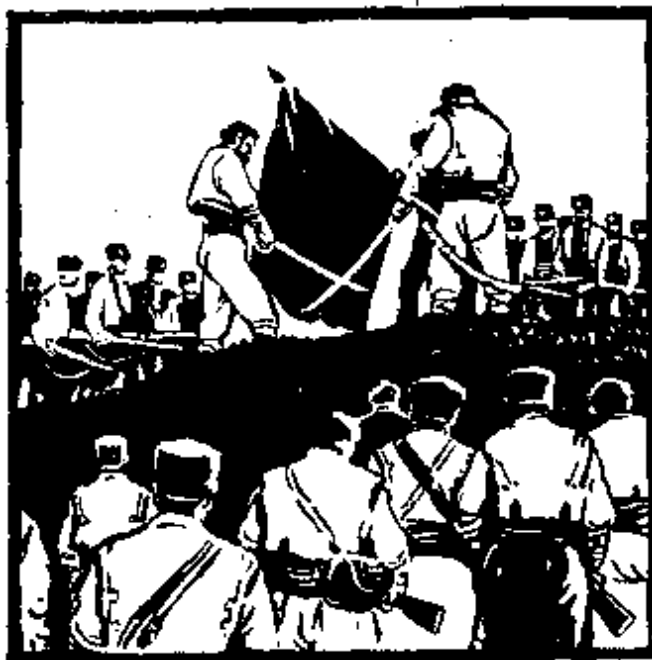
— Правильно говоришь, а потому мой тебе совет, Стоян, поступай в академию, где учится Ангел Кынчев. Ты еще молод, иди изучи военное искусство, а когда вернешься к нам, ты будешь нам полезен, как Кынчев, как многие другие.

Кынчев не хотел и слушать о том, чтобы остаться в академии, но Левский настоял, и тот, наконец, согласился.

Друзья распрощались и отправились в казарму. Там шли последние сборы. Легионеры покидали Сербию.

Вскоре ушел и Левский. Ушел в новую жизнь с новыми планами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

Сама история готовила ярчайшее подтверждение взглядам Левского на четническую тактику национально-освободительной борьбы.

Ценою гибели отважных сынов Болгарии хотела она показать, как бесплодна попытка поднять народ на восстание подвигом обреченных одиночек.

В Румынии, к возвращению туда Левского, заканчивалась подготовка четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи.

Опять катился клич: «К оружию, братья! Поможем матери родине!» И опять, как уже не раз бывало, поднимались сыны Болгарии.

В начале июля из Гюргева на запад вдоль Дуная пробирались то одиночки, то группы болгар. На вопрос любопытных был готов ответ: «Нанялись в Петрушаны». Кстати, в те дни в Гюргеве проходила ярмарка, на которой обычно нанимают сельскохозяйственных рабочих.

На третий день прибыли воеводы. Ночью из амбаров болгарского помещика в селе Петрушаны выходили люди и строились в ряды. Перед строем появился Караджа. Пересчитав всех, он сказал писарю:

— Запиши, здесь сто двадцать пять душ. — А затем обратился к добровольцам: — Мало, братья, нас, но мы решились идти в наше поработенное отечество. Наша цель — не Турцию завоевывать, а показать братьям болгарам, как умирать за отечество. Кто желает, пусть следует за нами, кто не хочет — мы на тех не обидимся.

В ответ слышались приглушенные возгласы:

— Да здравствует Болгария! Да здравствуют воеводы! Смерть тиранам!

— В поход! — отдал команду Хаджи Димитр.

На рассвете вышли к Дунаю. На том берегу увидели Болгарию. Широко раскинув руки-рукава, бросилась в объятия могучего Дуная горная красавица Янтра. С высот седого Балкана бежит она к нему резвая, веселая, полноводная. В предутренней дымке побережья стелются поля, взбираются на холмы виноградники. А там в розово-голубой дали, как радужная мечта гайдука, растворилась сама мать Стара Планина.

— Это ли Болгария? Как прекрасно мое отечество! — воскликнул молодой четник, родившийся в Румынии и еще не видавший земли дедов.

...Медленно сносит течение барку к болгарскому берегу. Только и слышно, как журчит у бортов вода. Хаджи Димитр вот-вот готов отдать команду о высадке. И вдруг окрик:

— Кто идет?

— Когда выйдем, тогда узнаешь! — ответил по-турецки Караджа.

Теперь уже нечего мешкать. Чета открыта. Не уходить же назад. Лишь барка чиркнула днищем по песку, четники стали выскакивать на берег. Турецкий караул открыл огонь. Дружинники ответили.

Было это в предутренние часы 6 июля 1868 года. Разогнав турецкую береговую охрану, чета двинулась в свой крестный путь. Обгоняя ее, неся клич:

— Пришли болгарские разбойники! Смерть гяурам! Смерть неверным!

Тревога поднимала орды вооруженных башибузуков — турецких головорезов. Озлобленные, жаждущие крови, подстерегали они горстку отважных на всех путях.

А те шли, зная, что их ждет...

Занималось утро воскресного дня. Куда ни глянь — всюду безлюдные поля. Болгарские крестьяне отдыхали. А это кто там? Пригляделись: вдали гарцевала группа конных. Дружина ускорила шаг. Вслед за разведчиками появился большой турецкий отряд. Он рос на глазах, обрастая новыми кучками вооруженных людей из окрестных турецких селений.

— Не будем ждать, братья, пока к туркам подойдут новые силы. Ударим по врагу.

Сражение началось. Караджа появлялся всюду. Он кричал:

— Бейте без промаха! У нас нет своего царства, чтобы посылать нам патроны. Бейте насмерть!

Когда стемнело, обе стороны прекратили огонь. Ночь чета провела в пути, а наступивший день принес новое сражение.

К вечеру рощица, где чета приняла бой, представляла жалкое зрелище: ветки, перебитые пулями, свисали до земли, кора на деревьях как листья

на растрепанном кочане капусты. Лица дружинников почернели от порохового дыма.

После трехчасового отдыха, похоронив умерших, вновь двинулись в поход. К ночи турки бой прекращали.

На рассвете чета вошла в лес, где и решила провезти день.

А тем временем всполошенные турецкие власти собирали силы для разгрома четы. В первый момент против нее были брошены башибузуки и черкесы, и некоторое количество регулярных войск. Но дружина сражалась так отважно, так умело, что губернатор Дунайского вилайета стал стягивать войска из городов северной Болгарии. Из Русе в Шумен отправился специальный поезд за подмогой, но Шумен не смог дать больше двухсот солдат. Пришлось просить подкрепления из столицы империи. Тревогу усиливали слухи, что в Румынии готова к переходу вторая чета. Чтобы выручить своих растерявшихся друзей, английский консул в городе Русе Далиэл попросил своего коллегу в Бухаресте Артура Грина сообщать все, что будет известно о подготовке новых чет в Румынии,

Поспешил на помощь и английский вице-консул в Адрианополе Блэнт. По его настоятельному совету из Адрианопольского вилайета для преследования четы были отправлены три эскадрона султанской кавалерии под командованием польских офицеров-эмигрантов.

Четвертый день чета на родной земле. Из ста двадцати четырех человек осталось шестьдесят восемь. Остальные убиты, ранены или отстали в горах.

«Сегодня это уже не те веселые хлопцы, сегодня — это скелеты, почерневшие, обгоревшие. Мы понимали, что никто из нас не останется в живых. Но это не смущало нашего духа. Выходя, мы говорили: «Умрем за Болгарию!», и мы это выполним,— подводил итог участник четы Ангел Обретенов [\[42\]](#).

Чуть передохнув, отправились дальше. На Стара Планину уже не глядели. Вдали облитые лунным светом маячили ее вершины. Но мы уже не рассчитывали до них дойти. Карадже становилось идти труднее: три раны зияли на его теле...»

Пятый день принес чете большое горе: турки схватили Стефана Караджу.

...Под покровом ночи с места четвертого боя уходило человек сорок — сорок пять вместе с ранеными.

«Эта четвертая битва была самой торжественной для нас, хотя мы и понесли такую утрату, как пленение Караджи. Здесь турки могли видеть, как бьется их пятивековой раб».

Казалось, той ночи не будет конца. Шли медленно. Стыли и падали раненые, еле волочили ноги здоровые.

Показалась скала, повисшая над краем леса. Поднялись. Вершина ее гладкая, точно ток для молоты. По краям нагромождены камни. День выдался нестерпимо жаркий, а голые камни усиливали страдание — от них пылало зноем. День провели здесь, как на раскаленной сковороде.

Когда ночь прикрыла скалу своим черным крылом, спустились в ущелье, глубокое и прохладное. Могучие буки поднимались со дна его и лезли по стенам до самого неба. Остановились у студеного ключа. Раненые омыли свои раны.

— Теперь и до цели недалеко, — сказал воевода. — Стара Планина вот она, перед нами. Дойдем до Агликиной поляны, там нас встретит много друзей. Собравшись, мы объявим народу, что есть теперь у него свое правительство на Стара Планине. И зазвучит его голос, и будет он звать народ на бой с тираном, на последний бой за свободу и право жить по-человечески. Мы несем его первое обращение к болгарам.

Слова воеводы ободрили. Высокая цель похода приподняла настроение. Остаток ночи шли легко. Утро

застало на стараплинской вершине.

Внизу, в долине, виднелись крыши болгарского селения. Дружинников мучил голод, и они спустились в село. Радужно встретили их жители, принесли хлеба, мяса, молока, вина. В тени дубов расстелили ковры и устали их всякими яствами. Старались один перед другим услужить дорогим гостям. Старухи благословляли крестным знаменем. Молодежь и дети молча и восхищенно разглядывали пришельцев. Воевода говорил о муках народных, говорил, что приближается время избавления. Когда пришла пора расстаться и воевода завел речь об уплате денег, крестьяне отказались принять их.

— Грех брать деньги от таких людей, как вы.

Распрощались по-братски и отправились в горы. Долго вслед неслись слова доброго напутствия, пожелания удачи.

Когда уже были высоко, у самого гребня гор, снизу слышались выстрелы. «Это турки расправлялись с нашими благодетелями в селе». Не помогло им наставление воеводы, как поступить, чтобы турецкие отряды не узнали о хорошем приеме четы.

Наступила ночь двенадцатая и последняя. Отряд двигался в густых лесных зарослях — впереди здоровые, позади — раненые. К утру 18 июля группа четников во главе с Хаджи Димитром вышла на гору Бузлуджа. Здесь решили отдохнуть и дожидаться раненых.

Вершина Бузлуджи — голая, со всех сторон открытая. Только по склонам ее поднимался мелкий лес. Позиция для боя не подходящая.

Часов в двенадцать дня на Бузлудже появился отряд башибузуков, но нападения не совершил. Это, видимо, усыпило бдительность четы: не приняли мер ни к отходу, ни к выбору лучшей позиции. А может, сказилось чрезмерное перенапряжение сил, нежелание бросить раненых товарищей. Может, полагали в случае стычки,

как и прежде, продержаться до темноты, а затем уйти в глубь Балкан. Никогда уже не получить на это ответа.

Они не знали, что турецкие власти направили к Балканам регулярные войска из двух вилайетов — Дунайского и Адрианопольского, с севера и юга.

После полудня на Бузлуджу поднялись турецкие солдаты и заняли позиции против башибузуков.

Положение сразу определилось. Чета плотно окружена. Путь отхода нет. Остается или сложить оружие, или умереть. Выбрали второе.

— Пусть видят все, как умирают болгары за свое отечество! Держитесь, братья! — воскликнул воевода.

Сражение началось. На каждого изнуренного четника приходилось десятка три врагов. Они кричали: «Сдавайся!», но им отвечали огнем. Бой превратился в жертвоприношение. Оружие выпускали из рук только мертвые...

Три часа держится чета. Турки изумлены. Уже молчат четники, но турки еще боятся к ним приблизиться. И мертвый им страшен враг. Наконец, осмелев, башибузуки с ножами в руках набросились на убитых. Обшаривали карманы, раздевали догола, отрезали головы, глумились над трупами.

Вершины Балкан покрылись тучами. Ударил гром, и полил дождь. Турки поделили «трофеи»: семнадцать голов отданы регулярным войскам, восемь — башибузукам. Водрузив головы на шесты, «победители» уходили с Бузлуджи. На вершине ее оставалась груда изуродованных тел...

Власти упивались местью. По настоянию англичан вернулся из Константинополя бывший правитель северной Болгарии Мидхат-паша, слывший человеком «железной руки», вернулся с чрезвычайными полномочиями «резать и вешать» по собственному усмотрению.

Волна террора захлестнула болгарские земли. Хватали всех заподозренных в связи с четой, всех сочувствующих ей. Страшной была судьба отбившихся от отряда дружинников. Поймав, их истязали. Истерзанных, но не сломленных, казнили.

Пленного Стефана Караджу доставили в Тырново. На допрос к Мидхат-паше его, тяжело раненного и замученного, принесли на руках. Ни на один вопрос не ответил Караджа. Ночь провел он в агонии, а рано утром, чтобы не дать ему скончаться от ран в тюрьме, его отвезли на виселицу.

Народ узнал о стойкости своего молодого вожака, — а было ему тогда двадцать шесть лет — и воспел его в песне своей:

...Нет страха у Караджи.
Сказал он паше:
«Не жалко погибнуть
За свою милую мать,
Милую мать Болгарию!
Сейчас нас сотня,
Завтра будет тысяча.
Другие молодцы поднимутся,
Освободят свое отечество!»

Консулы Англии и Франции, сами того не желая, свидетельствовали о величии духа отважных борцов. В своих донесениях из города Русе они сообщали, что четники на суде не защищались, а лишь заявляли, что они пришли освободить свою родину. Перед судом они говорили смело. При казни были бесстрашны. Они восходили на виселицу со словами:

— Сладко умереть за отечество свое!

Величие подвига четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи потрясло. Тревога и страх обуяли души поработителей и союзников их.

Сто двадцать пять человек смогли пройти через северную Болгарию, надежно охраняемую армией и полицией, и проникнуть в центр страны! А что, если появится несколько чет? А если не будут безучастны массы народные? Что тогда? Сдержит ли тогда турецкое оружие рвущегося к воле раба?

Рождались новые планы внутренними реформами отвлечь болгар от борьбы за свободу.

Но все эти планы — дело будущего. А земля под ногами горит сегодня. Тушить пожар надо в самом начале и в очаге распространения его.

Откуда пришла чета Хаджи Димитра и Стефана Караджи? Откуда появились четы Панайота Хитова и Филиппа Тотю в 1867 году? Откуда возмущают порядок на покровительствуемой аллахом земле султана?

Из Румынии! Вот где очаг. Вот откуда надо гасить пламя освободительного движения болгар.

По английской рекомендации Турция потребовала от румынского правительства закрыть все щели для деятельности болгарской революционной эмиграции.

Но можно запретить формирование чет на территории Румынии. Можно запретить политическую деятельность болгарских эмигрантов. Но можно ль загасить пламя, зажженное в сердцах болгар подвигом отважных!

Народ пел песни безумству храбрых, оставил жить их в памяти своей, в своих легендах.

Многие годы из края в край земли болгарской ходили слухи, что жив Хаджи Димитр, что ждет он лишь случая, чтобы поднять соотечественников своих на бой за свободу.

Вера народа в бессмертие своего национального героя была столь сильна, что творимые ею легенды

обретали достоверность фактов. Через два года после гибели Хаджи Димитра газета «Свобода» рассказывала о том, как один болгарский возчик встретил в горах чету во главе с Хаджи Димитром. Прощаясь, Хаджи Димитр сказал возчику: «Передай моим братьям болгарам, что Хаджи Димитр жив! Пусть не боятся и не отчаиваются. В весну 1870 года начнется болгарское освобождение. Пусть наши братья готовятся к бою против врага. Он должен вернуть отнятую у нас свободу».

Христо Ботев воплотил рожденные народом легенды в лучшее свое поэтическое творение — балладу о Хаджи Димитре.

Жив еще, жив он. Там, на Балканах,
Лежит и стонет в крови горючей
Юнак отважный в глубоких ранах,
В расцвете силы юнак могучий.

Боевым народным лозунгом становятся строки Ботева о бессмертии героя, павшего в бою за свободу.

Кто в грозной битве пал за свободу,
Тот не погибнет: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают.

И звучат эти песни над Балканами, песни мятежного духа народного. Болгарский писатель Тодор Влайков, современник Левского и Ботева, рассказывает, что в годы его юношества любили петь песню:

Не кручинься, не печалься,
Лес ты мой зеленый,
Помяни ты добрым словом
Караджу Стефана!

Помяни Хаджи Димитра,
Воли атамана!
Знай, посеянные ими
Семена свободы
Дадут скоро в наших душах
Прекрасные всходы...
Это время близко, близко!—
Пред тобой не скрою,
Скоро все мы соберемся
Под твоей листвою.

«Когда мы выходили в поле, — продолжает Бланков, — пели эту песню, пели всем сердцем, во весь голос, бодро и размеренно шагая, как под марш. Лиц, упоминаемых в песне, я представлял себе какими-то необыкновенными героями, отдавшими жизнь за свободу Болгарии. А когда доходили до слов: «Это время близко, близко!.. Скоро все мы соберемся под твоей листвою», — восторгу, нашему не было границ».

Нет, не умерли герои четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи. Они шли на смерть, чтобы смертью своей утвердить право на жизнь.

В третью годовщину гибели четы Христо Ботев писал в своей газете «Слово болгарских эмигрантов»:

«Они погибли, но смерть их была громовым ударом для Турции, громовым ударом и для нашего отечества: для первой она явилась предвестием падения, для второго — предвестием возрождения. Сонный тиран зашатался на троне, услышав слова: «Болгаристан калкты» (Болгария восстала)... Пробужденный народ страшно содрогнулся, огляделся и, не имея возможности кинуться к оружию, со слезами благословил великий подвиг своих сынов. Он увидел и почувствовал силу свою».

НА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЕ

Гибелью четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи завершился четнический период национально-освободительного движения. Весть о кровавой трагедии в горах Стара Планины всколыхнула эмиграцию, заставила задуматься о дальнейших путях.

Становилось ясным, что засылкой вооруженных чет, даже самых отважных, самых многочисленных, нельзя освободить Болгарию, что такая тактика обрекает на гибель, без надежды на успех, не только участников чет, но и массы мирного населения. Кто не знал, с какой жестокостью мстили турки жителям болгарских деревень и городов, мимо которых проходили четы.

Народный воевода Георгий Раковский ведет чету в бой. Рисунок итальянского художника Сакко.

Левский — знаменосец четы Панайота Хитова.

Группа добровольцев второй легии (второй справа сидит В. Левский).

В кругах революционной эмиграции вызревала идея новой тактики борьбы. Выразителем и создателем этой новой тактики суждено было стать Василию Левскому.

В этот приезд в Бухарест Левский нашел болгарскую эмиграцию организационно разделенной на два лагеря. «Старые», то есть представители крупной буржуазии, рассчитывавшие на помощь русского самодержавия, по-прежнему находились в Добродетельной дружине. «Молодые», то есть революционно настроенная часть эмиграции, последователи Раковского, группировались вокруг созданного в 1868 году Болгарского общества. Болгарский центральный тайный комитет (БЦТК) уже не существовал. Его непоследовательная и противоречивая политика, его метание от организации восстания к покорной просьбе к турецкому султану стать «царем болгар» не удовлетворяли ни эмиграцию, ни порабощенный народ. Всеми покинутый, БЦТК распался.

Большая часть его приверженцев перешла к революционной молодежи, примкнула к Болгарскому обществу.

Разделение на два лагеря — «старых» и «молодых», как отмечает болгарский историк профессор А. Бурмов, наметилось еще при Раковском. Но это не мешало им не раз объединяться для общих действий. Так было и во время создания второго болгарского легиона в Белграде. Но неудача этого дела, начатого по почину «старых», разорвала слабые связи двух чуждых и по социальному составу и по идеологии групп. Окончательный раскол произошел осенью 1868 года, когда деятели Добродетельной дружины обратились к заседавшей в Париже конференции по критскому вопросу с просьбой внушить правительству Турции дать автономию Болгарии под эгидой султана. После этого акта отчуждение между «старыми» и «молодыми» перешло в ожесточенную борьбу. «Старые», отрицавшие революционный путь освобождения Болгарии собственными силами, стали терять политическое влияние в эмиграции, и первенство в руководстве народными делами постепенно перешло в руки «молодых».

С группой «молодых» и связался Левский по прибытии в Бухарест. Среди «молодых» и по возрасту и по восприятию нового он впервые стал делиться своими планами, рожденными в Белграде. Он говорил, что роспуск второй легии окончательно убеждает в безнадежности расчетов на помощь извне, доказывал, что восстание надо готовить изнутри, что главной силой должны стать не вооруженные четы, а революционные комитеты. Только они могут организовать народ, поднять его на борьбу и довести до победы.

Он призывал работать в Болгарии, где известен каждый уголок земли, среди людей, которых хорошо знаешь и которые хорошо знают тебя. Там, повторял он,

надо создавать тайные общества. Они глубже подкопают основы Турецкой империи, нежели отряды героев-одиночек.

Идеи Левского привлекали к себе все больше сторонников. Среди них оказался высокий и стройный, очень красивый и очень бедно одетый молодой болгарин, назвавшийся Христо Ботевым. Был он на одиннадцать лет моложе Левского, но это не помешало им быстро сблизиться. Оба бездомные, они в поисках жилья набрали на старую, заброшенную мельницу. Здесь и обосновались. День проводили среди таких же горемык в корчмах и кофейнях, в жарких спорах о судьбах родины, ночи — на промерзлой мельнице, в тревожном сне, терзаемые голодом и холодом.

Левского заинтересовал юный друг. Отца его, Ботю Петкова, он знал еще по Карлову, где тот четыре года учил карловских ребят. Да и кто из передовых людей Болгарии того времени не знал этого замечательного человека и педагога, мужественного защитника интересов народных!

Получив образование в Одессе, он «пламенно желал», чтобы и сын его «воспитывался в России единой и верной и единокровной». Осенью 1863 года Христо Ботев, тогда пятнадцатилетний юноша, приехал в Одессу, где был принят во вторую гимназию вольнослушателем (для поступления в число постоянных учеников он, как и многие другие болгарские юноши, не имел достаточной подготовки).

Но учиться ему здесь долго не пришлось.

На третьем году в поведении Ботева болгарские купцы, руководившие Одесским болгарским школьным настоятельством, заметили «опасное» направление и попросили директора учебного округа лишить юношу стипендии, отчислить из училища и выдать ему деньги для возвращения на родину.

Но Ботев не уехал из Одессы. Добывая средства к жизни уроками, он воспользовался свободой не только для совершенствования в науках, но и для установления связей в революционных кругах. Он увлекался произведениями Добролюбова и Писарева, а «Что делать?» Чернышевского и «Накануне» Тургенева знал чуть ли не наизусть.

В ту пору в Одессе жил и поляки, сосланные сюда под надзор полиции после подавления польского восстания 1863 года. В одной такой польской семье Ботев и поселился. Общение с революционной средой, рассказы поляков о борьбе против русского царизма пробудили в Ботеве новые настроения. Он стал говорить, что «болгарин не должен оставаться в России и ради личной выгоды бросить свой народ на произвол судьбы», что и сам он больше «не может отдаваться учению, когда его народ изнывает под ужасным игом».

Тринадцать месяцев прожил Ботев в Одессе после исключения из гимназии. В долгие зимние вечера на мельнице под Бухарестом любил он в кругу друзей поговорить о тех годах своей жизни. Ему вспоминалось, как он, увлеченный идеями русских народников, стремился сблизиться с обездоленными, заглянуть «на дно», куда выброшены беднота и люди, сбившиеся с пути. Тайно от товарищей он по ночам выбирался через окно и целые ночи проводил в ночлежках, на пустырях, в заброшенных строениях.

Вспомнился эпизод, рассказ о котором так смешил слушателей. Среди его новых приятелей, которых он приобрел в ночных похождениях, оказалось несколько босяков, забывших о порядочности и чести. Ботев показал им свое жилье и окно, через которое он выходит по ночам. Босякам только этого и надо было. В темную осеннюю ночь они подкрались к открытому окну и похитили последнюю пару ботинок и единственные штаны своего доверчивого знакомого. Пришлось Ботеву

несколько дней просидеть дома, пока товарищи достали денег на покупку штанов.

В Одессе родился и поэтический талант Ботева. Работа с В. И. Григоровичем, известным русским славистом, над переводом болгарских народных песен, изучение русской поэзии, пламенная любовь к ней пробудили в нем желание творить. Первые стихи он посвятил матери своей. В этом проявилась не только нежная сыновняя любовь. Иванка Ботева, эта красивая женщина и любящая мать, была большой любительницей народной песни. Она знала и прекрасно исполняла около четырехсот песен болгарского народа, Она вдохнула и в сына своего поэтическую душу.

Не раз, когда друзья на старой мельнице уносились думами своими к родным очагам, Ботев читал им стихи:

О мать, не ты ли так скорбно пела,
Не ты ль три года меня жалела,
Что я, несчастный, брожу, скитаюсь
И с тем, что проклял, везде встречаюсь?

Произвол, насилие, зло царят в окружающем мире. Мечется душа поэта в поисках справедливости и и не находит ее. Вокруг пустота и одиночество. Единственная утеха — светлый образ матери:

И только ты мне одна, святая,
Опора в жизни, любовь, надежда...
Одно молю я, одно осталось —
Упасть в объятия твои, родная,
Пусть сердце выплачет, стеная,
Тебе всю боль и всю усталость...

Со стоном и присвистом гуляет ветер на старой мельнице. Чуть теплится камелек, и неровный свет его озаряет лица, изможденные тяготами бытия, посуровевшие от больших и нелегких дел. И только глаза — умиленно детские, ласковые. Они видят мать. У каждого там, в Болгарии, осталась мать. И каждому так хочется упасть в ее объятия и выплакать всю боль и всю усталость. А ветер воет голодным шакалом.

Ботев видит: затосковали товарищи.

— Эх, слушайте новую песню!

Мне надоело
Любовные песни слушать
И петь все про ту неволю,
Неволю бедняцкую нашу
Да про свои печали,
Печали и черные думы!
— И песнь та моя пронесется долинами и лесами,
Леса мою песню подхватят,
Долины ее повторят,
И грусти как не бывало,
Той грусти, что сердце точит!

— То будет песня о славных гайдуках, о юнаках-воеводах, о грозном гайдуке Чавдаре.

Пусть слушают парни и девки
На сборищах и посиделках,
Юнаки на дальних взгорьях,
Крестьяне в корчмах прохладных,
Каких сыновей рожала,
Рожала, рождает и ныне
Болгарка — мать юнаков.
Каких удальцов кормила,
Кормила, кормит и ныне

Наша земля дорогая!

Льется песня о Чавдаре-воеводе, что был грозою для турок и чорбаджиев, верным защитником бедняков горемычных. Поэт рисует Чавдара сыном воеводы, дружине которого нет счета. Мальчиком разлучили Чавдара с отцом, ходившим с гайдуками по Стара Планине. Когда ему исполнилось двенадцать лет, сказал он матери: «К отцу уйти я желаю, к батюшке в Стара Планину». Камнем пали на сердце матери слова сына. Ей страшно расстаться. А уж коли суждена разлука, пусть едет в Россию учиться, только бы не подвергался опасности в гайдуках.

Отправил отец сына учиться в «единоверную» Россию, и вернулся оттуда Чавдар ученым мужем. Но не познал он радости на родной земле, стоном стонавшей под гнетом турок и болгарских выроdkов чорбаджиев-кровососов. И упрекнул он мать, что не позволила ему стать гайдуком, когда он так просил. Собрал Чавдар дружину верную и ушел в леса, чтобы защищать обездоленных, карать угнетателей. И восславил народ имя его:

Вот потому и песни
Ныне поют про Чавдара
Странджи лесистой вершина,
Травы Ирина-Пирина.
Медный кавал им вторит
От Цареграда до Сербов,
И от Эгея к Дунаю.
Над Румелийской равниной
Звонко разносят их жницы...

Поэма большая, складная, звонкая. Каждое слово ее, как молоточек, бьет по струнам сердец слушателей, жаждущих подвига, живущих одним стремлением — сразиться с врагом.

Друзья слушают, и лица их отражают и восхищение и удивление: и такое создал брат наш по горькой доле изгнанника! Значит, верно: еще не перестала болгарка рожать удалцов. Не пропадет с такими сынами родина-мать!

И кто знает, не видел ли себя юный поэт в образе Чавдара? Не была ли поэма выражением его личных сокровенных дум? Разительно схожи их биографии, их дела, их идеалы. Пройдет с тех дней, когда создан был Чавдар, не так уж много лет, и Ботев, познавший в России страсть к борьбе за свободу, как и Чавдар, поведет дружину к Стара Планине.

Чавдар! Образ этот, рожденный фантазией поэта, стал символом отваги, верности народу, неугасимой воли к победе. Именем Чавдара грядущие поколения борцов за социальную справедливость на болгарской земле называли свои отряды. Поэты пели песни партизанам-чавдарцам, героям последних освободительных битв, в огне которых, наконец, родилась Болгария без угнетателей, Болгария подлинно народная.

В конце 1866 года Ботев переехал в Бессарабию, в село Задунаевка, населенное болгарами, бежавшими из родных мест, спасаясь от турецких зверств. Здесь он нанялся учителем. Но это было не единственным и не главным его занятием. Село Задунаевка, расположенное недалеко от русско-румынской границы, как можно предположить, являлось одним из тех пунктов, через который поляки переправляли в Россию нелегальную литературу, а с этими польскими кругами, как известно, был связан Ботев.

Вел здесь Ботев жизнь суровую, подражая своему любимому герою из романа Чернышевского «Что делать?» — Рахметову. Спал на голых досках. Кавказская бурка служила ему и постелью и одеялом, одевался бедно: носил подаренный ему казацкий мундир, старенькие обтрепанные брюки и сапоги. Не жалел он денег только на книги.

В начале 1867 года Ботев, получив известие о болезни отца, покинул Задунаевку.

В родной Калофер, как сообщает его земляк Стефан Гендов, Ботев вернулся «совершенно изменившимся. Он говорил о том, что должно наступить освобождение, довольно уже тирании, хватит туркам владеть нами, их песенка спета. Говорил, что нужно готовиться к этому, упражняться с ружьями, быть начеку».

Ботев занял место больного отца в калоферском училище. Новый учитель полюбился молодежи. Он учил ее не только грамоте, учил стрельбе, отливке пуль. Он бывал там, где собирался простой народ, и «проповедовал и социализм и любовь к родине».

Нетерпимый к злу, Ботев никому не давал спуска. Горячий, он резко выступал против всякой несправедливости. О нем стали раздраженно говорить: «Он на все нападает и все осуждает».

11 мая 1867 года, в день великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия, Ботев публично выступил с революционной речью. Вот как описывает это свидетель события:

«Как обычно, в мужское училище, украшенное цветами, собрался почти весь Калофер, освящалась вода и произносились восторженные речи о просвещении и прогрессе болгарского народа. По обыкновению, каждая речь заканчивалась горячими пожеланиями долгоденствия любимому царю-батюшке султану Абдул Азису, под чьим мудрым управлением преуспевает

болгарский народ. Этого требовало тогда и время и обстановка.

Между слушателями стоял и Христо. Слушал он слушал, а потом, раздвигая народ, решительно направился к трибуне. Говорил он смело, громко, изобличал ораторов, чорбаджиев, турок и даже самого султана. Речи ораторов (а первым выступал его отец) он назвал заблуждением и усыплением народа, а небольшие церковные уступки со стороны турок— ловушкой и новыми оковами для нового рабства. Болгарский народ, говорил он, нуждается в подлинной свободе, но ее никогда не добывали с помощью молитв и славословий.

Слушатели сначала опешили, а потом поднялись крики: то запротестовали чорбаджии. Священники стали быстро собирать свои пожитки. Но никто не попытался убрать оратора с трибуны. Окруженный молодежью, Ботев высказал все, что кипело в его груди».

Оставаться в Калофере теперь уже нельзя. Ботев покидает родной город.

«...Калофер, золотой Калофер! Ты родил во мне страстную любовь, которая так рано погибла, и глубокую ненависть, которая будет сопровождать меня до гроба... В Калофере познал я чорбаджия и бедняка, турка и наш народ», — скажет позже Ботев, вспоминая годы, юности.

Осенью 1867 года Ботев приезжает в Бухарест. Не найдя здесь работы, в декабре перебирается, в город Браилу. Болгарин Д. Паничков взял его к себе в типографию корректором газеты «Дунавска зора». Так началась эмигрантская жизнь.

Браила являлась тогда крупным центром болгарской революционной эмиграции. Сюда стекались, кто не мог стерпеть неволи, кто хотел бороться за счастье своего народа. «Румыния оказала им свое гостеприимство, но то было гостеприимство, которое оказывает пустынный

морской берег выброшенным на него бурей мореплавателям с разбитого, погибшего корабля. Эти люди жили в обществе, как в пустыне. Дома, магазины, кошельки, сердца — все для них было закрыто. Пробивались они лишь милостыней, которую им подавали другие люди, почти столь же бедные...» — писал Иван Вазов, который сам хлебнул из чаши горькой жизни скитальцев — хышей, как презрительно называли их болгарские богатеи.

В эту среду и попал Ботев. Дни он проводил в типографии, ночи — с хышами в корчмах и кофейнях. В ту пору в Брайле Стефан Караджа вербовал дружинников для похода в Болгарию. Наезжал сюда и Хаджи Димитр. Предполагалось, что вслед за четой Хаджи Димитра и Стефана Караджи в Болгарию отправится чета Желю-воеводы. К тому времени Ботева настолько хорошо узнали в эмиграции, что осторожный, выдавший виды старый воевода Желю доверил ему в своей чете должность писаря.

Ботев торжествовал. Сбывалась мечта о подвиге во славу родины. Взволнованный предстоящим походом, он пишет песню «Прощанье»:

Не плачь, родная, не горюй,
Что стал я смелым гайдуком,
Гайдуком, вольным повстанцем
И тебя в горе оставил
Тужить о первенце-сыне!

Но не суждено было Ботеву отправиться в поход с четой Желю-воеводы. Как уже не раз бывало, не оказалось денег на вооружение четы. Одесские, бухарестские и браильские «щедрые на слова спекулянты» обманули Желю, не дали денег. В довершение нагрянула новая беда. Пришла весть о

разгроме четы Хаджи Димитра. В Румынии по требованию великих европейских держав и Турции началось преследование революционно настроенных эмигрантов. Желю и его товарищи были арестованы. Тюрьма грозила и Ботеву. Пришлось скрываться. Работа потеряна. Денег нет. Изнуренный голодом, Ботев заболел. «По причине своей болезни, — писал он Н. Герову, — я нахожусь в такой бедности, что не только остался голым и босым, но даже нуждаюсь и в хлебе насущном».

Осенью Ботев перебрался в Бухарест. Он рассчитывал там получить место учителя в болгарской школе. Но из этого ничего не вышло. Нужда все крепче сжимала в своих объятиях. Ботев решается обратиться за помощью к своему родственнику — крупному богачу и руководителю Добродетельной дружины Христо Георгиеву. Он просит одолжить небольшую сумму денег, чтобы привести в порядок свою одежду и выкупить книги, которые заложил во время болезни в Брайле. «Когда он мне отказал, — писал потом Ботев, — у меня потемнело в глазах и волосы стали дыбом, как только я представил, что надвигается зима. Я был в ужасе, временами меня охватывали такие приступы отчаяния, что я мог дойти или до преступления, или до самоубийства».

Личные невзгоды отягчались общей обстановкой, сложившейся тогда в эмиграции. Восторг и надежды, которые воодушевляли ее в связи с вступлением четы Хаджи Димитра в родную Болгарию, сменились унынием и отчаянием. С гибелью четы, казалось, гибли мечты о революции, о восстании и долгожданной свободе.

В этот тяжелый период для Ботева и произошла его встреча с Левским. Сильный духом, прошедший через огонь революционной борьбы и гайдуцких боев, закаленный уроками поражений и уже прозревающий пути к победам, Левский оказался крепкой моральной

поддержкой своему молодому другу, надломленному тяжестью свалившихся на него испытаний.

О многом переговаривали они в долгие зимние вечера на старой мельнице. Но никто из них не оставил никаких воспоминаний о тех днях. Можно лишь догадываться, о чем они могли говорить.

Революционер из плеяды Раковского, Левский был для Ботева живой историей героических событий последних лет. В беседах с Левским у Ботева вызревало новое отношение к вопросам болгарского освобождения. Он воспринимал проповедуемую Левским идею массового революционного движения, которое должно прийти на смену четническому периоду национально-освободительной борьбы.

Левский для Ботева был старшим товарищем, хорошо знающим жизнь болгарского крестьянства и ремесленников — основных сил назревающей революции.

Ботев для Левского был собеседником начитанным, большого кругозора, прошедшим теоретическую подготовку в школе русских революционеров-демократов, имеющим некоторый опыт работы в русском и польском революционном движении.

Истинное наслаждение доставляли Левскому увлекательные рассказы Ботева о жизни в России и буквально в восторг приводили его стихи. Отрывки из стихотворения «Прощанье» Левский занес в свою записную книжку.

Так они жили, обогащая друг друга.

Ботев души не чаял в Левеком. Бок о бок с ним он забывал тяготы бытия. Ботев писал своему товарищу по одесской гимназии Киро Тулешкову:

«Я достиг такого жалкого положения, что невозможно описать. Живу, как нищий, одежда, которая есть, разодралась, и мне стыдно днем выйти на улицу. Живу на самом краю Бухареста, в ветряной мельнице,

вместе с моим соотечественником Василом-дьяконом. О пропитании не спрашивай, так как мы лишь один раз в два-три дня добываем хлеб, чтобы утолить голод. Мой приятель Левский, с которым мы вместе живем, человек неслыханной твердости характера. Когда мы находимся в самом критическом положении, он так же весел, как и тогда, когда мы в лучшем положении. Мороз. Дерево и камень трещат. Мы голодаем по два или три дня, а он поет и все весел. Вечером, перед сном, он поет; утром, едва откроет глаза, опять поет. В каком бы ты отчаянии ни находился, он развеселит тебя и заставит забыть все тяготы и страдания. Приятно жить с подобной личностью!!!»

Оба друга частенько хаживали в читальню «Братская любовь», вокруг которой группировались революционные силы болгарской эмиграции. Здесь Левский встретился с одним из руководителей Болгарского общества — Димитром Ценовичем. Они разговорились. Левский стал развивать перед ним свой план действий.

Внимательно выслушав, Ценович сказал:

— Я полностью согласен с тобой, что только внутренняя организация может дать хороший плод. Четы, я с тобой согласен, не смогут сделать ничего другого, кроме протеста. С их помощью мы можем лишь показывать время от времени, что мы, болгары, существуем как народ. Другой пользы от чет ждать нельзя. Почему ты сидишь здесь и не едешь в Болгарию?

— Нет денег, господин Ценович, а без денег ничего не сделаешь в этом мире, — ответил Левский.

— Сколько денег тебе надо поначалу?

— Достаточно тридцати турецких лир.

Ценович поглядел на Левского и, улыбнувшись, сказал:

— Тридцать лир? Что ты сделаешь с такими малыми деньгами?

— Я еду не подкупать турецких министров, чтобы нуждаться в большой сумме. Мне нужно столько денег, сколько понадобится на дорогу отсюда до некоторых городов Болгарии и на одежду.

Ценович был удовлетворен. Он пригласил Левского зайти к нему и выдал ему из средств Болгарского общества тридцать турецких лир. Болгарское общество считало своим долгом поддерживать всякое полезное для отечества начинание. Поддержало оно и Левского, не только дав ему деньги, но и указав верных людей в Румынии и Болгарии, которые могут содействовать делу. Левский стал собираться в дорогу. В первых числах декабря он распростился с Ботевым. Больше они уже никогда не встретились.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Часть
третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФУНДАМЕНТ РЕВОЛЮЦИИ ЗАКЛАДЫВАЕТСЯ

6 декабря 1868 года Левский прибыл в Турну-Мэгуреле, небольшой румынский город на берегу Дуная. Здесь он разыскал рекомендованных ему Болгарским обществом Тодора Ковачева и Данаила Попова. Не раз переправлявшие нужных людей в Болгарию, они помогли Левскому отправиться дальше.

11 декабря Левский на пароходе выехал из Турну-Мэгуреле.

Задуманное еще в Белграде начинало сбываться. Возможность попасть в Болгарию и там на месте проверить свои расчеты, наконец, получена, надо только лучше ее использовать. Левский избирает путь через Константинополь. Он считает, что через турецкую

столицу легче пробраться в Болгарию, не вызвав подозрений. К тому же в Константинополе большая болгарская колония, с ней полезно установить связи.

Дорога дальняя. Есть время подумать, заглянуть в прошлое, попытаться отгадать будущее. Думы все об одном: как скорее, как вернее добиться свободы? Неудачи 1867 и 1868 годов, когда одна за другой рушились надежды, — разгром четы Филиппа Тотю, крах второго легиона в Белграде, гибель четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи — укрепили в одной части эмиграции неверие в силы народа, побудили ее к еще большей осторожности, в другой породили горячее стремление найти новые пути. Одни считали, что самим болгарам ничего не достичь. Подождем, говорили они, когда Турция падет сама или ввяжется в какую-либо войну, и тогда заявим свои права на свободу. А пока будем просвещать народ, готовить его к самостоятельной жизни. Но спросили ли они народ, согласен ли он ждать?

Другие — и их большинство — говорили: «Турция должна погибнуть, чтобы мы жили!» Они считали, что промедление смерти подобно, что свобода, полученная из рук других, будет куцей свободой. Эти были правы, но они не знали, с чего начать и как дальше вести дело. А народ? Народу оставалась все та же участь — продолжать страдать. Доколе же?

Мечется мысль Левского. Память — этот величайший художник — рисует пережитое, виденное. Звучит оно сплошным воплем, стелется кровавым туманом. Нет, больше ждать нельзя! Надо спешить! Надо спешить! В Болгарии много верных народному делу людей. С ними посоветоваться, с ними вместе искать новые пути. В народе — сила. Решать без него — значит ничего не решить.

Пароход вошел в Босфор, тридцатикилометровый пролив, соединяющий Черное море с Мраморным. Кончилась изнуряющая морская качка, и пассажиры залюбовались Открывшимися видами. Точно река — широкая и глубокая—извивается Босфор в крутых гористых берегах. То тут, то там поднимаются высокие, стройные, вечнозеленые кипарисы. Над самой водой, широко разметав свои ветви, стоят могучие платаны. По склонам холмов сбегает к самой воде дома небольших поселений. Многие жалкие лачуги обосновались на сваях, обдуваемые ветрами, покрытые зеленой плесенью вечной сырости. То жилье рыбаков. Трутся о сваи рыбацкие лодки, свисают с крыш сети.

Пароход идет, поднимая легкую волну. Качаются на ней расписные каики — легкие и быстрые лодки. Они спешат во все концы от поселения к поселению, от дома к дому. К некоторым домам прорыты каналы, и подлетают по ним каики к самым дверям.

Чувствуется близость столицы. По берегу Босфора потянулись роскошные загородные виллы турецкой знати и европейских дельцов. Затмевая все своей восточной роскошью, высятся загородные дворцы султанов. Самый великолепный из них — Эскисераль, тот, что стоит у входа в Мраморное море.

Пять тысяч слуг, тысяча двести невольниц, свыше тысячи наложниц и жен услаждают здесь жизнь султана и принцев крови.

Не у одного из столпившихся у борта парохода пассажиров-болгар мелькает мысль: «Вот куда идут наши денежки». Говорят, каждая турецкая знатная дама носит на голове в виде украшений стоимость целого города, а служанка в гареме — стоимость одного села. Сказочная роскошь и безумное расточительство поражали приезжавших в столицу Великой Порты.

Повидал Левский и другое гнездо тирании и ограбления болгарского народа. В далекие времена,

когда султаны в награду за верную службу передали греческому духовенству право безграничного управления христианскими народами империи, греческая церковная и торговая знать образовала в Константинополе свой центр — квартал Фанар. Здесь была резиденция главы православной церкви, греческого патриарха. Здесь селились разбогатевшие архиереи и преуспевающие купцы. Мрачную славу стяжал греческий центр турецкой столицы. Слова «фанар» и «фанариоты» стали синонимом всего низменного, чем отличается среда эксплуататоров. Один из дипломатов конца XVIII столетия писал о Фанаре: «Это университет всяческих подлостей, и еще не существует достаточно богатого языка, чтобы дать названия всему тому, что здесь совершается. Сын здесь с ранних пор обучен столь ловко убивать своего отца из-за нескольких пиастров, что его не удастся преследовать по закону. Интриги, кабала, лицемерие, особенно же искусство вымогать деньги отовсюду, преподаются здесь методически».

В Фанаре в течение веков ковались тяжкие цепи духовного рабства болгарского народа и собирались нагребленные у него несметные богатства.

Ожесточенную борьбу с фанариотами за право самостоятельного духовного развития народа вела болгарская колония и в год пребывания Левского в турецкой столице.

В Константинополе в то время существовала большая болгарская колония. Целый квартал — Балкапан — принадлежал богатым торговцам: здесь были их конторы, склады, жилые дома. В столицу приезжали учиться дети состоятельных болгар, сюда стекались со всей Болгарии предприимчивые люди в поисках работы, наживы.

Патриотически настроенные ремесленники и торговцы явились носителями национальных идей.

Отсюда поддерживалась и направлялась борьба за церковную самостоятельность против греческого духовного рабства. Константинополь в эпоху болгарского возрождения стал центром культурно-просветительного движения. Здесь открывались первые болгарские типографии, здесь выходили первые болгарские газеты и журналы, печаталась литература на родном языке.

В эту среду попал Левский по приезде в Константинополь.

Остановился он по рекомендации одного из последователей Раковского в доме купца Стефана Илича, на окраине столицы, в турецком квартале.

Стефан Илич ввел Левского в местные болгарские круги. Первая встреча состоялась в конторе балкапанского торговца Кира Попова. Левский поделился своими планами подготовки народа к восстанию. Вызвали они много толков, но не нашли поддержки. Умеренным патриотам революционные планы Левского показались слишком рискованными, а сам автор их — фантазером. Да Левский, видимо, иного и не ожидал. Для него главным было установить связи, а этого он достиг.

В январе 1869 года Левский покинул турецкую столицу и направился в южную Болгарию.

Никогда не доводилось Левскому бывать в этих краях. Это не то что благословенные Карловская и Казанлыкская долины — цветущие, богатые, плодородные.

Скрылись чарующие виды проливов и потянулась до самого Эдирне унылая равнина. Болгарские селения здесь бедные, жалкие, жители — изнуренные, забитые.

Под вечер Левский поискал приюта в одной такой деревне. Из приземистой лачуги вышел убого одетый человек. Низко поклонившись, он приветливо промолвил:

— Хош гелдиниз! [\[43\]](#)

Левский ответил:

— Благодарю, брат.

Услышав болгарскую речь, крестьянин обрадовался и, взяв неожиданного гостя за руку, повел в жилье.

Было оно низкое и темное. Свет слабо струился через отверстие в крыше, служившее окном и дымоходом.

Перед тем как укладываться спать, хозяин послал сына расседлать коня гостя и внести седло в дом.

— Зачем? — любопытствовал Левский.

— Собаки с голодухи сожрут. Седло-то небось кожаное...

— Что же у вас собак не кормят?

— Самим есть нечего. Хлеба во всей деревне куска не сыщешь. Просяными лепешками питаемся.

— Плохо, видно, живете.

— Да уж хуже некуда. И все они, проклятые...

— Однако ты смел, что при первом встречном так говоришь о турках.

— А что мне терять? Разве это жизнь?

:— Коли нечего терять — значит нужно приобретать, — осторожно сказал Левский.

Крестьянин поглядел в упор в глаза гостю, как бы желая прочесть в них истинный смысл сказанного, и ответил:

— Если я правильно тебя понял, ты дело говоришь... Но без камня не мелет мельница зерно, без оружия не выгонишь турка.

— Это верно! С козой, как говорится, на пахоту не выходят. А за дело все же браться надо. Как ты думаешь?

— Лишь бы кто начал, а мы поддержим.

...Когда взошло солнце и на дороге стало люднее, Левский отправился дальше. Путнику в те времена было чего опасаться. По дорогам рыскали шайки головорезов,

не брезговали поживиться чужим добром и мирный по виду пахарь и сам блюститель порядка — полицейский.

Левский примкнул к ехавшим в Эдирнэ торговцам. Пробирались они скопом, выпросив у властей вооруженную охрану.

Вдали показался большой красивый город: византийский Адрианополь, болгарский Одрин, турецкий Эдирнэ, город великолепных мечетей и стройных минаретов.

Перед Михайловским мостом, переброшенным через широкую Марицу еще при византийских императорах, задержались. Большая толпа болгар запрудила подъезд к мосту.

— Что там? — спросил спутник Левского полицейского.

Тот нехотя бросил:

— Бир гяур йолмюш, не олур он дан.

«Какой-то неверный погиб, что из этого, — повторил про себя Левский слова полицейского. — Будто пес подох. Доколе же это будет продолжаться?»

...Эдирнэ — крупнейший торговый и ремесленный центр всей Фракии. Издавна тянулись сюда болгары в поисках заработка. Многочисленны здесь прилавки болгарских портных, сапожников и всяких других умельцев.

Ходит Левский по городу, присматривается — впервые он здесь. Заходит в лавки и мастерские земляков, заводит беседы осторожные, прощупывающие. А собственно, и прощупывать-то нечего, главная беда и так видна: нет работы, нет заказов, хиреют ремесленные цехи. После Крымской войны завладели турецким рынком западноевропейские капиталисты, заполонили его своими товарами.

Едет Левский дальше и всюду одно: нищета, разорение, бесправие. Страдает родной народ, тяжело страдает...

В Пловдиве посетил Найдена Герова — болгарского патриота, вице-консула Русского государства. Близко горе народное этому человеку. С кем и говорить, как не с ним. Рассказывает ему Левский виденное и пережитое в пути.

Что говорить о простых людях, я сам чуть не пострадал от этих разбойников, — отвечает ему Геров. — Напал на меня полицейский из Казанлыка, хотел ограбить. Если б не стража моя, туго пришлось бы. А грабителя начальство даже для формы не наказало. Случилось такое и с моим братом по дороге в Эдирнэ. Он и его спутники задержали напавших на них разбойников и передали их полиции. Бандиты оказались слугами знатного турецкого вельможи из Эдирнэ, и тот добился ареста моего брата и его товарищей. Сидеть бы им в тюрьме, если бы за моей спиной не стояла Россия.

— Значит, освободили?

— Пострадавших освободили, а вот с грабителями так и не смог ничего поделаться. Странное отношение у этих господ-начальников к разбою. Бывало, скажешь: «Это же грабеж», а тебе отвечают: «Нет, это гечинмек» — средство к существованию.

— Где же выход? — нетерпеливо вопрошает Левский.

— Надо ждать, когда Россия вступится за нас. Самим нам ничего не добиться.

Ждать! А можно ль ждать, когда вся земля стоном стонет? Прошел он ее теперь от самой турецкой столицы до Дуная. Нет, ждать, что кто-то другой принесет избавление, нельзя. Надо самим браться, как бы ни было это тяжело.

24 февраля 1869 года Левский закончил первую поездку и вернулся через Никопол в Турну-Мэгуреле. Вернулся обогащенный наблюдениями, с укрепившейся верой в правоту своих взглядов. Из того, что он увидел, он понял одно: надо действовать!

Левский еще не представлял всего масштаба предстоящей работы, но уже знал, что надо делать. Только что приехав в Румынию, он спешил вернуться в Болгарию. В новую поездку нельзя отправиться частным лицом. Только на разведку можно было ехать «ни от кого», в одиночном порядке. Теперь Левскому придется создавать революционные комитеты, вовлекать людей в великое и опасное дело. Люди спросят, от имени какой организации он действует, по чьему поручению.

В кругах бухарестской революционной эмиграции Левский нашел то, что ему было нужно. Здесь ему дали адреса революционных деятелей, живущих в Болгарии, сообщили пароль, который откроет к ним доступ. От Ивана Касабова, редактора газеты «Народност», органа Болгарского общества, Левский получил согласие составить и отпечатать листовки обращений к болгарам и туркам. По просьбе Левского они были изданы от имени Временного правительства на Балканах, как это было сделано и для четы Хаджи Димитра. От имени той же организации было выдано Левскому и полномочие на ведение работы в Болгарии.

Начиная свое великое дело, Левский хотел явиться в Болгарию от имени Временного правительства, освященного подвигом хаджидимитровцев. Он помнил, что идея Временного правительства, как органа народного восстания, была выдвинута Раковским в его плане освобождения Болгарии в 1861 году. Поэтому Левскому эта идея была особенно близка. Отправляясь в Болгарию под девизом своего учителя, Левский чувствовал себя как бы продолжателем его дела, но уже в новых условиях, на новых началах.

1 мая 1869 года Левский предпринял вторую поездку по Болгарии. Друзья в Турну-Мэгуреле помогли перебраться через Дунай и высадиться в Никополе.

Турну-Мэгуреле — Никопол. Этим двум городам, расположенным на Дунае друг против друга, довелось стать основными центрами связи между революционными организациями в Румынии и Болгарии.

Данаил Попов был главным действующим лицом в Турну-Мэгуреле. Сын священника, он семнадцатилетним юношей уехал в Румынию. Там он увлекся деятельностью Раковского и сам втянулся в революционную работу. Когда образовался Болгарский центральный тайный комитет, Данаил Попов стал его членом. Через него осуществлялась связь БЦТК с Болгарией. Особенно выросла его роль, когда начал свою деятельность Левский. Данаил Попов стал самым доверенным посредником Левского в его общении с революционным центром в Румынии. Через Данаила Попова проходила вся почта к Левскому и от Левского. Все революционеры, которым доводилось пробираться через Турну-Мэгуреле, пользовались помощью этого патриота. Когда революционная организация, созданная Левским, стала приобретать оружие, Попов и здесь оказался незаменимым. Как торговец, он оказал в этом неоценимую услугу народному делу. В доставку оружия в Болгарию он вовлек свою мать, сестру и брата. Болгарский историк, исследователь эпохи возрождения, Д. Т. Страшимиров, определяя место Данаила Попова в освободительном движении, писал: «Редко встречаются такие непоколебимые и преданные интересам отечества сердца, которые могли бы сравниться с ним. Он помогал и морально и материально Левскому при первых его шагах как агитатора; во все времена до освобождения он оставался одним из главных столпов революционного дела вне Болгарии».

В Никополе сложилась своя группа патриотов. В нее входили Николчо Симеонов — председатель церковноучилищного совета и член суда, Христо Волон — трактирщик, Ангел Пырванов — портной, По-лихрон

Алексиев — владелец гостиницы. Центральной фигурой был Николчо Симеонов. Этот болгарин хорошо использовал свою близость к турецкой власти. Находясь вне подозрений как член суда, он руководил группой, укрывал в своем доме Левского и его друзей. Полихрон Алексиев, этот сильный и решительный человек, взял на себя главную заботу по переправке через Дунай оружия и людей. Его невзрачный дом, носивший громкое название «Отель компания», стоял у самого Дуная. Он был в большой дружбе с турками-лодочниками, перевозчиками через Дунай.

С этими людьми и связался Левский по прибытии в Никопол. Не задерживаясь здесь, он выехал в Плевен, чтобы встретиться там с братом Данаила Попова, Анастасом поп Хиновым. Данаил Попов поручил брату своему сопровождать Левского в его поездках по Болгарии. Встреча состоялась. Первый выезд был намечен в Ловеч. Но в Никопол прибыли отпечатанные в Бухаресте листовки. Надо вернуться за ними.

...6 мая со стороны Плевена к Никополу подъезжал на тощем коне бедно одетый крестьянин. Штаны на нем из грубого черного сукна, грудь и спину плотно облегал елек, что-то вроде жилета, поверх елека салтамарка — меховая безрукавка. На голове высокая меховая шапка, на ногах царвули — кожаные лапти. Въехав в город, крестьянин слез с коня, развязал мешок и пошел покрикивая:

— Мыло! Мыло! Кому надо мыло?

В болгарской части Никопола торговец остановился у постоянного двора Косты Хинкова.

— Хозяин! Бери мыло. Остатки дешево продам.

— Иди в дом, пусть хозяйка посмотрит, какое у тебя мыло.

Цена сходная, мыло продано. Когда хозяйка удалилась, торговец обратился к хозяину:

— Ну, а теперь, Коста, иди к Полихрону Алексею, скажи, что я приехал за листовками.

— Васил? Дьякон? Ты ли это? — опешил Коста Хинков.

— Ну, конечно, я. А ты и не узнал!..

На следующий день торговец мылом, заполнив мешок городским товаром, а широкий пояс — листовками, ехал обратно по плевенской дороге.

Плевен — большой город, лежит он на прямом пути от Дуная в глубь Болгарии, ближайший город от исходной базы — Никопола. Из Плевена дороги ведут на юг, к Стара Планине, в восточные и западные районы страны.

В Плевене очень важно иметь революционный комитет, и Левский берется за организацию его. Анастас поп Хинов собрал верных людей. Левский рассказал им о предстоящей работе, познакомил с обращением Временного правительства. Поднявшись, он, звонко отчеканивая каждое слово, читал:

— «Болгарин! Все, что было самым святым, милым и дорогим в твоём злосчастном роду, сегодня осквернено, растоптано. Твоя святая вера страдает, твоя жизнь в руках бешеного паши, твоя честь повержена в грязь. Но ни слезы твои, ни стоны твои, ни мольбы твои никто не слышит. Горький опыт тебя учит, что ни в чем нельзя надеяться на султанов и их лживых советников.

Всякий народ достоин своей судьбы. Только раб душой добровольно мирится со своей участью. Покажите, болгары, что мы не сотворены для рабства, что мы достойные сыны наших славных отцов. Поднимайтесь, братья болгары! Берите косы, ножи, дубины, избавьтесь от постыдного рабства! Надейтесь только на себя и на вашу силу...»

Переведя взгляд с внимательных слушателей на окно, Левский, будто обращаясь к живущим там, в городе, продолжал:

— «А вы, братья магометанской веры, где ваши права, которыми вы когда-то наслаждались? Что вы приобрели, непрестанно проливая кровь? И вы, братья, унижены и обмануты, как и мы. Все, что вы имели когда-то, умерло в несправедливом государстве, где господствует насилие и произвол...

Мы видим в вас братьев, которые живут вместе с нами свыше четырех веков в одном государстве, которые вместе с нами терпят одни и те же муки. Мы, болгары, подаем вам братскую руку. Мы не хотим вести с вами религиозные счеты. Благо тем, кто счастлив в своей вере. Ходите, братья, в джамии свои молиться богу по своему обряду. Это ничуть не помешает вам быть равноправными в свободной Болгарии.

Братья мусульмане! Те, кто направляет ваше оружие против нас, наших жен и детей, те ваши и наши враги. Они думают только о том, чтобы господствовать над нами и вами да пить нашу и вашу кровь. Поднимайтесь вместе с нами за вашу и нашу свободу!

А вы, братья болгары, — обратился Левский к сидящим в доме, — смелее беритесь за оружие против ваших вековых угнетателей. Достаточно мы пролили слез. Наступает долгожданный час! Ждите знака, который вам подадут со Стара Планины, и тогда вперед!»

— Тогда вперед! — подхватили слова Левского.

— Да здравствует свобода! Ура Болгарии!

— Тише, братья, — предупредил осторожный Анастас Хинов.

Долго еще в доме горел светильник, освещая возбужденные лица.

Утром из Плевена по дороге в Ловеч ехали два всадника: первый — по виду состоятельный болгарин, второй — его слуга. Ехали не спеша, как полагается солидным людям. На полпути в рощице при дороге

остановились позавтракать на виду у расположившейся неподалеку богатой турецкой семьи. Слуга расстелил ковер, достал из переметной сумы всякие вкусные припасы и баклагу с вином. Знай, мол, наших, едет не какая-нибудь голытьба. Болгарин почтительно, на расстоянии поздоровался с главой семьи, пожилым турком, приложившись рукой к новенькой феске^[44].

Турок спросил:

— Куда идешь?

— В Ловеч, эфенди, по торговым делам. Покупаю, продаю крупный рогатый скот. А вы, разрешите узнать, милостивый эфенди?

— В Ловеч, — коротко бросил турок.

— Благополучно доехать, эфенди.

Кончился отдых. Турок усадил свою немалую семейку в телегу, тяжело взобрался на коня и тронулся в путь.

А за турком следом зашагали кони двух болгар: купца и его слуги. Так и въехали в Ловеч.

Живописен Ловеч. Быстрый Осым делит его на две части. На правом берегу, скалистом и крутом, живут болгары. Дома двухэтажные: низ из неотесанного камня, верх — деревянный. Стрехи крыш вынесены далеко, чуть не соприкасаются со стрехами соседних домов. Улицы так узки, что из окна в окно можно пожать руку соседа. Тянутся улочки к вершине холма, увенчанного стенами старой крепости. Во дворах — фруктовые деревья, цветы, веранды завиты виноградом, по каменным стенам, окружающим двор, ползет плющ. В стене, граничащей с соседним двором, сделана чуть приметная калиточка — комшулук. Соседи — комшиите — общались, не выходя на улицу. В тех условиях это было очень важно. В случае опасности можно было по дворам выбраться из города или скрыться где-либо у соседей.

Левый берег, ровный, более пригодный для жилья, заселен турками. Здесь дворы просторнее и сады пышнее.

Город богатый. На главной улице много мастерских и лавок. Лавки и на крытом мосту через Осым. Расположены они под одной крышей, по обе стороны проезжей части моста.

О благосостоянии города говорят и многочисленные минареты, точно стрелы вонзенные в небо. Среди зелени садов эти белые стройные сооружения выглядят очень эффектно.

...Наши путники подъезжали к Ловечу в майский день. Город предстал перед ними в великолепии яркой зелени и цветении садов. Дорога из Плевена при въезде в Ловеч вливалась в его главную улицу, оживленную, бойкую. Ловечские болгары статны, красивы, особенно женщины. В своих живописных костюмах они сами как цветы.

Любуется купец, впервые он в Ловече. Повернувшись к едущему позади слуге, громко говорит:

— Узнай, где церковь святой богородицы. Заедем помолиться, чтоб ниспослала нам мать божья успешную торговлю.

Церковь отыскали. Она была закрыта. Напротив ее — дом священника. Купец постучал. Вышел сам хозяин, человек в годах, но с живыми, молодыми глазами. Купец поздоровался, поцеловал руку священника:

— Еду из Плевена по торговым делам. Хотел бы отслужить молебен, батюшка.

— Что же, это можно, скоро, кстати, и служба начнется. А пока пройдите в дом, отдохните с дороги, прошу вас.

Оставив, как того требовал обычай, обувь на веранде, купец в чулках проследовал в дом. Комната, куда его ввели, большая, вдоль стен миндери — лавки, крытые коврами, и на них подушки. В стенных

углублениях на полках много книг в хороших переплетах. Софра — низенький столик для еды — сделан красиво, добротно. Купец с нескрываемым любопытством разглядывал обстановку. Хозяин заметил и смущенно сказал:

— Сам все мастерю. Люблю постолярничать, книги переплести, да и сапожничеством тоже не гнушаюсь.

С подносом, полным кушаний, вошла попадья и не то всерьез, не то в шутку бросила:

— На книги последние деньги тратит, будто других расходов нет.

Легко льется беседа вокруг софры. Купец — человек бывалый, а хозяин дома — любознательный. В открытое окно донесся звон колокола.

— Звонкий у вас колокол.

— Да, колокол хорош, а какая история с ним была... Не слышали? Ну, так расскажу... Долго наша церковь не имела не то что медного колокола, а даже простого деревянного клепала. Турки не разрешали. Богомольцев сзывал церковный сторож, обходил их дома и стучал в двери. Лет двадцать с лишним назад удалось умиловить турецкие власти, разрешили они повесить деревянное клепало. Хоть и не звонка деревянная доска, но все же лучше, чем ничего. А три года назад ловечские богачи купили для церкви настоящий медный колокол. Привезли его из Бухареста, повесили. В первое же воскресенье загудел наш колокол. Но что тут поднялось — и не приведи бог вторично видеть. Всполошились турки. Сбежались чуть ли не со всего города. Кричат, оружием грозят, требуют прекратить звон. Так и замолк наш колокол. Позапрошлым летом пожаловал к нам в Ловеч сам губернатор Мидхат-паша. Упросили его. Дал он разрешение звонить. По мелочам этот начальник шел болгарам навстречу, не при всех будь сказано...

В комнату вошел молодой человек лет двадцати пяти.

— Мой старший сын, Марин.

Купец внимательно оглядел вошедшего и вместо обычного приветствия, пожимая руку, что-то проговорил. Марин так и расцвел. Но радости своей при отце не выказал. Сидел за софрой и чинно слушал беседу старших, лишь иногда вставляя свое слово. Зато вернувшись из церкви, Марин и купец проговорили всю ночь.

Марин вызвался помогать своему новому знакомцу. В один из вечеров он пригласил гостя в дом друга своего Ивана Драсова. Там оказались молодые, но уже видные в Ловече торговцы — Димитр Пышков, Христо Иовков, Анастас Хитров, несколько известных ремесленников и священник Крыстю. Компания для купца совсем подходящая.

Сидели, толковали о разных делах. Хозяин дома потчевал ракией, но успеха у гостей она не имела. Хорошая беседа была им больше по душе.

— Друзья, — сказал Марин, — к нам приехал из Бухареста карловский дьякон Васил Левский по народным делам. Послушаем его.

Поднялся купец, достал бумажку и передал Марину:

— Пусть посмотрят все, чтоб не было сомнений.

По рукам пошло полномочие, выданное Левскому от имени Временного правительства. Затем Левский достал листовку и попросил Димитра Пышкова, бывшего учителя, прочесть ее вслух.

Настроение достигло высокого накала. Собравшиеся здесь — торговцы, ремесленники, учителя — давно были готовы к тому часу, когда голос революции призовет их.

Марин, сын попа Лукана, — вожак молодежи. От природы любознательный, он жадно впитывал новые идеи. Посланный отцом в Тырново изучить сапожное ремесло, он попутно занялся французским языком. Переменяя от отца любовь к книге, много читал. Сверстники любили Марина, считались с ним. И теперь

на призыв Левского создать революционную организацию они все последовали за Марином. Круг друзей Марина стал первым революционным комитетом в городе Ловеч. Руководителями комитета избрали Марина Луканова — председателем, Ивана Драсова, попа Крыстю и Анастаса Хитрова.

И опять дорога. Вьется она по берегу Осыма, бежит к его истокам, на юг, в Балканы.

Дорога привела в Троян.

Троянский перевал — крутой, тяжелый. Подъем начинается от самого города. Узкая дорожка забирается в лесистое ущелье. Рядом шумно скачет по камням горный поток. Чем выше, тем мрачнее становится лес. Зеленые мшистые бороды свисают с могучих стволов. Набежит ветер, и загудят, заволнуются великаны, размашисто крутя вершинами своими, точно желая увидеть, кто побеспокоил их.

Кончился лес, и перед путником предстал суровый, безжизненный купол. Даже мох не растет на его обожженных солнцем, морозами и ветрами камнях.

Перевал. Справа — бездна. Глубоко внизу стелются зеленые горы, клубятся облака. Там северная Болгария.

Слева южная Болгария, долины Стрямы и Тундже, просторы широкой Фракии.

В срезе горы, у самой дорожки, журчит родник. До чего же вкусна его студеная вода!

С перевала дорога пошла еще круче. Ливневые потоки изрезали его глубокими рытвинами. Вьется дорога над безднами, в густых зарослях грабовых лесов. Петля и вновь петля. Кажется, будто топчешься на одном месте. Чтобы спрямить путь, Левский выходит на козьи тропы.

С крутого и голого обрыва открылась долина Стрямы с ее золотистыми нивами, темными ореховыми рощами, зелеными лужайками. За узкой сверкающей лентой Стрямы волнисто поднималась Средна-гора, а за ней в

туманной дымке стлалась Фракийская равнина — широкая и гладкая. Где-то в конце ее угадывались, как призрак, Родопские горы.

Знакомая, милая картина. Левский заспешил вниз. В конце спуска, у самого подножья Стара Планины — село Карнаре. Никто не минует его корчмы: идущие вверх остановятся подкрепиться, закончившие трудный путь зайдут отдохнуть за чаркой виноградной ракии. Зашел сюда и Левский. Кто бы узнал в этом горце, бедно одетом, с тощей сумой за плечами, вчерашнего купца?

День воскресный, в корчме людно, шумно. Компания подвыпивших гуляк, забредшая сюда из недалекого Сопота, собралась в обратный путь. Левский пристроился к ним. Чье внимание привлекут эти праздные весельчаки?

Стояла середина мая — лучшая пора здешних мест. В садах цвели розы, знаменитые казанлыкские розы, прославившие Болгарию. Ароматное дорогое масло дают они. Целые селения Карловской и Казанлыкской околий занимаются разведением роз. В предрассветных сумерках сборщицы роз с корзинами в руках отправляются в сады. Цветы надо собрать, пока не вышло солнце из-за гор, пока его горячие лучи не высосали из нежных лепестков ароматные вещества, накопленные лепестками за ночь.

Лишь порозовеет восток, начинается сбор. С неуловимой быстротой ловкие руки обирают розовые кусты. Кажется, что в корзины льется сплошной розовый поток. Цветы везут на розоварню. Чем раньше они сорваны и доставлены для переработки, тем больше будет добыто розового масла, отрады восточных красавиц — любительниц благовоний.

Для мужчин из тех же роз приготовят особо ароматную гюль-ракию, розовую водку.

Здесь скрывался Левский у монахини Христины (город Сопот).

Ловеч (современный вид).

Христо Ботев.

В Сопоте Левский отстал от веселой компании. У церкви приостановился, перекрестился и медленно, опираясь на палку, как богомолец, уморенный в долгом пути, прошел в соседний двор. В глубине двора двухэтажный дом с длинными открытыми деревянными верандами по всему фасаду. Постучался в узкую дверь. Вышла женщина в черном монашеском одеянии. Оглядела недоумевающе пришельца, но, встретившись с ним глазами, быстро пригласила войти. Келья монахини маленькая. У стены широкая деревянная лавка, заменяющая кровать, — вот и вся мебель.

— Васил! Откуда?

— Из Румынии, тетя Христина.

Расспросам, казалось, не будет конца. Уже и сумерки заползли в келью. Монашка спохватилась.

— Ох, что же это я, и не спросила, сыт ли ты, Васил?

— Сыт, тетя Христина. В Карнаре поел. Теперь бы отдохнуть.

— Хорошо, отдохнешь. А дальше-то как?

— В Карлово хочу идти, мать, друзей повидать, ну, а куда потом судьба занесет — не знаю.

— Да я тебя об этом и не спрашиваю, Васил. Не мое это дело. А пока вот что скажу: сейчас спать, а раненько поутру я схожу в Карлово, разузнаю, как там, предупрежу кого надо.

Сдвинув с пола плетенный из рогожи коврик, монахиня открыла дверку в подвал.

— Ну лезь, Васил! Покойной тебе ночи!

Васил спустился. Монашка закрыла дверку, вырезанную в полу, и вновь расстелила коврик.

Левский зажег огарок свечи. Слабое пламя осветило койку, у противоположной стены — переносную лестницу. Над ней незаметно прорезанный в деревянном настиле веранды тайный лаз во двор.

Келья монахини Христины в Сопотском монастыре давно служила убежищем для Левского. Причастная к

народному делу, Христина знала о революционной деятельности Василя еще с тех пор, как доставала ему одежду монаха, когда он вернулся из Белграда от Раковского. С тех пор она не раз укрывала Василя от преследования.

Под вечер следующего дня Левский вышел из укрытия и зашагал в Карлово. Перед самым городом отсиделся в саду до наступления темноты. Христина сказала, где его ждут друзья, и он шел уверенно. Захотелось взглянуть на родной дом. Стоял он по соседству с дорогой, что вела из Сопота в Карлово, почти на краю города. Защемило сердце при виде низенького дома с пристройкой, где отец, а потом мать красили гайтаны. Заколебался на мгновение: не зайти ли? Но побороло сознание, что это смертельно опасно. Дом его под наблюдением турок. И он прошел мимо родного гнезда с таким видом, будто оно ничего не сказало его сердцу.

Тихими улочками пробрался он чуть ли не через весь город, в его болгарскую часть. Здесь, у Стара-реки, в доме Ганю Маджерца его поджидали. Только переступил порог, как попал в объятия матери. Предупрежденная, она пришла сюда повидаться с сыном.

Ночь пролетела в разговорах, а в тот утренний час, когда карловчане потянулись в поле, ушел и он. В Карлове, где его так хорошо знают, ему нельзя долго оставаться.

Привычным путем зашагал Левский в Калофер. Сколько раз ходил он по этой дороге с дядей, собирая пожертвования на монастырь?

Вспомнилась ночь, проведенная в селе Митиризове, и та ужасающая бедность, которая так возмутила его юную душу. Захотелось навестить тот гостеприимный дом, под кровом которого впервые была отчетливо им понята вся глубина подавленности родного народа.

Вот и село. Все те же жалкие халупы, все те же шелудивые псы, голодные и злые. Как и в прошлый раз, из хатенки вышел согбенный нуждой человек. Левский пристально вгляделся в его лицо, но оно ему ничего не сказало.

Опять суетилась хозяйка, стряпая незатейливую еду. Васил напомнил о том вечере, когда он с дядей сидел здесь у камелька.

— Когда это было?

— Лет двадцать назад.

— Давненько... Отец бы вспомнил, а я тогда мальчонкой был.

— А где отец?

— Родители давно умерли, — хмуро ответил крестьянин и тут же зло добавил: — Такой жизни даже терпеливый осел не выдержит.

— А человек, выходит, терпеливее осла оказался? — сказал Левский, испытующе поглядев на молодого хозяина.

— Отцы терпели...

— А дети?

— Дети не хотят от голода умирать, на чужом хлебе из милости жить.

— Это верно: чужой хлеб зубы крошит. Но человек должен есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть.

Не в сытой жизни счастье. Есть цели более достойные человека.

Крестьянина заинтересовали слова незнакомца. Широко раскрыв глаза, глядел он на него, как бы пытаясь разгадать, кто перед ним.

— Откуда ты? — спросил он гостя.

— Из Карлова.

— Из Карлова? Вот как... А не знаешь ли ты карловского дьякона?

— Это какого дьякона?

— Который людям о свободе говорит вот так, как ты. Есть ли такой дьякон, или люди его выдумали?

Разговор пошел откровеннее. Левский сказал крестьянину:

— При встрече с людьми, которым доверяешь, говори, что есть на свете дьякон из Карлова и что он не один. Он и много его друзей ходят по селам, чтобы будить народ. И ты можешь стать его другом, его помощником. Настанет время, и к вам в село придет дьякон или пришлет своих товарищей. Готовься сам и готовь других к тому часу.

В глубоком почтенье склонился перед гостем крестьянин:

— Все сделаю, как ты говоришь. Скажи дьякону: в Митиризове у него будет много друзей.

...Знать, глубокий след оставило посещение Левского маленького подбалканского селенья. Когда сбросят жители его турецкое рабство, они вспомнят карловского дьякона, который звал обездоленных на борьбу за свободу, и назовут свое село именем его: Васил Левский.

Далеко за околицу проводил крестьянин гостя, а прощаясь, сказал:

— Будь осторожен! Слышали мы, что турецкие власти ищут того дьякона под каждым камнем, под каждым кустом.

Знал это и Левский. И как ни осторожен он был, враги выследили его. В Калофере друзья рассказали о подозрительных действиях властей и посоветовали, не мешкая, идти дальше, в Казанлык. Учитель Иван Фетваджиев, давний товарищ Левского, такой же голубоглазый блондин, дал ему свой паспорт.

— Я у турок пока не на подозрении, иди под моим именем.

Тревожные слухи подтвердились. Не успел Левский расположиться в хане старой Ганы, что стоял у въезда в Казанлык, как нагрянули полицейские. Но бабушка Гана, предупрежденная, знала, какой постоялец прибыл к ней, и быстро приняла меры к спасению его.

— А ну-ка, живо лезь сюда, — указала она на ворох натканного ею полотна, а сама села за стан.

В комнату влетел полицейский:

— Кто у тебя есть посторонний? Говори!

— Не привел бог сегодня ни одного приезжего, господин начальник. Если так и дальше пойдет, придется закрывать хан. Да что я заболталась, старая? Такой гость, а я его баснями угощаю. Прошу отведать чашечку кофе, рюмку ракии.

Ракия у бабушки Ганы старая, забористая. Полицейский быстро разомлел. Отделавшись от него, хозяйка пошла высвободить пленника:

— Вылазь, дорогой, вылазь! Убрался этот узун ахмак, долговязый дурак.

Так, оберегаемый друзьями, шел Левский сквозь опасности.

В Пловдиве он нашел горстку молодежи. Этого было немного, но достаточно, чтобы заложить в городе фундамент революционной организации. На большее в этом центре греческого засилия и чорбаджийского зазнайства он не рассчитывал.

Как и в прошлый приезд, Левский навестил Найдена Герова. Отношение его к идее Левского за это время ничуть не переменилось. Сторонник комитета «старых», он отрицал революционный путь освобождения Болгарии, как русский консул, он всецело полагался на Россию.

30 мая 1869 года Н. Геров писал лидеру комитета «старых» Христо Георгиеву в Бухарест: «Шесть-семь дней назад уехал отсюда дьякон. Как здесь, так и всюду, где он побывал, он показывал одну прокламацию на

болгарском языке к болгарам с печатью Временного болгарского правительства, а другую на турецком языке для турок. Он их имел по одному экземпляру, а потому только показывал, но не оставлял. Я их видел. Турецкую не мог прочесть, а болгарская ничего не стоит, пустое дело, и я боюсь, что некоторые дадут обмануть себя и увлечь, а потом и других до беды доведут...»

Однако отрицательное отношение к делу Левского не мешало этому патриоту не раз выручать Левского из беды. Так было и в этот раз. Пловдивские власти напали на след Левского, выехать из города было рискованно. Найден Геров укрыл Левского в своем доме. Неожиданно с визитом прибыл мютесариф — управитель округа. Сам он проследовал в кабинет русского консула, а его охрана — на кухню. Здесь они застали человека, одетого в турецкий костюм и назвавшегося слугой консула. Люди из охраны мю-тесарифа завели с ним разговор. Кухарка тем временем варила кофе. Когда кофе было готово, слуга понес его в дом. Консул глазам не верил, когда в зале появился Левский с подносом в руках. Пока высокий гость пил кофе, слуга смиренно стоял у дверей, готовый принять пустую чашку.

Гости отбыли. Геров стал упрекать Левского в безрассудстве. Тот объяснил:

— Когда на кухню вошли стражники и стали говорить о главном бунтовщике Левском, мне ничего не оставалось делать, как поддержать их желание поймать такого опасного врага государства. А когда кофе было готово, я, чтобы избежать дальнейшей беседы с ними, почел за благо понести кофе. Кто может предположить, что слуга русского консула — это и есть сам Левский?

Отправляясь в дальнейшее путешествие, Левский решил заглянуть к другу своему Ивану Атанасову. Жил он в небольшой деревушке Царацеве, занимался изготовлением крестьянских телег, за что и прозван Арабаджия — Тележник.

Интересный это был человек. Еще во времена Раковского услышал он, что где-то в других странах живут люди свободно, что есть такие болгары, которые готовятся свергнуть турецкое иго. С тех пор Иван Арабаджия потерял покой. Забросил он свое ремесло и пошел бродить по белу свету. Дважды пешком сходил в Бухарест, прожил несколько месяцев в Одессе, побывал в Бессарабии, Галаце и Браиле.

— Там я увидел, зачем человек рождается на свет!

Он понял: человек должен жить счастливо, но не за счет других; счастье свое должен сам добыть себе и помочь другому добиться того же. В этом назначение человека на земле!

Возвратись на родину, Иван Арабаджия встретился с Василем Левским и сказал себе: «Вот человек, который хочет правды на земле и счастья для всех людей! Иди за ним, Иван!»

И он пошел за ним и не отступился от него, когда в конце пути поднялась виселица, обессмертившая Левского.

«Бай Иван Арабаджия! Начиная с 1862 года и до нашего освобождения не было во Фракии события, в котором он не принял бы участия! — говорил о нем летописец болгарских восстаний Захарий Стоянов.— Во всей Болгарии и Фракии не было крестьянина, работавшего для дела освобождения так деятельно и усердно, как он. Благодаря ему деревня Царацево сделалась столицей болгарских революционных апостолов — Бай Иван Арабаджия был им и отцом и советчиком, а его скромная хатенка служила им прибежищем. Пять лет подряд Левский приходил в Царацево по нескольку раз в год, в любой день и час, и жил у бая Ивана или у верного его соседа Божила по два-три дня, а не раз и по неделе».

Вот и сейчас Левский спешил к своему другу. Идти недалеко, часа полтора, не больше. Нашел он Ивана, как

всегда, за работой, среди вороха щепы и свежееобструганных досок. Увидя Левского, мастер вонзил топор в бревно, сбросил рукавицы и повел гостя в дом. А дом всего одна низенькая каморка, даже, без обычной деревенской мебели.

Было тогда Ивану Арабаджия лет под сорок. Голубые глаза его глядели умно и добро, над ними топорщились густые брови, на выпуклый лоб падали светлорусые пряди волос. Грамоте он учился у деревенского попа, да и то недолго. Потом втихомолку черпал знания из разных источников. Что бы ни случилось — не терял самообладания, не выходил из равновесия. С людьми держался скромно. Никогда не спросит: откуда пришел, куда и зачем идешь? Если сочтет нужным — гость сам поведает.

У Левского не было секретов от верного друга. Поделился он с ним своими думами, своими планами, рассказал, где бывал за последнее время, что видел, кого встречал.

Бай Иван, так звали его окружающие из уважения к нему, слушал сосредоточенно, говорил мало, смеялся редко, когда западало какое словечко в голову — задумывался; пытался сам разобраться, что к чему, а если не мог — не стыдился спрашивать. Сыщешь ли лучшего слушателя? Зашел еще Божил Георгиев — сосед и приятель Ивана и верный его товарищ по народному делу, хороший знакомый Левского. Тут и ночи не хватит для разговоров!

Из Царацева Левский и Иван Арабаджия сделали несколько выездов в села, расположенные вокруг Пловдива.

Все шло хорошо. Но не давало покоя, что родной город оставался без революционной организации. Не удалось в прошлый раз, надо пробовать вновь. В конце июня Левский едет в села Карловской околии и оттуда прощупывает обстановку в самом Карлове.

Наконец друзья известили, что дом Ганю Маджереца готов вновь его приютить.

Собрание молодых карловских революционеров состоялось за городом. Предложение Левского создать комитет было встречено с восторгом. Расходились, чтобы не вызвать подозрений, маленькими группами. С одной группой уходил и Левский. Он был в приподнятом настроении, шутил, смеялся, пел:

Хочу, мама, тебя видеть
И всех милых сердцу.
Но кому знамя мне оставить,
На кого покинуть?..

Друзья проводили Левского в Сопот. Но предатели узнали и сообщили властям.

Полиция торжествовала: теперь опасный гяур будет в ее руках. На всех выходах из города устроили засады — не выскочит.

Одному полицейскому даже повезло: прямо на него вышел не ожидавший беды Левский. Уже облапил полицейский жертву, хотел свалить ее, связать. Но последовал удар, рывок — и в руках ошеломленного стража осталось только пальто.

Гяур бежал и на сей раз.

Но и эта добыча оказалась ценной. В карманах пальто обнаружили три паспорта, один из них на имя Ивана Фетваджиева, печати и прокламации. О находке дали знать в столицу.

Все было поднято на ноги. Ивана Фетваджиева, передавшего паспорт Левскому, арестовали. Однако сам Левский будто сквозь землю провалился. Обыски у матери и в домах друзей ничего не дали. Подвал в келье монахини Христины укрыл его надежно.

Отсидевшись, Левский перебрался в село Дыбене, В которое не раз хаживал будучи учителем в Войнягово. Остановился у товарища по революционному делу, учителя Лило. До зари проговорили друзья, не видевшиеся несколько лет. А утром, когда Левский только что заснул, в село ворвались конные жандармы. По всем селам долины Стрямы рыскали они в поисках баш-комиты — главного бунтовщика.

«Погибли мы», — решил Лило и бросился будить Друга:

— Вставай! Мы преданы. В селе жандармы!

Левский вскочил, сгоряча крикнул:

— Бери ружье, силой пробьем себе путь! — но тут же изменил решение и уже спокойно сказал: — Иди, встретить турок, как гостей, угости их.

Недоумевающе поглядел перепуганный Лило на товарища, но перечить ему не стал. Во дворе под яблонями он спешно расстелил ковер и пригласил ворвавшихся полицейских закусить чем бог послал. Когда турки уселись и шумно принялись угощаться, из дома вышел и прошел через двор бедно одетый человек. Шел он медленно, опираясь на палку, придерживая левой рукой повязку на глазу. Лило догадался и облегченно вздохнул.

— Кто это? — спросили жандармы.

— Наш пастух, видно пошел к врачу в город.

Пир продолжался. В ракии не было недостатка.

Но вдруг один из полицейских встревожился.

— Эй ты, учитель! Может, то был не овчар, а баш-комита? Ты, смотри, говори правду.

Сомненье запало в умы полицейских, и, как ни заверял их Лило, начальник отряда приказал поймать овчара.

В оба конца села помчались конные. За селом, на дороге в Карлово, они нагнали турка. За спиной у него была кадушка, в какой обычно носят масло или сыр.

— Куда идешь?

— В Карлово на базар, сыр продавать...

— Овчар с повязанным глазом тут не проходил?

— Нет, не видел.

И полицейские поскакали дальше в поисках такого опасного и такого неуловимого бунтовщика.

Вслед за турками приехал в Карлово и учитель Лило. Ходил он от знакомого к знакомому, пытаясь узнать, что с другом его. На одной из людных улиц увидел отряд конных полицейских.

«Схватили!» — мелькнула мысль у Лило. Но в этот момент кто-то из толпы грубо толкнул его и крикнул: «Прочь с дороги, гяур, не видишь — человек идет». У Лило отлегло от сердца. Он смиренно посторонился в знак покорности перед турком. А тот зашагал дальше. Лило поглядел ему вслед. На спине у турка была кадушка с сыром. «До чего же хитер Васил», — сказал про себя Лило и отправился обратно в Дыбене.

Прошло еще несколько дней. В Пловдив из Карлова возвращался турецкий конный отряд после бесплодных поисков баш-комиты. В хвосте отряда следовал одинокий крестьянин. Его маленькая лошаденка, обвешанная всякой всячиной для базара, понуро плелась по пыльной дороге.

Когда позже друзья недоумевали, как Левский мог предпринять такое рискованное путешествие, он ответил:

— Наоборот, я выбрал самый безопасный путь. Если бы я ехал один, каждый турок пялил бы на меня глаза. А тут кому в голову придет, что Левский едет следом за жандармами?

Современники утверждали, что Левский не знал страха и не отступал перед явным риском для жизни. Несколько лет он ежечасно подвергался опасности, и опасность стала его родной стихией.

В Пловдиве Левский пошел в тюрьму навестить пострадавшего за него Ивана Фетваджиева. Сам Фетваджиев об этом рассказывал так:

— Почти каждый день меня навещали земляки — калоферцы. Как-то рано утром меня вызвали из камеры на свидание. Я вышел. И что же вижу? Левский и Иван Мархолев. Они передали мне булку, виноград и привет из Калофера. Левский держался уверенно, будто находился не в тюрьме в сопровождении надзирателя. Одет Левский был по-европейски, точно крупный торговец.

Наступила пора возвращаться в Румынию. Обратный путь избрал он через Сливен, чтобы перейти Стара Планину в восточной ее части. По пути зашел в Стара-Загору, где когда-то жил вместе с дядей-монахом и учился. Прибыл он теперь сюда как торговец бараньими кожами. Не сразу школьные товарищи узнали в нем тихого мальчугана — монашеского послушника. Да и он нашел их сильно изменившимися. «Некоторые школьные вольнодумцы, — повествует современник Левского и его первый биограф Ст. Займов, — бородки отпустили, усы отрастили, так что бывший послушник хаджи Василия едва их узнал. Одни стали торговцами, другие — сапожниками, третьи — учителями народными, четвертые — попами. Тайная встреча была очень сердечной...»

Но в одном эти люди не изменились: они остались верными юношеским мечтам — служить освобождению народа.

Уходя из Стара-Загоры, Левский знал, что там осталась сильная организация, боевой комитет.

Много еще на пути к Дунаю встретилось ему городов и селений. И всюду, где были хотя бы малейшие к тому возможности, пламенный проповедник сеял семя свободы, поднимал людей.

Он нес и сознание и свет для борьбы,
И в рабской стране прозревали рабы.
И кратки и просты слова его были
И в людях надежды, мечты пробудили.
О бунте он им говорил, о борьбе,
Как празднике, и о той светлой судьбе,
Которой пока еще срок не известен.

.....
И дивное семя, в сердца упавая,
Всходило, большой урожай обещая.

(И. Вазов)

Во второй половине XX столетия, когда болгарские ученые писали историю своей страны, пришедшей из тьмы угнетения к социализму, они так характеризовали деятельность Левского в пору создания им революционных комитетов в порабощенной Болгарии:

«...Левский центр тяжести революционного движения переносил на комитеты внутри страны. Этим самым революционное дело переводилось на новые рельсы. Оно становилось делом народных масс, массовой организации. Был совершен громадный шаг вперед в болгарской политической и революционной мысли»^[45].

ВСТРЕЧА С КАРАВЕЛОВЫМ

26 августа 1869 года Левский вернулся в Румынию. Вторая поездка дала ему все, на что он рассчитывал. Его критика четнической тактики, когда освобождение возлагалось на героев-одиночек и ставилось в зависимость от иностранной помощи, нашла в стране полное понимание. Его план подготовки народа к

восстанию через массовую революционную организацию обрел не только поддержку, но и людей, готовых осуществить его. Первые революционные комитеты созданы. За ними возникнут другие. В этом он уже не сомневался. Теперь надо убедить в правоте своих взглядов революционные круги эмиграции. И он взялся за это без промедления.

Задача оказалась сложнее, чем он предполагал. Идейный разброд в эмиграции был очень силен. Почти год употребил Левский на бесконечные споры с представителями различных идейных течений. Одни ратовали за болгарскую автономию в рамках Турецкой империи, другие видели спасение в объединении балканских славян, третьи держались старого курса подъема восстания с помощью вооруженных чет.

В одном из поздних писем Левский с горечью вспоминал состояние умов эмигрантов той поры, их неспособность воспринять новые идеи, которые выдвигал сам ход борьбы:

«Ведь я нарочно приезжал из Болгарии, чтобы изложить вам мнение народа, мнение простых и ученых людей Болгарии. По этому поводу вы целый год высказывали свои соображения. Помните ли вы все свои слова, которые у меня записаны и против которых я выступал? Если посмотреть на ваши дела в Румынии с самого начала и до нынешнего дня, то можно увидеть, что работа двигалась, как жаба через распаханное поле, такой-то ведет сербскую политику, поэтому с ним нельзя работать, другой — русскую, третий — турецкую. И вот склока в газетах, то один ругает другого, то другой — третьего. Наши болгары это называют обливанием помоями. Около года наблюдая эти комедии, я не раз говорил вам: «Нет среди наших в Румынии таких людей, какие нужны...»

Слышались в этом письме и укоры упрямам и сожаление по поводу зря потерянного времени.

Левский стремился объединить силы революционной эмиграции во имя единой цели: подготовки народа к восстанию.

Не сдавая своих принципиальных позиций, Левский пытался найти общий язык со всеми группами, втянуть их в осуществление первостепенной исторической задачи — создание революционной организации.

В болгарской эмиграции в Бухаресте незадолго до приезда Левского появился талантливый журналист и писатель Любен Каравелов — фигура яркая и самобытная.

С жизнью этого человека следует ознакомиться подробнее.

Родился он в Копривштице, богатом торгово-ремесленном селе-городке, не то в конце 1834 года, не то в 1835 году.

Когда стукнул Любену седьмой годок, мать отвела его к попу. Сунул поп в руки малышу тяжелую доску, заменявшую бумагу для письма, и посоветовал учиться прилежно, чтобы не подружиться с палкой, не быть битым. Целых семь лет с того дня читал Любен по слогам молитвы да церковные стихи. Семь потерянных лет. На восьмом году прибыл в Копривштицу из России первый болгарский учитель с высшим образованием — Найдено Герев, создал он школу по европейскому образцу.

Но занятия по-новому пришлись на ту пору, когда у Любена и его сверстников стали пробиваться усы, а отцы подумывали, что делать дальше со своими выросшими сынами. То было время, когда родители считали, что большая грамотность нужна только архиереям да сборщикам налогов. А потому, рассказывал Каравелов, когда дошел он до Нерона и Филиппинских островов, отец смерил его взглядом, порадовался сыновней зрелости и объявил, что пошлет учиться портняжному мастерству.

Через три недели после этого разговора Каравелов очутился в большом турецком городе Эдирнэ. Шесть месяцев шил он суконные туфли да переделывал старые. Но не удалось ему портняжное искусство. «Хозяин вынужден был пожалеть свой хлеб и выставить меня за дверь», — вспоминал о той поре Каравелов.

Решил отец приобщить сына к своему делу — торговле скотом. Вместе они ездили по селам, скупая скот. Много повидал тогда Каравелов новых мест, много повстречал разных людей и народов. Позже, когда вдали от родины взялся он за перо, так пригодилось ему все виденное и слышанное.

Летом 1854 года Каравелов вновь покинул родную Копривштицу, Отец, познакомив сына с практическими навыками торговли, захотел дать ему такое образование, которое необходимо для солидного коммерсанта. Для этого он отправил его в Пловдив.

По воле отца Любен поступил в греческий «гимназион» — аристократическое училище в Пловдиве. Там учили, что только грек настоящий человек, а все остальные народы — варвары.

Пловдив оказал на молодого Каравелова сильное влияние. Здесь еще острее предстали перед его пытливым взором социальные контрасты. На одном берегу Марицы, делившей город на две части, находился квартал богатых болгар и греков — Джамбазтепе с высокими и красивыми домами. Вдоль другого берега простирался квартал бедноты — Кыршияк. «В течение двух лет наблюдал Каравелов, — писал его биограф Б. Пенев, — жизнь этих сословий, взаимоотношения между ними и научился всей душой ненавидеть богатеев и с беспредельной симпатией относиться к угнетенным и обездоленным».

В Пловдиве, как говорил сам Каравелов, он изучил то, чего не изучишь в школе: он узнал свой народ, его

страдания и собственными глазами, увидел вредных паразитов, имя которым чорбаджии, богачи.

Жизнь в Пловдиве и ученье в греческом «гимназионе» тяготили Каравелова. В 1857 году он уехал в Россию учиться.

Десять лет прожил Каравелов в Москве. Учась в Московском университете, он быстро вошел в гущу русской общественной жизни. То были годы, когда жил и работал вождь и идейный вдохновитель революционного демократического движения в России Чернышевский, когда умы молодежи волновали страстные статьи Добролюбова, когда с далекого берега доносился набатный звон герценовского «Колокола».

То были годы, когда на страницах «Современника» передовые люди России находили ответы на жгучие вопросы, когда звучала мужественная гражданская поэзия Некрасова и Тараса Шевченко, когда русская литература обретала могучую силу, выходила на передовые позиции общественной борьбы.

Молодому болгарину, прибывшему из поработенной чужеземцами страны, так близки призывы революционных демократов к освобождению русского крестьянства от помещичьего рабства. Он увлекается идеями Герцена и Чернышевского. На втором году жизни в Москве Каравелова подвергают секретному полицейскому надзору за чтение герценовских статей.

В 1858 году в Москве создается Славянский благотворительный комитет. Вокруг него группируются проживающие в Москве болгары. Этот комитет, являвшийся в ту пору единственным центром славянских связей, единственной организацией, принимавшей участие в жизни славян, привлёк к себе и Каравелова, все более проникавшегося идеей освобождения Болгарии. В кругах славянофилов воспринял он идею единства славянства, здесь в нем пробудился интерес к изучению славянского и

болгарского народного творчества. В Москве начинается его литературная деятельность.

Сложными и противоречивыми путями шло формирование мировоззрения Каравелова в период его пребывания в Москве. На его духовном росте отложили отпечаток два течения русской общественной жизни той эпохи: революционно-демократическое и либерально-славянофильское.

Каравелова увлекали идеи Герцена, Чернышевского, Добролюбова, но он так целиком и не воспринял последовательной революционной идеологии великих русских революционеров-демократов.

Чернышевский и Добролюбов видели единственный выход из «темного царства» крепостничества и произвола, каким им представлялась тогда Россия, только в революции.

Каравелов осуждал «темное царство» рабства и насилия в Турецкой империи, но до мысли о революции тогда не доходил.

Расхваливаемую русскими либералами западную демократию Добролюбов называл лицемерной, призванной защищать права богатых.

Каравелов ставил в пример демократию Соединенных Штатов Америки и Швейцарии, идеализировал их общественный строй.

Сказалось и влияние социальной среды, в которой вращался Каравелов до приезда в Россию. В зажиточной, чорбаджийской части болгарского общества, из которой вышел Каравелов, господствовало убеждение, что свобода придет в Болгарию с помощью внешних сил и что самим болгарам надо лишь готовиться к восприятию этого блага через нравственное совершенствование и просвещение.

Такое настроение и такая социальная среда прямо вели к русским либералам и славянофилам.

Под влиянием этих кругов у Каравелова развились идеи просветительства и общеславянского пути к свободе. Не в революции, а в славянском единстве, в славянской федерации увидел он опасение для южных славян и своего народа.

Ход событий укрепил в Каравелове эти взгляды.

Австрия и Турция — две тюрьмы славянских народов, два злейших врага славянской независимости. Обе они поддерживали друг друга при любых попытках покоренных ими народов освободиться от национального гнета.

В 1866 году Австрия — верная союзница Турции по угнетению славян — потерпела поражение в войне с Пруссией. Это оживило в славянских народах надежды на избавление от турецкого рабства, заставило их усилить поиски взаимосвязей.

В результате этих настроений и при содействии русской дипломатии в 1866—1867 годах образовался Балканский союз. Вошли в него Сербия, Черногория, Греция, примыкала к нему Румыния. Готовилось объединение сербов и болгар в едином государстве.

Главная роль в Балканском союзе отводилась Сербии. По замыслу русских славянофилов Сербское княжество должно было стать центром объединения и координации борьбы славянских народов. В Белграде, столице Сербии, завязывался узел балканской политики России и чаяний южных славян. Сюда в начале 1867 года и прибыл Каравелов как корреспондент русской газеты «Голос».

Призыв к славянской федерации становится теперь главной темой каравеловских выступлений в русской печати. Идея славянской федерации была очень популярной на Балканах в шестидесятых-семидесятых годах XIX столетия. Ее принимали деятели самых различных общественно-политических направлений, но реальное содержание в эту идею вкладывалось ими

неодинаковое. Великосербские националисты представляли себе объединение в форме прямого присоединения славянских народов к Сербскому государству. Болгарские революционеры в объединении славян видели возможность вести самостоятельную борьбу за освобождение от турецкого ига, не прибегая к помощи великих держав, которые во всех случаях преследовали бы прежде всего свои цели.

У Каравелова эта идея получила иную окраску. На первых порах он ратовал за объединение под покровительством России.

«Чтобы упрочить и обеспечить свое существование, — писал он в газете «Голос», — все мы, раздробленные славяне юга, должны слиться в одно целое и то под покровительством России».

Он видел путь к общеславянскому объединению через Сербию. «Свободная Сербия должна сделаться общим отечеством и сербу, и болгарину, и хорвату, и черногорцу, а может быть, и чеху, из этого центра стараться учредить будущую Югославию».

Он считал возможным объединение болгар и сербов в монархическом государстве во главе с сербской династией Обреновичей. В прокламации к болгарскому народу, опубликованной в той же газете «Голос», Каравелов заявлял:

«Что касается Сербии и князя Михаила, то о них скажем следующее: мы, болгары, имеем только одно государство, только одного человека, с которым можем вести дружеские дела,—это государство Сербия, этот человек — князь Михаил Обренович. Без Сербии Болгария точно так же не может существовать, как Сербия без Болгарии. Соберемся, братья, и подадим руку князю Михаилу; пусть он с помощью наших и сербских сил будет ангелом хранителем нашего славяно-болгарского народа, земли, нашей веры и свободы, каким он сегодня является для славян-сербов».

В данном случае взгляды Каравелова полностью совпадают со взглядами деятелей Добродетельной дружины, которые также ратовали за болгаро-сербское объединение под скипетром сербского князя.

Все это говорит о том, что Каравелов как в России, так и в Сербии был далек от революционного понимания путей освобождения своего народа.

Почти два года прожил Каравелов в Сербии. Тот факт, что он прибыл из России, великой братской страны, как славянский публицист и писатель, раскрыл ему доступ в прогрессивные круги сербской столицы. Знающий сербский язык еще с юношества, знакомый с сербской и хорватской литературой, Каравелов легко и быстро вошел в общественную жизнь. Он скоро занял видное место общественного и литературного деятеля.

Страстные статьи, обнажающие противоречия в сербской действительности, зовущие к борьбе с рутиной, к братскому единению славян, литературные произведения, несущие в себе прогрессивные идеалы русской литературы, снискали Каравелову любовь и признательность. Он стал одним из идейных руководителей «Омладины» — организации радикально настроенной передовой сербской молодежи.

Недолго прожил Каравелов в Белграде. Сербские власти, недовольные критикой, которую Каравелов допускал в своих корреспонденциях в русских и сербских газетах, предложили ему покинуть столицу. Каравелов перебрался в Нови Сад — город сербской провинции Воеводина, находящийся под властью Австрии. Нови Сад был тогда крупным центром сербской политической и культурной жизни. Здесь деятельность Каравелова находит еще более благоприятную почву.

Новисадский период его жизни ознаменовался замечательными литературными творениями. Здесь он опубликовал в журнале «Матица» повесть «Виновата ли судьба?», написанную под сильным влиянием романов

«Кто виноват?» Герцена и «Что делать?» Чернышевского. Позже эту повесть сербские литературоведы причислили к одному из первых реалистических произведений в сербской литературе.

В июне 1868 года произошло убийство сербского князя Михаила. Сербское правительство обвинило нескольких сербов из Нови Сада и Каравелова в соучастии в этом деле и потребовало от Австрии их ареста. Это совпадало с интересами австрийских властей. Они охотно арестовали неприятных им деятелей из среды сербской интеллигенции Воеводины, а в Каравелове они к тому же заподозрили «русского шпиона» и «панславистского агента», действующего под прикрытием корреспондентского билета русской газеты «Голос».

Каравелов был заключен в будапештскую тюрьму. Через шесть месяцев, в январе 1869 года, Каравелова освободили. Но ни в Сербии, ни в Австрии он уже не остался.

Партия «старых», или Добродетельная дружина,— политическое объединение крупных болгарских чорбаджийских кругов, инициатор болгаро-сербского государственного объединения — задумала в противовес газете «Народност», органу революционного объединения «молодых», издавать свою газету «Отечество». На пост редактора решили пригласить Каравелова. Зная его как глашатая сербско-болгарского сближения, деятели Добродетельной дружины полагали найти в Каравелове своего сторонника. Каравелов принял приглашение и в начале мая 1869 года прибыл в Бухарест. Но сотрудничество со «старыми» не состоялось. Вслед за выходом первого номера «Отечества» Каравелов опубликовал письмо в газете «Народност», сообщавшее о его разрыве с партией «старых».

Итак, разрыв с партией «старых» состоялся. Но со своих старых позиций Каравелов не сошел. В его статьях того времени по-прежнему звучали все те же мотивы: путь к свободе болгар лежит через объединение с сербами и через нравственное совершенствование.

В Бухаресте Каравелов впервые вплотную соприкоснулся с болгарским революционным освободительным движением, которое в ту пору делало решительный поворот к новым организационным формам и новой тактике. В конце августа сюда прибыл и человек, на которого история возложила совершение этого поворота, — Васил Левский.

К чести Каравелова следует сказать, что он сумел понять историческую необходимость дела Левского и пойти на сближение с ним. Правда, путь этот был извилист и не так короток. В одном из писем Левский указывал, что Каравелов был одним из тех, которых ему долго пришлось убеждать в справедливости своих взглядов.

Правда и то, что они так и не пришли к полному единодушию. Уж слишком далеко стояли они друг от друга в понимании путей болгарского освобождения. Каравелов приблизился к идеологии Левского, но не воспринял ее целиком.

Однако и такое сближение давало и самому делу и им обоим очень много: Левский приобретал себе союзника в лице влиятельного публициста и большого писателя, Каравелов приобщался к организации Левского, которая стала для него школой революционного мышления и действия, какой она была и для целого поколения борцов того времени.

Пройдя эту школу, Каравелов поднялся до руководителя революционной партии и председателя Центрального революционного комитета. «Однако, — как отмечает академик Михаил Димитров, — классовое наследство, с которым он (Каравелов) перешел на

сторону народа, его либеральные взгляды и навыки, приобретенные в среде русских славянофилов и либералов, как и его сравнительно позднее приобщение к революционному движению, не позволили ему развиваться в последовательного революционера».

После гибели Левского Каравелов сошел с революционных позиций национально-освободительного движения и отдался целиком просветительству.

Каравелов не раз метался с одного пути на другой, но никогда не отходил от цели: освобождения родины. Этому он служил всю жизнь честно и самозабвенно, чем навсегда завоевал любовь и признательность своего народа.

Две задачи решал Левский по возвращении в Румынию из второй поездки по Болгарии. Проверив в народе правильность новой тактики подготовки восстания, он теперь пытался убедить в этом революционно настроенных эмигрантов, еще не изживших иллюзий четничества. Как это было ни трудно, Левский добивался своего. Идеи его овладевали умами.

Новое дело, основы которого были только что заложены Левским в Болгарии, требовало единого центра. Создание его являлось второй задачей плана Левского. И эта мысль Левского нашла поддержку.

В апреле 1870 года в Бухаресте был создан Болгарский революционный центральный комитет. В него вошли Васил Левский, Любен Каравелов, Димитр Ценович и некоторые другие эмигранты.

Но БРЦК еще не был боевым штабом единой воли, мысли и действия. Сам состав комитета определил в нем два направления: революционно-демократическое, представленное Левским, и либерально-просветительное, возглавляемое Каравеловым.

Летом 1870 года в русском заграничном революционном журнале, а 14 октября в газете

«Свобода» появилась программа Болгарского революционного комитета. Она открывала народу цели и средства борьбы и характер новой революционной организации.

«Мы боремся с двумя врагами: один из этих врагов — политический, турецкое правительство, а другой — духовный, греческое духовенство.

Турецкое правительство со своими башибузуками и греческое духовенство со своими попами и монахами убивают в болгарском народе любое прогрессивное движение, любое человеческое проявление, которое помогает народу добиться лучшей, свободной жизни.

Каждому известно, что греческие монахи, попы и архиереи с помощью Али-паши, турецкого великого визиря, до недавнего времени закрывали болгарские и боснийские школы, а их учителей отправляли в ссылку в Диарбекир. Но болгарский народ восстал против этих духовных угнетателей и изгнал их из своей страны без шума и кровопролития.

Один из врагов наших устранен, настал черед и другого.

Наша священная обязанность теперь состоит в том, чтобы очистить свою землю от правительственной чиновничьей нечисти и обеспечить свою народную политическую и общественную свободу.

Болгарский народ — народ демократический: он не разделен на секты, в его среде нет привилегированных аристократов — этого совершенно ненужного общественного элемента, — и поэтому мы хотим видеть в своем отечестве выборное правительство, которое будет выполнять волю самого народа.

Мы хотим жить в дружбе со всеми нашими соседями, особенно с сербами и румынами, которые отчасти сочувствуют нашим стремлениям, и хотим составить вместе с ними Южнославянскую или Дунайскую федерацию свободных земель.

Мы хотим, чтобы земля, которая населена болгарами, управлялась по-болгарски, то есть в соответствии с нравами, обычаями и характером болгарского народа, а те земли, которые населены румынами, сербами и греками, управлялись в соответствии с характером румынского, сербского и греческого народов. Пусть каждый народ и каждая народность получает свободу и управляется по своей собственной воле. Но в то же время мы хотим составить между собой и между родственными нам народами и соседями одно целое, каким является Швейцарский союз.

Мы не хотим чужого, но не хотим отдавать никому своего.

У нас нет правовых ограничений исторического, канонического, коронационного и религиозного характера, и поэтому представляем самому народу решить свою судьбу и заявить, к какому из отделов союза он желает присоединиться: к сербскому ли, к болгарскому ли, или греческому, следовательно, у нас не может быть и вопросов о границах.

Мы хотим для себя свободы народной, свободы личной и свободы религиозной — одним словом, свободы человеческой, и поэтому хотим точно такой же свободы и нашим друзьям и соседям. Мы не хотим властвовать над другими, поэтому не позволим, чтобы и над нами властвовали другие.

Мы употребим против турецкого правительства такие же мирные средства, какие были употреблены против греческого духовенства, и лишь в самом крайнем случае мы применим против них оружие, огонь и нож.

Мы не хотим сотрудничать ни с одним деспотическим правительством, если даже это правительство будет составлено из наших единокровных братьев; нашим союзником должен быть

только поработанный и измученный тяжелым трудом и нищетой народ, каким являемся и мы сами.

Мы причисляем наших чорбаджиев к числу наших врагов и будем преследовать их повсюду и всегда.

1870, Август 1».

Документ этот, как видно из его содержания, еще далек от чисто революционного понимания задач освободительного движения. На нем лежит отпечаток двух различных политических направлений в Бухарестском комитете. Программа БРЦК — результат компромиссного соглашения между Левским и группой Каравелова. В ней очень чувствуются взгляды либерала Каравелова. Программа провозглашает мирные средства борьбы с турецким правительством, точно такие, «какие были употреблены против греческого духовенства», и только в самом крайнем случае допускает применение «оружия, огня и ножа».

Нет в программе твердого мнения относительно будущей формы правления, сказано лишь, что «мы хотим видеть в своем отечестве выборное правительство». И это чисто каравеловское суждение. В одном из первых номеров своей газеты «Свобода» он писал: «Кажется мне, не смешно ли ссориться и делить то, чего еще нет в наших руках, определять границы и думать о будущем нашем правительстве, когда мы еще рабы? Первейшей нашей заботой должно быть наше общее освобождение, а когда это освобождение произойдет, тогда народ сам решит свою судьбу».

Влияние Каравелова особенно сказалось в том, что значительное место в программе отведено вопросам об отношениях болгарского народа с его соседями: сербами, румынами и греками.

Несколько позже, осенью 1870 года, была издана отдельной брошюрой более подробная программа БРЦК под названием «Болгарский голос». Начиналась она стихами:

Теки, теки, кровь сиротская!
Падай, падай, роса кровавая!
Расти, зрей, жажда мщения!

Написана эта программа, как и первая, Любеном Каравеловым, но в ней более ясно отражены взгляды Левского. Так, наряду с помощью, которая ожидается от совместных действий балканских народов, программа провозглашает и такое положение: «Болгарское движение должно стать внутренним, а не внешним, как это было до сих пор, когда напрасно лилась болгарская кровь».

В духе Левского изложена критическая оценка четнической тактики и обоснована идея самостоятельного действия, организованного изнутри. «Спрашивается, почему четы Филиппа Тотю, Панайота и, наконец, Хаджи Димитра не смогли сделать то, что должны были сделать? Потому, что они пошли против турок, но не соединились с болгарами и не имели в руках другой силы, кроме силы своих убеждений и патриотизма. Хаджидимитровцы с самого начала и до трагического конца их великого дела были обречены на жертвы. Их дело, как и каждое честное и народное дело, которое порождается святой любовью к народу и свободе, принесло несомненный плод, потому что бросило семена на вспаханную ниву, которая родит народное освобождение. Но сами они должны погибнуть. Но если бы хаджидимитровское движение началось изнутри, то оно имело бы совсем другие последствия».

В новом варианте программы прямо говорится, что «только от болгар зависит окончательное падение Высокой Порты (Турецкой империи)». Но чтобы народ достиг победы, ему нужна сильная революционная организация. Лишь отсутствием такой организации

объясняются прежние неудачи. «Болгарский народ никогда не переставал бунтовать. Бунтовал- он много раз — болгарские народные песни свидетели этому. Вопрос здесь не в том, что болгарский народ не способен к революции, а в его неспособности создать организацию, которая могла бы принести его восстанию победу, и не случайную, а продолжительную и окончательную».

Программа заканчивается горячим призывом к борьбе. Мирные средства, провозглашаемые в первой программе, полностью забыты.

«Пусть молодые, умные и честные головы восстанут, чтобы обновить болгарскую жизнь, которая дремала и страдала столько столетий... Братья болгары! Верьте в свои силы и надейтесь на свои мышцы! От нас зависит спасенье Болгарии. Или сейчас, или никогда! Сейте, где можете, семя нашей свободы! Час народного освобождения близок! Печали и страдания, притеснения и зверства, в каких живет сегодня народ, дошли до крайних пределов. Он восстанет и погребет, как Самсон, всех своих врагов. Вперед, милые братья! Вперед за наше светлое и правое дело, истребим зло и очистим нашу землю огнем и мечом от страшного турецкого варварства и фанариотского разврата. Вперед!»

Создав Болгарский революционный центральный комитет, Левский 28 мая уехал обратно в Болгарию. Он повез с собой не только весть о рождении новой революционной организации, но и программу ее для обсуждения в местных комитетах.

О БУНТЕ ОН ВЕЛ СОКРОВЕННЫЕ РЕЧИ

Поезд из Бухареста прибыл на станцию Джурджа, или, как называют ее болгары, Гюргево.

Вот и Дунай. Ох же, и широко разлился он. Давно скатились в Черное море «черешневые воды»^[46], а половодье еще в полном разгаре.

Оглушительно шлепая плечами огромных колес, волоча по небу черный дымный шлейф, к пристани подошел пароход австрийской компании. После неизбежных таможенных процедур и проверки паспортов началась посадка. Не спеша, как и полагается солидному человеку, Левский, элегантно одетый, поднялся на пароход.

Переезд из Румынии в Болгарию, в город Русе, отнял каких-нибудь полчаса. К Русе у Левского был особый интерес. Расположен город на правом берегу Дуная, против румынской Джурджи, от которой по железной дороге до Бухареста шестьдесят километров. Русе связан железной дорогой с черноморским портом Варной. Сделать Русе вторым, после Никополя, каналом связи с Румынией и комитетами восточной и юго-восточной части Болгарии — вот что тянуло Левского в этот большой придунайский город.

Эта мысль родилась у Левского давно. Еще весной 1869 года, готовясь ко второй поездке в Болгарию, он убеждал своего друга Христо Иванова перебраться из Румынии в Русе, обосноваться там и создать новый узел связи. Хр. Иванов переехал в Русе, но выполнить возложенную на него задачу не сумел. Теперь Левский хотел сам заняться этим. В Русе, как и в каждом болгарском городе, было не мало патриотов, но деятельность их в городе с преобладающим турецким населением, с сильной болгарской чорбаджийской прослойкой, в городе, кишевшем чиновниками и полицейскими, была, видимо, очень ограничена. Левскому не удалось достичь задуманного. Да он, видимо, и не прилагал к этому больших усилий, так как создание в Русе второго канала связи, как это ни было

важно, все же не являлось главной целью третьей поездки.

Организовав первые революционные комитеты, Левский уже видел всю страну, покрытую ими. Но он видел и другое. Отдельные комитеты, как бы ни было велико их число, это еще не та сила, которая необходима для успеха всего плана. Нужен единый центр, который бы находился в самой Болгарии и мог быстро, оперативно руководить комитетами. Тогда бы вся новая организация получила законченное оформление: местные комитеты, объединяющий их Центральный комитет в Болгарии и Болгарский революционный центральный комитет — БРЦК как заграничный центр всех революционных сил болгарского народа, — где бы они ни находились.

Поэтому Левский, не задерживаясь долго в Русе, направился в Ловеч. Этот город он еще в прошлую поездку облюбовал для создания там объединяющего центра. Само географическое положение предопределяло его место во внутренней революционной организации. Стоит он почти в центре северной Болгарии. Идут через него пути от Дуная в южную Болгарию, в западные и восточные районы страны. От него недалеко до Никополя, главного узла связи с Румынией. Против Никополя — румынский город Турну-Мэгуреле, где живет заграничный представитель Леве кого Данаил Попов. А главное — в Ловече Левский нашел замечательных людей, готовых и способных на большие дела.

В доме попа Лукана Лилова в этот раз встретили Левского как старого знакомого. Пока Лукан занимал гостя рассказами о ловечских новостях, жена его Мария сготовила обед вкусный и обильный. Пришли дочери Величка и Яна; побросав дела, поспешили в дом сыновья Марин, Тошко, Илья и Христо.

Левский не таился, разговоры вел открытые. Еще в прошлый приезд в эту семью сблизился он с ней. Честные, любящие свою поработенную родину люди открыли перед ним свои души. И Левский не ошибся в этих людях: все они до конца дней своих, пройдя через тяжкие испытания, остались верными святому делу.

К концу обеда старший сын Марин исчез. Появился под вечер и тут же увел Василя в дом Ивана Драсова. Здесь собрались члены Ловечского комитета. Левский рассказал о создании Болгарского революционного центрального комитета в Бухаресте, познакомил с положением дел в болгарской эмиграции, высказал свое решение образовать в Ловече центр для революционных комитетов в Болгарии. Предложение Левского одобрили, договорились, как вести работу.

— Ночевать пойдешь в дом сестры моей Велички, там все готово, — сказал Марин Левскому, когда закончилось собрание.

Ночью улицы Ловеча не освещались. Лишь кое-где на перекрестках тускло горели керосиновые фонари. Запоздалые путники пробирались с фонарями в руках, и тогда казалось, что по улицам медленно снуют большие светлячки.

Дом Велички стоял неподалеку от дома отца ее, в узенькой улочке. Марин, провожавший друга, постучал тяжелым железным кольцом, висевшим на двери калитки. Из дома вышел муж Велички Гечо Хашнов, впустил во двор гостей и вновь наглухо замкнул калитку.

В большой комнате ждал ужин: хлеб, сыр, кислое молоко. Разговаривали недолго. Прибрав со стола, хозяйка объявила: пора спать.

— Спать ты будешь здесь, а в случае чего... Пойдем, сестра покажет. Мы с ней все обдумали.

Величка повела в комнату, где она обычно работала.

— Видишь? — спросила она Левского.

— Вижу! Ткацкий стан, как и у всех болгарок.

Величка засмеялась:

— А ты посмотри, что под станом.

— Под станом, как и полагается, пол.

— А под полом — комната. Эх ты, недогадливый!..

Довольная произведенным впечатлением, Величка объяснила:

— Там вот, внизу, маленькая комнатуха. Когда понадобится, ты спустишься туда, а я сяду за стан и буду как ни в чем не бывало ткать.

— И все? — перебил ее Левский.

— А ты не спеши. Тут не одна голова думала. Видишь колокольчик? От него идет веревка до калитки. Каждый, кто возьмется за щеколду, чтобы во двор дверь открыть, незаметно для себя сигнал в дом подаст. А я мигом за стан усядусь. Отсюда весь двор как на ладони. Если будет большая опасность, я тебе сигнал подам. Видишь, от стана веревка в пол продета, будто ею стан привязан, а ты смотри — я ногой вот так веревку дерну, а у тебя сигнал раздастся: уходи, мол, Васил! Из твоей комнаты есть выход на задний двор, через него по соседним дворам уйдешь куда захочешь.

Удивила и порадовала Левского находчивость друзей. Тут же порешили, что дом Велички Хашновой отныне станет комитетским убежищем.

Из Ловеча Левский поехал в Тырново, посмотреть, что делается ныне в древней столице царства Болгарского.

Сюда, после неудачи в Русе, перебрался Христо Иванов, с той же целью — организовать местные революционные силы.

Пробыл Левский в Тырнове дня четыре. За это время, как отмечает в своих записках Хр. Иванов, они обсудили болгарские дела, собирали молодежь. Левский тогда поделился своими мыслями о необходимости создать устав революционной организации, говорил, что для

успеха дела крайне нужен единый порядок, жесткий закон, который бы определял права и обязанности как комитетов, так и отдельных деятелей.

Так, кирпич за кирпичом, кладет Левский фундамент новой революционной организации в Болгарии.

Позже он сам займется разработкой проекта устава, а сейчас на очереди другие важные дела. Создание комитетов только началось, надо спешить, надо самому ходить по городам и селам, искать нужных людей, будить народ на борьбу.

Одно из собраний тырновской молодежи решили провести под видом загородной прогулки в Преображенский монастырь. Дорога туда идет по Тырновскому ущелью. Много поработала Янтра, пока прорезала себе это глубокое ложе. От русла реки поднимаются пологие лесистые склоны, а над ними вздымаются отвесные скалы, причудливо изрезанные водой и ветрами, завитые вечнозеленым плющом.

На западном склоне, под высокой скалистой стеной, в липовой роще укрылся Преображенский монастырь. Издали приметны лишь его красные черепичные кровли. Почти напротив, на восточном склоне — другой монастырь, святой Троицы. Основатели их, видимо, понимали толк в красоте.

Нечаянная радость ждала здесь Левского. Не успел он оглядеться, как попал в объятия товарища еще по службе в легионе Раковского в 1862 году, Матея Преображенского.

Восемь лет, что минули с той поры, мало сказались на этом жизнелюбце. Перед Левским стоял все тот же высокий, крепкий, голубоглазый человек с темно-каштановой бородкой. На лице его, широком и открытом, так и горели умные, с хитрецей глаза.

— Вот и встретились, Васил. Расскажи, где был, что делал?

— Ну, а ты, ты-то как, Матей?..

И уже готовы были друзья окунуться в прошлое, да вспомнил Левский, зачем он сюда пришел.

Два дня прожили молодые тырновцы в монастыре. Уединясь где-нибудь среди скал, а то в прохладе тенистых рощиц, слушали они, как боролись за свободу родины их отцы и деды, какие заветы оставили они сынам и внукам своим. А потом, в тиши монастырских келий, приютивших их, каждый мысленно пытался отыскать свое место в великом деле.

Интересных людей рождала эпоха, насыщенная высокими идеалами служения родине и народу. Безвестных людей она поднимала на подвиги, отдавала их на усыновление истории. Так поступила она и с маленьким Моно из рода Сеизменовых, рода, никакими громкими деяниями не отмеченного, нигде дальше своего села неизвестного. Жили основатели этого крестьянского рода вместе с другими своими соотечественниками в селе у большой дороги от Дуная к турецкой столице. Их трудами село разбогатело и стало приманкой для любителей чужого добра, каких много было в тогдашней Турецкой империи. Пришлось бросить насиженное гнездо и уйти подальше, в горы, где легче защитить честь и достояние свое. Место для жилья выбрали дикое, лесное и назвали его Ново село. Здесь и родился Моно, но никто точной даты этого события не отметил, может быть, в 1825, а может, и в 1827 году.

В чумной год родители умерли, и пошел Моно по чужим людям. Горьким показался хлеб, приправленный попреками. Кто-то надоумил податься в монастырь, где для каждого есть приют. Первые надежды не были обмануты. В Преображенском монастыре бездомный Моно получил кров и хлеб. Там в его душе зародилась страсть к познанию мира, страсть, которой суждено было сопровождать его во всей жизни.

Эта страсть увела молодого послушника из маленького Преображенского монастыря в известный

центр духовной болгарской культуры — Рилский монастырь. Укрытый в дебрях Рилы, он как маяк светил во мгле рабства и не давал гаснуть в сердцах рабов огню национального самосознания.

Монашеская ряса и богатство — вот два средства, которые в те времена открывали болгарам доступ к просвещению. Моно не из чего было выбирать. Он стал монахом под именем Матей. Так крестьянский сын из рода Сеизменовых стал отцом Матеем Преображенским [\[47\]](#).

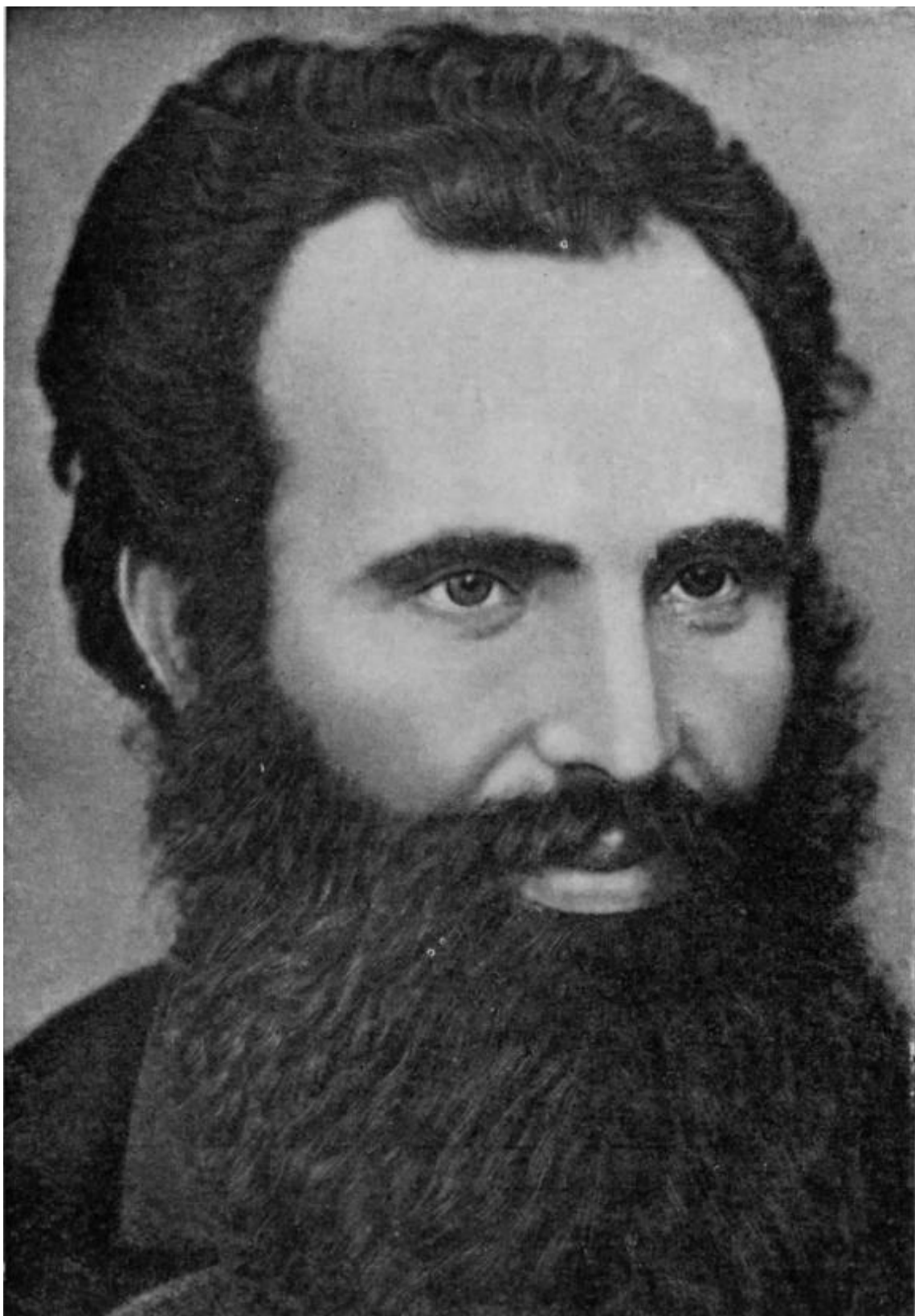
Монашеская ряса — это в то же время и своеобразный путевой лист на беспрепятственное хождение по опасным дорогам Турецкой империи. Для любознательного Матея это было как нельзя кстати. Вскоре после принятия монашества отправился он пешком на Афон — гористый греческий полуостров, средоточие множества православных монастырей.

Двенадцать лет прожил Матей на Афоне. Монастырские библиотеки богаты, много в них разной пищи для жадного к знаниям ума, но Матея с некоторой поры больше влекли книги по механике.

Сидя на берегу Эгейского моря, он часто любовался, как с необузданной силой накатывались на скалы волны. «Какая мощь, сколько напрасно растроченной энергии! — думалось ему. — А нельзя ли построить мельницу, которая бы вечно работала, движимая неиссякаемой силой волн?» С тех пор Матей и увлекся механикой. Он читал книги, листал старые чертежи, делал модели. Он не знал, что еще задолго до него пытались люди создать «вечный двигатель» — перпетуум мобиле.

Растратив все свои сбережения и отчаявшись чего-либо добиться, Матей вскинул на плечо котомку и зашагал по белу свету. Побывал в Палестине, сходил в Россию, откуда через Румынию добрал до Сербии. Здесь Матей впервые познал новые проповеди: в Белграде он слышал Раковского. Его пламенные речи смутили покой

души смиренного странника, и, когда Раковский стал формировать первый болгарский легион борцов за освобождение родины, Матей сменил посох на ружье. Со всей страстью новообращенного дрался он под Белградской крепостью с врагами христианства на Балканах, — так тогда он понимал борьбу с турецким господством.

Любен Каравелов.

Ангел Кынчев.

С незаживающей раной в ноге и новой целью жизни вернулся Матей на родину.

— Ну, а дальше? Что же ты делал после роспуска легиона? — расспрашивал Левский.

Разошлась уже по домам тырновская молодежь, а Левский все еще живет в монастыре. Не наговорятся два приятеля. А поговорить есть о чем: о прошлом и настоящем, о близком и далеком будущем. Не терпится Василилу, пристаёт к Матею:

— Восемь лет ведь не видались. Говори, не томи, где был, что делал?

Любо и Матею в памяти покопаться, погреться у огонька воспоминаний.

Два года по возвращении из Сербии скитался он, таясь людей, по лесам Стара Планины. Когда такая жизнь стала невмоготу, прикрылся, как свидетельством о благонадежности, монашеской рясой и обосновался в Батошевском монастыре.

Неизвестно, как это случилось, но обуяла его прежняя страсть: решил строить самовертящуюся мельницу, только не на силе волн, а на силе падающего песка. Соорудил в Тырновском ущелье здание. Но опять ничего не вышло. Подняли Матея монахи на смех.

Ушел Матей от людей. Поселился в пещере, неподалеку от монастыря святой Троицы. Да разве это жилище для мятущейся души!

Потянуло Матея опять в мир, к людям. Взвалил на коня два мешка, полных книг, и поехал, решив, что если нельзя сейчас служить народу мечом, то надо служить словом. Ездил от села к селу, от города к городу. Прибыв в село, располагался у церкви или школы и раскладывал книги. Подходили крестьяне, и Матей затевал с ними беседы. Одному продаст книжку, а другому, который и рад бы купить, да не на что, Матей перескажет ее

содержание. Давал книги и на прочтение, кому на день, кому на два, а кому и до следующего прихода.

Стал книгоноша желанным гостем. Крестьяне наперебой старались позвать его к себе, особенно учителя. Матей был рассказчиком неутомимым, остроумным, человеком склада общительного, жизнерадостного.

Уважали Матея не только за интересные рассказы. Был он еще и живой энциклопедией. Он все знал и все мог. Был сведущ и в садоводстве, и в шелководстве, и в земледелии, и в механике, и в медицине. Показывал людям, как лучше использовать землю, как выкармливать шелковичных червей, выращивать овощи. Спустя многие десятилетия после смерти Матея в тырновских селах все еще разводили особый сорт перца — мясистого, крупного, сладкого — под названием «Отче Матей». Он мог лечить разные болезни, сам приготавливал лекарства, но денег за лечение никогда не брал.

Матей убеждал крестьян посылать детей в школы, помогал сельским общинам подыскивать учителей, следил за порядком в училищах, за чистотой в классных комнатах и одеждой школьников.

По его совету в деревнях создавались читальни, крестьяне строили для них дома, а о книгах заботился сам Матей — чаще всего он их дарил.

В последние годы пристрастился к театру. Хотя сам он, как духовное лицо, играть на сцене не мог, но без него не обходился ни один спектакль в селах Тырновской округи. Он создавал при читальнях театральные труппы, доставал для них пьесы, делал костюмы, декорации.

— Вот так, Васил, я и ходил по селам. Исколесил чуть ли не всю северную Болгарию. Мне даже прозвище в народе дали: Миткалото — скиталец. Чем мог — помогал людям. Сначала носил книжицы нравоучительные и забавные, календари да буквари, а потом сочинения

учителя нашего Раковского народу понес. Это, как понимаешь, труднее было делать. Такой товар возил не в мешке, а в седле коня. Да и давать такие книжки надо было с оглядкой, — рассказывал Матей Василю. — Был такой случай: продавал как-то раз я книги в Трояне. Подошел кмет, староста здешний, спрашивает:

«Какие книги продаешь, отче?» — «Букварь для детей, рассказы про Иванчо и Марийку», — отвечаю ему. «А нет ли книги с рассказом о царстве нашем?»

Ну, — думаю, — хитер кмет — турецкое ухо, подловить хочет, да не на того напал. «О нашем царстве турецком, — говорю ему, — сейчас, к сожалению, книги нет. Но если господин кмет так желает, в следующий раз принесу». — «Да не о турецком я спрашиваю, а о болгарском», — с досадой бросил кмет и, махнув рукой, пошел прочь.

Тут во мне вдруг доверие к нему пробудилось. Окликнул я его и дал «Лесного странника» Раковского. До чего же человек возрадовался! Пригласил меня к себе, всякими угощениями потчевал, всю ночь проговорили, приглашал заходить, если в Трояне побывать доведется. Видно, и старосты есть разные.

В одном селе напоролся на попа да отбрил его на потеху всем. Сижу, значит, в одном доме, рассказываю о своих скитаниях, при случае нужное слово забрасываю, а старый поп слушал, слушал да так ехидно спросил: «Что же, в нашем селе не нашлось ни одной собаки, что ты с такими речами к нам без онаски зашел?» А я ему в ответ: «Есть в вашем селе один злой пес, но он уже стар и без зубов, вот я и шел без опаски». Поп, конечно, намек понял и замолк.

Васил хохочет. Доволен и Матей, что доставил другу удовольствие.

— А раз было: сижу у церкви со своим товаром. Гляжу, народ подобрался подходящий, ну и стал я расхваливать книгу Раковского об Асене Первом. А тут

какой-то чистюля, по обличию чорбаджийский сынок, возьми да и скажи: «Пустое это, ветер». Это он о книге Раковского! Чуть не испортил мне рекламу.

— Ну, да ты его, конечно, осадил.

— А как же! «Э, милый, — ответил я ему, — ты говоришь, ветер это, пустое. А знаешь ли ты, что ветер приносит дождь, дождь орошает землю, а земля нам родит все, чем мы живем! Тот, кто хлеб своим трудом добывает, хорошо это знает», — намекнул я на его нетрудовое нутро. Посрамленный чорбаджийский отпрыск удалился под хохот крестьян.

Пять дней прожил Левский в монастыре. Посвятил Матей в свои планы, и тот, загоровшись ими, дал слово везде и всюду сопутствовать Левскому.

Последний день прошел в сборах. Матей раздобыл старую монашескую рясу, и они вдвоем подогнали ее под фигуру Левского. Когда было готово и это, набили мешки книгами и поутру отправились в путь.

По выходе из Горна-Оряховицы монахов остановил турецкий патруль:

— Куда идешь, поп, по какому делу?

— Рухани кяхады сатарым (духовные книги продаю), — ответил Матей. — А это мой ученик, — показал он на Левского.

Левскому тогда было тридцать три года, выглядел он очень молодо, а бородатый и косматый Матей, двенадцатью годами старше Левского, вполне мог сойти за старого монаха-учителя.

Но не везде у монахов сходило гладко. Добрались они до Елены, красивого городка, вытянувшегося вдоль одноименной горной речки. Городок богатый, чорбаджийский. Еленское сукно славилось по всей Турции, а за шелком и шелковичной греной приезжали даже итальянские и французские купцы. Матей и здесь было занялся торговлей. Но еленские кулаки быстро разобрались, с кем имеют дело. Позвали они к себе

монахов, купили у них по книжке «Житие святых» да и сказали:

— Знаете ли вы, отцы святые, что в Русе турки открыли дом для сумасшедших?

— Так что же из этого?

— Отправляйтесь-ка вы лучше туда и там проповедуйте то, что собирались проповедовать здесь.

Пришлось из Елены уносить ноги. Подались в Дряново. Попытались здесь заняться с молодежью, но опять безуспешно. Это было «одно из тех тырновских сел, — говорил местный летописец, — которое осталось почти до самого конца рабства в стороне от освободительной борьбы XIX века. Причиной этому были чорбаджии, которые очень хорошо держались с турками и всячески притесняли народ».

Зашагали друзья из Дряново в Габрово. Матей по дороге ворчал: «Ох, уж эти чорбаджийские сынки, у самих усы повыврастали, а без разрешения старших ничего не сделают».

Дорога, углубившись в горы, пошла бок о бок с шумной Янтрой. Весело бежит она, скача с камня на камень. Берега зеленые, лесистые. Идти легко, хоть и летний день, но жара мало заметна. Из густых лесов на северных склонах Стара Планины веет прохладой.

Город Габрово дает знать о себе издалека. Шумят водяные приводы ткацких станков, кузнечных молотов. Славен город своими рукодельцами. Легенда повествует, что город основал молодой горец Рачо Ковач, Рачо Кузнец. В далекие времена, может быть четыре сотни лет тому назад, остановился он на берегу Янтры и поставил кузницу под тенью граба. Около первого поселенца оседали все новые люди: ткачи и кожевники, оружейники и сапожники, гончары и ювелиры. Грабовые леса, стоявшие вокруг, дали селению свое имя — Габрово^[48].

Монахи остановились на постоялом дворе братьев Крыстиняковых. Здесь их уже поджидал посланец из Ловеча. Принес он Левскому полученные из Румынии револьверы, полсотни номеров эмигрантской газеты «Дунайская заря», брошюры Раковского да сверток — подарок от тырновских друзей, который Левский распаковывать не стал. Набил Матей газетами мешки, и поплелись странники дальше.

Дорога от Габрово некоторое время вилась по ущелью Янтры, а затем через густой лес стала взбираться на Стара Планину. В лесу темно, сыро, прохладно. Меж камней с хрустальным звоном бегут ручейки ключевой воды.

Подъем на перевал долгий, трудный. Да и ноша дает себя знать. Чем выше, тем чаще присаживаются отдохнуть. Лес поредел, а вот уже и совсем посветлело. Деревья расступились, и перед путниками во всей своей суровой красе предстала голая каменистая вершина святого Николы — высшая точка перевала.

Широк отсюда кругозор. С запада на восток тянется волнистая гряда гор. Вот, почти рукой подать, высится Бузлуджа, место гибели Хаджи Димитра и его отважной четы. Сняв шапки, Васил и Матей долго глядят на безмолвную, облитую солнцем вершину. На юге в легкой дымке стелется Казанлыкская долина. Знакомые места. Где-то недалеко, хотя и не виден, родной Карлово. С горных высот до самой долины змейкой ползет дорога. Вдоль нее — заросли шиповника, по-болгарски — шипка. Внизу, у дороги, село Шипка — гайдуцкое гнездо. Здесь и решили заночевать.

Путру Матей пошел по своим книжным делам, а когда вернулся — нашел в доме элегантно одетого человека.

— Откуда это? Что за наваждение?

— Из того самого свертка, что нам в Габрове вручили. А теперь слушай план действия. Через час

выходим в Казанлык. Ты идешь собирать пожертвования на монастырь, а я покупать розовое масло. Нашей организации очень нужны деньги. Их надо искать у богатых людей. Этим мы и займемся. Но помни: в этом походе мы друг друга не знаем.

В Казанлыке, как и в прошлый раз, Левский остановился на постоялом дворе бабушки Ганы, а Матей зашел приют в монастырском подворье.

Первый визит прибывший в Казанлык купец нанес крупным торговцам розовым маслом братьям Димитру и Ботю Папазовым. Повели они купца на розоварню, показывали, как делается розовое масло, расхваливали свой товар. Но купца интересовало совсем другое: ему важно было узнать настроение торгашей, смогут ли они дать деньги на народное дело. Младший, Ботю, сочувственно встретил миссию Левского и дал ему двадцать пять золотых монет.

Во время обеда в дом Папазова зашел Матей и предложил хозяевам и гостю купить книжки. Гость отобрал «Житие святых», книгу Раковского «Об Асене Первом — великом царе болгарском» и попросил монаха рассказать, как Асен и брат его Петр освободили Болгарию от византийского ига^[49].

Матей со свойственным ему красноречием рассказал о делах Асена и Петра и намекнул на то, что и братьям Димитру и Ботю Папазовым также суждено внести свою лепту во второе освобождение болгар. Честолюбие Димитра было приятно задето, и он вместо двадцати грошей уплатил за книжку целый золотой.

Ободренный удачей, Матей сунулся было в другой чорбаджийский дом. Но там сорвалось. Поглядел богач на оборванного монаха, послушал его речи о том, что со святой горы (Афона) сошел новый Крали Марко^[50] и ходит по селам пробуждает народ, да и сказал:

— Монах ли ты, дьявол ли, я не знаю, книжки я у тебя возьму, и беги ты с глаз моих, не то позову

турецкого начальника, тогда увидишь не одного Крали Марко, а сразу двух.

Дальнейший путь Левского и Матей лежал через Войнягово, Карлово и Сопот — места знакомые и опасные. С помощью друзей прошли незамеченными. За Сопотом идти стало легче. Матей по-прежнему собирал подаяния, а Левский делал вид, что ищет работу учителя и церковного певчего. В селе Клисуре, что стоит на перекрестке дорог, задержались. Очень важно иметь здесь комитет. И им удалось его создать. Удовлетворенные, зашагали в села Среднегорья.

Дела требовали возвращения в Ловеч. Решили идти туда через Софию. Перед въездом в город сделали привал в селе. На постоялом дворе привязался с расспросами чрезмерно любопытный кулак:

— Куда идете, зачем идете?

Чтобы отвязаться, Левский ответил:

— В Софийскую околию идем, шопов^[51] покупать. Сто шопов за двух попов.

Сидевшие в корчме так и прыснули со смеху. Добродушная шутка понравилась и самим шопам, которых в корчме, судя по их белым одеждам, было преобладающее число. Шутку подхватили. Кто-то весело спросил:

— А уксус заготовили? Без уксуса шоп не проживет.

Это намек на известную нетребовательность шопов к пище: говорили, что шоп с Георгиева дня — 23 апреля — до Петрова дня — 29 июня — съел 120 оки^[52] хлеба и 10 оки уксуса, и только в Петров день купил на двадцать грошей сыра. Эти рослые трудолюбивые люди отличались в жизни большой скромностью.

Побалагурив, монахи зашагали по старому Царьградскому шоссе. Впереди на фоне зеленой горы Витоша вырастал большой город. Минареты, минареты и минареты. Типичный мусульманский город. Болгарские

церкви не видны. На родной земле болгары не имели права строить свои храмы выше турецких мечетей. Царьградское шоссе замыкал конак — дворец правителя — мрачное здание, окруженное высокими стенами, утыканными по верху осколками стекла, чтобы из тюрьмы, устроенной в подземелье конака, не сбежали заключенные болгары.

С отвращением прошли монахи, как проходит каждый болгарин, мимо этого учреждения своих угнетателей. «Кажется, конаки эти наводят уныние даже на своих обитателей, которые очень часто меняются, вступая за их порог только для того, чтобы полюбоваться на слезы бедняков и насладиться зрелищем человеческих страданий... Кажется, что каждый, уходя из этого учреждения, непременно оставит в нем что-нибудь свое: слезы, улыбку, плач, радость или жизнь», — писал Л. Каравелов.

На Соляном базаре монахи отыскивали постоянный двор — хан Хаджи Боне. Как было условлено, постучали в дверцу черного хода с глухого тупика. Пришельцев впустили. А спустя недолгое время любопытный наблюдатель мог бы заметить, как через ту же дверцу стали заходить поодиночке все новые и новые люди. А впрочем, это не очень бросалось в глаза, так как был вторник, базарный день, когда много сновало всюду разного люда. Когда разошлись — знает только темная ночь.

Утром в тупичок мальчонка привел коня и исчез. Из хана вышел крестьянин в шопской меховой шапке, в одежде, измазанной углем. Не спеша открыл сарай, погрузил на коня мешки с углем и зашагал по софийским улицам, покрикивая:

— Уголь! Уголь! Кому нужен уголь?

С некоторыми покупателями угольщик беседовал дольше обычного, а иногда даже входил в дом. Там, размотав свой длинный кушак, обвивавший его от бедер

до самых под мышек, вытаскивал какие-то бумаги, вручал их хозяину и удалялся. И снова на улицах слышалось:

— А вот уголь! Кому уголь!

Из Софии Левский, нигде не задерживаясь, спешил в Ловеч.

Начиналась прекрасная осень. Хороша здесь весна. Но осень... «Нет лучшего времени, чем болгарская осень. Это уже не молоденькая, свежая как роза, девушка, какой кажется весна поэтической душе болгарина, а зрелая женщина, у которой много хорошеньких и миловидных деток, радующих мать нежной любовью. Спелый виноград налился сочными гроздьями, и лоза прикрывает их зелеными листьями, словно курица своих цыплят, яблоня, увешанная румяными, как девичье личико, яблоками, груши, персики, абрикосы, айва и сливы, желтые как янтарь, выглядывают из-под листьев, а там неподалеку ветвистый орешник с большими пахучими листьями, миндаль и кизил. А утренняя прохлада, а запах роз, а тысячи разных цветов и травок! А птицы! Но всей благодати не перескажешь» (Любен Каравелов).

На дорогах пахло яблоками. С виноградников неслись песни. В деревнях крестьянки пекли хлебы из свежей ароматной муки первого помола.

— Жить бы да радоваться, глядя на эту благодать,— умиленно говорил Матей. — Прекрасны наши места, плодородна наша земля, хорош наш народ, всем наградил нас господь, кабы только не турки.

К приезду Левского в Ловеч друзья подготовили создание центра, объединяющего революционные комитеты Болгарии. Таким центром стал Ловечский комитет. Левский назвал его Временным болгарским правительством и заказал для него через БРЦК в Бухаресте печать с изображением льва и словами: «Смерть или республика».

Все дела по созданию внутренней революционной организации этим заканчивались. Левский мог теперь целиком отдаться дальнейшему расширению и укреплению сети революционных комитетов.

Удовлетворенный совершенным, Левский в сопровождении двух товарищей по белградскому легиону— Василя Ионкова и Саввы Младенова, а также Марина Луканова отправился в Тетевен.

По пути зашли в село Гложене, где родился Васил Ионков, здесь и заночевали. Всю ночь уставшим путникам пела песню река Вит и легко посвистывал чурко. Интересен этот чурко. Начинает он дуть с вечера, усиливается к полуночи, затем ослабевает и к полудню совсем стихает, чтобы с вечера начать все сначала. Зарождается этот воздушный поток где-то в горах за Тетевеном и, пробежав километров двадцать, замирает.

Встали рано, чтобы по прохладе подняться в Гложенский монастырь, что прилепился, словно ласточкино гнездо, к скалистой вершине над селом. Избрали дорожку, хоть и более длинную, но менее крутую. Въезжает она то среди кустарников, то среди мелкоколесья, а потом входит в тенистый буковый лес.

Настоятелем монастыря в ту пору был друг Левского, уроженец Сопота игумен Хаджи Ефтимий. Встретились друзья радостно и, вдоволь наговорившись, пошли осматривать монастырь.

По преданию, русский князь Георгий Глож во время нашествия татар покинул со своей дружиной родину и переселился в Болгарию. Основал он здесь поначалу села Гложене и Киевский Извор, а потом взялся за постройку и самого монастыря. Было это в XIII столетии.

Игумен показывал Левскому документы о давних связях с южнорусскими монастырями, записи в старой рукописи о посещении Гложенского монастыря специальным посланцем Киево-Печерской лавры.

С тех пор шесть веков стоит на утесе грозный, недоступный врагам Гложенский монастырь — опора национального духа болгар. Существовавшая здесь монастырская школа сеяла семена просвещения по всей округе. Здесь не раз укрывались жители ближайших селений от кровавого нашествия кирджалийских орд. Стал он прибежищем и для Левского и его товарищей, сюда уходили они в случае опасности, отсюда несли они в окрестные села свет новой правды, новой надежды на избавление.

От монастыря несколько часов хода до Тетевена — городка, приводящего в восторг всех в нем побывавших. Представьте себе горную долину. Высокие горы, стоящие над ней, густо покрыты великолепными буками. За лесами — роскошные луга. Бежит, неумолчно журча, речка Белый Вит. На берегах ее сады, в садах дома. На лугах и лесных полянах стада. Звонят бубенцы на шеях вожakov овечьих отар. В перезвон бубенцов вплетается пение птиц, да слышится игра ключевой воды с пестрыми камешками.

Но не только красой привлек к себе первых болгар этот край. Они шли сюда, чтобы в непроходимых лесах, в горных долинах скрыться от захвативших их землю турок. Непокорные, они создавали здесь свои поселения, где можно жить согласно своим обычаям, своей вере. Дух свободы витал в этих местах, будто сами горы защищали их от проникновения тлетворного влияния чужеземцев.

Савва Младенов, сопровождавший Левского, родом из Тетевена. Все ему здесь знакомо, и сам он известен всем. По его кличу собрались тетевенские патриоты. Много было горячих речей, заверений отдать борьбе все силы свои. Левский слушал и думал: «Можно поднять народ, надо только работать, работать и работать».

Говорили до зари. А когда солнце позолотило горы, он, неутомимый, поехал в другие села, где люди также

ждут бодрого слова.

Он — юноша утром, а к ночи — старик;
Сегодня купцом, завтра нищим являлся,
В слепца и калеку он преображался;
Сегодня в село, завтра в город войдет
Он с вестью, что близится переворот,
О бунте ведя сокровенные речи,
О том, что пора подъяремные плечи
Рабам подниматься.

(И. Вазов)

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРАТЕГ РЕВОЛЮЦИИ

Стояла зима 1870 года. Позамело дороги, непроходимы тропы в горах. Походы временно пришлось прекратить. Да и пора вплотную заняться организацией конспиративного хозяйства Ловечского центра.

Болгарская часть города находилась на правом берегу Осыма, отделенная рекой от турецких кварталов. Через нее пролегали дороги с севера на юг и с запада на восток. Здесь жили верные друзья Левского. Лучшего места для тайного центра трудно сыскать.

С помощью друзей Левский приспособлял Ловеч к несению большой службы. Въезжающих в город с юга ждало убежище в доме рабочего-дубильщика Иванчо Радиля. Путника с востока готов приютить дом Велички

Хашновой. Армянин Агоп Бояджи Драганов предоставил свое просторное жилье для военного обучения членов революционной организации. В доме Ивана Драсова заседал комитет, оттуда берегом реки можно добраться до Христо Цонева — его дом с чердаком и подвалом укроет каждого, кто в этом нуждается.

Марин Луканов по совету Левского арендовал у турка постоянный двор и превратил его в тайное убежище для комитетских деятелей, прибывающих в Ловеч.

Для себя Левский облюбовал малоприметный дом на южной окраине. Прибыл он туда по рекомендации друга своего Христо Иванова. Накануне приезда Левского хозяин дома Никола Сирков сказал жене:

— Завтра к нам пожалует торговец сахарными изделиями. Прими его любезно.

Мария скоро поняла, что за торговец их гость. Муж ее, Никола, подтвердил догадки и рассказал о настоящей деятельности Левского:

— Вот кто этот человек. Надо оберегать его, Мария. Если даже будут пытаться, и тогда ничего не говори. Детей у нас нет, если мы погибнем — наши имена останутся.

Легко жилось Левскому у этих простых и ясных людей. В их доме царил то согласие, которое так облегчает жизнь. Мария — высокая, статная, лет тридцати женщина с красивыми темными глазами — была гостеприимна, словоохотлива, жизнерадостна. Под стать ей был и муж, Никола, — любое дело так и спорилось в руках его под смех и песню.

Голова Левского тогда была оценена турецкими властями в тысячу золотых. Многие желали заработать эту премию. Укрывать в этих условиях Левского значило рисковать жизнью. Но Мария, удрученная тем, что не может сделать большего, спрашивала:

— Мы с Николой малообразованные люди. Чем мы можем еще помочь тебе?

Они совершали подвиг как повседневное дело: скромно и честно и с одним желанием — выполнить его как можно лучше.

Глядя на них, Левский не раз говорил:

— Милые люди! Если бы все болгары были такими, Болгария давно была бы свободной.

Частым гостем в доме Сирковых бывал Васил Ионков. Познакомился он с Левским еще в легионе Раковского. В 1867 году судьба их вновь свела в Белграде. С тех пор пути их слились. Неотступно, как тень, сопровождал Ионков друга своему, стал его поверенным в сношениях с комитетами, его верным связным. Не было у Левского другого такого надежного, подвижного и быстрого курьера. Он всюду проникал и всюду проходил незамеченным, все мог достать и все пронести. Его считали душой курьерской службы всей организации, а лучшей помощницей в этом была мать его, бабушка Ионковица.

Есть куда Левскому зайти, с кем поговорить, посоветоваться. Любил он заходить в корчму Добри Койнова. Маленький Добри, прозванный так за свой рост, всюду поспевал, все видел, все знал. Он просто не мог жить вне общения с большим кругом людей. Потому, видно, и избрал профессию корчмаря. В его корчме всегда былолюдно. Она влекла к себе и радушием хозяина и особенно теми домашними колбасами — суджуци, которые так мастерски готовил Добри и подавал гостям с отменным вином из собственного подвала.

Посидеть здесь да послушать бывалых людей — разве мог отказать себе Левский в таком удовольствии в долгие зимние вечера? Тут можно незаметно и о делах поговорить и с нужными людьми встретиться. А если заглянет в корчму какой турецкий шпик или начальник,

то хозяин так ублажит его вином и суджуцами да забавными историями, что тот забудет, зачем сюда шел.

Турки верили Койнову и даже поручили ему собирать по болгарским селам продовольствие для своих войск. Раз вернувшись из поездки, маленький Добри рассказывал Василилу:

— Задержали меня на дороге турецкие стражники. А у меня, как ты знаешь, в мешке твои письма да каравеловская газета, а в кошельке за поясом комитетские деньги. Как быть? Доберутся до писем — беда. И тут осенило меня: достал я кошелек и говорю: «Видите деньги, еду покупать продовольствие для ваших солдат. Кто меня задержит, тому несдобровать». И такого я напустил страха, что отпустили они меня.

К концу года все работы по организации Ловечского центра были закончены. Сеть курьеров связала его с основными комитетами в Болгарии и с границей.

В новогоднем письме Левский уже мог сказать, что «после многих попыток в прошлом, наконец, найдено настоящее средство освободить болгарский народ». Средство это — внутренняя революционная организация, состоящая из местных комитетов и объединяющего их центра в Ловече.

Новый, 1871 год Левский начал большой работой. Его письма того периода показывают всю широту его организационного таланта, размах его мысли, всеобъемлющую заботу о процветании выпестованной им революционной организации.

Блестящий мастер конспирации, Левский в первом же: письме своему заграничному представителю Д. Попову сообщает, что «с сего дня будем вести переписку под знаком «Д» и «Р» и тут же расшифровывает, что это значит:

«Когда пошлю вам посланца, напишу эти две заглавные буквы (Д и Р); он вас спросит, что это значит,

и вы ответите: «Добро и рыци», то есть «Да здравствует республика». Тогда посланец скажет: «Да здравствует».

В этом же письме он излагает свои взгляды на первоочередные задачи организации. Задачи эти: добывать деньги, приобретать оружие, готовить кадры военных руководителей.

«Когда мы будем готовы закупить указанные ружья, потребуются и люди, которые хоть сколько-нибудь были бы знакомы с военной тактикой. Необученных воевод и юнаков для борьбы вне городов, как, например, в горах, на дорогах, в селах и пр., мы найдем, но для городов нам нужны более обученные, которые бы хоть сколько-нибудь знали военную тактику и дисциплину, знали, какие улицы нужно закрыть и какие открыть, какие дома подготовить к сопротивлению на случай всяких неожиданностей, какую форму придать окопам, которыми будет окружен город в соответствии с его местоположением; если имеются реки, болотистые места, они должны знать, какие позиции нужно занять в этих условиях».

Для Левского революция — это жестокие бои с опытным врагом, которые надо вести по всем правилам военного искусства, и он указывает, где брать людей, где и как их готовить, какими качествами они должны обладать. Он предлагает привлечь молодежь, которая училась во второй болгарской легии в Белграде, сообщает местным комитетам условия поступления болгарской молодежи в Одесское военное училище, требует перевода на болгарский язык русского военного устава и сербских «Солдатских правил».

Но Левский одновременно предупреждает, что одних знаний мало, что надо еще быть готовым служить революции.

Надо прежде всего, говорил он, спросить тех, кто знаком с военным делом или хочет его изучить, «готовы ли они умереть за Болгарию?».

В ту пору у Левского уже созрел и план восстания.

«Самое подходящее для нас время, — пишет он воеводе Филиппу Тотю, — начать зимой. Восстание не ограничится Балканами, как это было при засылке чет, теперь восстание будет всенародным и повсеместным, боевые действия развернутся не только в горах, но и на большаках, по селам, в лесах. Зима затруднит передвижение турецких частей, особенно артиллерии и кавалерии, что ослабит султанское войско и сделает восставших господами положения.

Зима ограничит маневренность неприятельской регулярной армии, в то время как восставшие всегда будут в состоянии сконцентрироваться в любом выгодном для себя месте. Восставшие предадут огню села и продовольствие на пути продвижения турецких войск» и тогда в мороз где они найдут хлеба, соломы, ночлега для себя и коней? К тому же повстанцы будут непрестанно тревожить их неожиданными нападениями. В отличие от турок восставшие не будут испытывать недостатка ни в продовольствии, ни в тепле, ни в надежном укреплении — ведь они ведут войну на родной земле. Но, — предусмотрительно предупреждает Левский, — все эти преимущества надо уметь правильно использовать. Они послужат восставшим лишь в том случае, если восставшие будут готовы хотя бы днем раньше, чем их враги, если они совершат нападение прежде, чем неприятель развернет свои силы».

Чтобы осуществить эти планы, нужны не только революционная организация и опытные, преданные делу люди. «Необходимо также еще нечто, без чего нельзя больше обходиться — это деньги, деньги и деньги!»

Добровольные сборы среди членов организации не могли дать достаточно средств. Деньги были у богачей, но те не хотели их дать, «Где же взять деньги?» — чуть ли не с отчаянием обращался Левский к своим единомышленникам. Некоторые советовали заняться

экспроприацией, насильственным изъятием денег у чорбаджиев. Левский понимал, что это чревато опасностями для революционного дела. «Предположим, я стал бы сейчас собирать деньги путем организации Налетов? Хорошо, но если среди нас окажутся убитые, что делать без этих людей? Ведь при этом могут погибнуть даже самые лучшие, без которых никак нельзя обойтись. А если, упаси боже, кто-нибудь окажется раненым и будет пойман, да к тому же выдаст все, что тогда делать?»

Выдвигая такие доводы против изъятия денег путем террора, Левский осаживал сторонников быстрых действий, чрезвычайных мер.

— Не спешите, — говорил он таким советчикам-эмигрантам. — Мы здесь должны были бы больше спешить, потому что не имеем даже постоянного убежища, — сеновалы служат нам гостиницами, но иногда и они для нас недоступны.

Он пытается получить деньги у чорбаджиев, взывая к их совести, к патриотическому долгу.

«Как вообще все болгары жаждут освобождения от нестерпимого варварского ига, так и вы, надеемся, сочувствуете этому от всего сердца, — говорится в одном из писем. — Для достижения этой цели необходимы деньги, деньги и еще раз деньги. Вас, как одного из патриотов и здравомыслящих болгар, имеющих известное состояние, мы просим пожертвовать на народное дело».

Первый призыв — вполне мирного содержания. Но он не принес желаемых результатов. Чорбаджии не захотели добровольно раскошелиться. А деньги так нужны! Левский ищет их всюду. Он пишет Христо Ботеву: «Болгарская земля давно перестала быть раем для султана. Народ слушает меня, готов в любой час поднять революцию, но где оружие? Деньги и опять деньги! Кто найдет деньги и вооружит болгарский

народ, тот будет самым большим патриотом. Вот почему ты не спи, а ищи золото на валашской и русской земле любым способом».

Левский пишет личные письма известным ему богачам. Он привлекает их внимание к жалкому состоянию соотечественников:

«Кто мы такие, болгары? Тяжело и гнусно придавленные проклятыми турками, мы каждый день терпим муки и мерзости, противные человечеству и свободе совести... На кого падают сиротские кровавые слезы, льющиеся каждый день перед богом, чтобы избавил он их от грязных рук, которые каждый день вырывают хлеб из уст и заставляют умирать с голоду? Детей их отуречивают, бесчестят молодых жен и дочерей. Эти невинные — не наши ли братья и сестры?.. Не мы ли, особенно вы, чорбаджии, являемся причиной того, что царит еще это беззаконие?.. Не льются ли их кровавые слезы на наши головы? Если мы, их братья и отцы, не восстанем для спасения своих матерей, жен, сестер и детей, кто другой им поможет?»

Левский рисует будущее освобожденной родины: «Не так будет в нашей Болгарии, как теперь в Турции... Все народы в ней будут жить под одними и теми же чистыми и святыми законами — и турки, и евреи, и пр., кто бы они ни были, для всех будет одинаково, если только признают они законы наравне с болгарами. Так будет в нашей Болгарии. Мы преследуем не турецкий народ и не его веру, а султана и его законы — одним словом, турецкое правительство, которое варварски владеет не только нами, но и самими турками».

Левский призывает помочь народному делу, внести указанную в письме сумму. Но теперь он уже не ограничивается просьбой, увещанием.

«Пишем вам об этом в последний раз. Ждали мы, что вас тронут горячие слезы нашего несчастного народа, который находится в самом бедственном положении, но

этого не произошло. Вы пьете его кровь и предаете его мерзкому мучителю. Поймите, мы решились уже... Или вы присоединитесь к нам, или мы уничтожим вас. Выбирайте, что вам дороже: тридцать лир или золотая свобода, в которой ваше имя было бы отмечено на вечные времена? Постарайтесь хорошо обдумать это, господа. И не задерживайте нас, так как нам надоело уже смотреть на хладнокровное отношение богачей к страданиям нашего народа...»

Но ничем не пронять толстосумов. Письма с угрозами на чорбаджиев не действуют. Левский пишет Данаилу Попову: «Безденежье мучает. Оставляю все другие дела и займусь деньгами. Трудно? Но что делать? Пан или пропал».

Наконец Левский делает следующий шаг, которого он так долго остерегался. В июне 1871 года он написал членам комитета в городе Сливене:

«Постарайтесь через тайных ваших юнаков достать деньги от тех отвратительных болгар, то есть чорбаджиев-кровопийц и противонародных элементов, которые не хотят участвовать в народном деле. А тех, которые предают нас туркам, следует своевременно уничтожать.

Юнакам нужно выделять десятую часть взятых ими денег для распределения между собой, а остальные должны вноситься в кассу».

Это уже прямой призыв к террору, к насильственному изъятию денег. Продиктован он отчаянием и удушающим безденежьем. Чтобы двигалось дело, надо добыть деньги любым путем. Иного выхода нет. «Пан или пропал!»

Он не хочет больше просить, не хочет унижаться. Веря в неминуемую победу народа, он презрительно бросает богачам:

«Чорбаджиям, которые обещают дать кто 1 000, кто 2 000, кто 3 000 золотых, но только тогда, когда увидят,

что началось восстание, скажи, — пишет он Данаилу Попову, — что тогда их миллионы пусть останутся при них.

...Придет день, когда те, кто сегодня с огромной опасностью добывает деньги на ведение нашей работы, не захотят и слышать о тех чорбаджиях, которым тысяча грошей дороже жизни болгарских освободителей».

Деньги необходимы для дела. Сам Левский, располагая всеми средствами организации, живет как аскет. В записной книжке он отмечал все личные расходы, очевидно имея в виду отчитаться в использовании каждой народной копейки. Он записывал расход на приобретение обуви и покупку иглы. Встречаются записи расходов по два-три гроша под названием «изпроводяк». По болгарскому обычаю гость, покидая дом, делает детям хозяев прощальный подарок — изпроводяк — в виде мелких монет.

Раз Левский решил выпить бузу (прохладительный напиток). По привычке он и это занес в книжку, но там, где полагалось указать сумму, он проставил ноль. Видно, не захотел этот расход отнести на счет организации.

Записи показывают не только честность, но и изумительную простоту жизни Левского. Обычная его еда в пути состояла из хлеба, маслин, яблок, иногда чашки черного кофе. Он совершенно не пил ни вина, ни водки, не курил. В поездках по Болгарии в 1871 и 1872 годах он только один раз купил яйца и три раза пастырму — вяленое мясо.

За пять месяцев его личный расход составил восемьсот сорок восемь грошей, или ежедневно около шести грошей. Но эта сумма затрачена не только на его личные нужды, он редко бывал один: «когда с тремя, когда с двумя, и очень мало я был только со своим

конем». За эти же пять месяцев он собрал в городах и селах свыше одиннадцати тысяч грошей.

Записная книжка Левского раскрывает еще одну черту его характера. Проповедуя великие идеи свободы, человеколюбия и братства, он никогда не забывал о насущных нуждах людей, о их повседневных заботах. В его книжке встречаются заметки с подробным описанием составления красителей и способов крашения тканей, приведены методы народного лечения, указаны яды и противоядия.

Он мог сказать крестьянину, как обрести свободу и как выходить захворавшего ребенка, как избавиться от зубной боли и от турецкого султана, как составить яркую краску для одежды дочери, что сделать, чтобы не мерли ягнята, и убедить отца отдать мальчонку в школу.

Наговорившись, он заведет песню, развеселит душу мужицкую. В его книжке немало записей народных песен.

Там, где побывал Левский, всюду о нем оставалась крепкая память.

— Бывало, познакомишься в каком-нибудь селе или городе с тамошними работниками — готовься слушать рассказы из бурной жизни Левского, — говорил его современник Захарий Стоянов. «Веселый был человек, прости его бог; ни разу не видел, чтобы он задумался. Все-то, бывало, улыбается, все-то радуется — будто на свадьбу звать пришел», — вспоминал один. «Крепкий был парень. Бывало, целую ночь просидит, а утром, глядишь, встал и гуляет», — добавлял другой. «А вы слышали, как он ласкал детишек? Как говорил: «Вот эти нам нос утрут», — рассказывал третий. — Но богачей ненавидел. Говорил: «Они бездельники толстобрюхие, клещи, в десять раз хуже турок».

Тысячи различных случаев рассказывали о нем.

Однажды он поделился с крестьянами сдобным пирогом. Те отказались есть скромное, так как это было

время поста. Левского огорчила темнота и суеверие, и он принялся горячо доказывать нелепость обычая:

— Пока мы только постимся и молимся богу, турки будут хозяевами на нашей земле, а мы их рабами.

К нему обращались со всякими вопросами, и он находил простые и ясные ответы.

Как-то жители деревни в окрестностях Софии спросили его:

— Дьякон! Когда Болгария получит свободу, кого мы поставим царем?

— Если мы деремся с турками только ради того, чтобы иметь царя, то мы дураки. У нас и теперь есть султан. Не правитель нам нужен — нужны свобода и равенство людей, — ответил Левский.

— А ты тогда кем будешь служить? Ведь ты имеешь право на самую главную должность.

— Никакой должности мне не надо. Я уйду к другим порабощенным народам и там буду делать то, что теперь делаю здесь.

У него слова не расходились с делом. Он жил так, как учил жить других. Для него не было ничего выше, чем служение родине, народу. И он служил скромно, честно, самозабвенно.

«Друг и брат Филипп, — писал он воеводе Ф. Тотю, — мы, деятели освобождения, посвятили свою жизнь родине, миллионному народу. Мы должны быть свободны от мелочного себялюбия и зазнайства. Надо помнить, что мы лишь исполнители воли народа. Мы жаждем видеть свое отечество свободным, а потом пусть меня пошлют хоть гусей пасти!»

Он и других призывает не искать благодарности и преклонения, не выпячивать своих заслуг и не требовать вознаграждения за них высокого для себя положения. «По моему мнению, это самое правильное и достойное человека. Я не обращаю внимания на свои теперешние страдания и недостатки во всем, ни даже на

ежедневное преследование меня полицией и болгарскими вырожденками, Мне бы и в голову не пришло сказать, что вот, мол, я с самого начала нашего дела проработал в таких тяжелых условиях, а теперь явился кто-то другой на готовенькое. Наоборот, если у него голова на плечах, если он умнее меня, я должен сам уступить ему свое место. История не припишет никому чужих заслуг».

Он призывает руководителей освободительного движения не бояться соперников, приближать к себе умных людей, советоваться с ними, быть образцом скромности. «Если мы будем примерными, тогда никто не посмеет возгордиться, и не будет места вражде между нами... Что касается меня, то я обещал своему отечеству пожертвовать собой для его освобождения, а не быть бог знает кем... К чему мне еще стремиться, когда я увижу свое отечество свободным? Мое предназначение не в том, чтобы увидеть себя в большом чине, а в том, чтобы умереть за отечество, братец. Каждый болгарский деятель должен иметь такое предназначение».

Весной 1871 года над обездоленным людом Европы засияли лучи надежды. В Париже взял власть пролетариат.

Отсветы Парижской коммуны достигли далеких Балкан и тихого Дуная. В придунайском городке Галац болгарские революционеры Христо Ботев и Величко Попов создали Болгарскую коммуну — кружок коммунистически настроенных эмигрантов.

В первый день пасхи — праздника, почитаемого у христиан как воскресение лучших чаяний человечества, с берегов Дуная, из безвестного Галаца пошла телеграмма:

Париж.

Комитет коммуны.

Братское и сердечное поздравление от Болгарской коммуны.

Да здравствует коммуна!

Революционеры-эмигранты

Ботев, Попов.

Тогда же из-под пера Христо Ботева вышел чудесный документ — Символ веры болгарской коммуны — краткий и величественный, как гимн:

«Верую в единую общую силу рода человеческого на земном шаре — творить добро. И в единый коммунистический общественный порядок — спаситель всех народов от векового гнета и страдания через братский труд, свободу и равенство.

И в светлый животворящий дух разума, укрепляющий сердца и души всех людей для успеха и торжества коммунизма через революцию.

И в единое и неделимое отечество всех людей и общее владение имуществом.

Исповедую единый светлый коммунизм — исцелитель всех недугов общества.

Чаю пробуждение народов и будущего коммунистического строя во всем мире».

Современники не оставили воспоминаний 'о том, как встретил Левский весть о рождении Парижской коммуны. Известно лишь, что в тот же пасхальный день, когда Ботев отправил телеграмму в Париж, Левский, необычно веселый и возбужденный, весь светящийся какой-то скрытой радостью, спешил с друзьями на окраину Ловеча, где веселился народ.

Ловеч не Галац, где, отделенный Дунаем от жестокого султанского режима, свободно жил болгарин. Из Ловеча не поздравишь парижских коммунаров, здесь даже думать о них опасно. Недреманное око блюстителей порядка и на пасхальном гулянье пристально наблюдало за подданными «тени аллаха на земле» — его величества турецкого султана. Стоило

Левскому появиться, как турецкий полицейский приметил постороннего. Только находчивость выручила Левского и на сей раз.

Левский понимал рискованность своего поступка и все же, несмотря на возражение друзей, отправился на пасхальный хоровод. Видно, в тот день ему особенно хотелось быть среди людей и слить свою великую радость первой победой угнетенных с радостью людей, верующих в божественное пришествие справедливости.

Летопись тех дней сохранила и такой факт: 25 апреля 1871 года три болгарских революционера — Матей Преображенский, Бачо Киро и учитель Васил Неделчев пришли в Дреновский монастырь и поручили единомышленнику своему — настоятелю монастыря— подготовить три житницы с продовольствием «на всякий случай».

Возможно, это совпадение. Но стоит ли сомневаться, что эти трое грамотных людей, видные для своего времени книжники, знали о событии в Париже? Вести из Парижа вливали бодрость в ряды болгарских борцов за свободу, укрепляли в них веру в торжество их дела, подгоняли готовиться «на всякий случай».

В ту весну и лето Матей, уже без Левского, но по его поручению, продолжал ходить по селам. В суме его лежали и книги собственного творчества. Писал он повести и драмы, нравоучительные рассказы против суеверия и на священные темы, которые могут принести пользу народу.

За год пропагандистский талант просветителя-революционера окреп, развился. Его беседы привлекали все больше людей. Начинал он обычно тихим, спокойным голосом о чем-нибудь близком и привычном для слушателей, а потом незаметно переходил к делам революционным, и тогда голос его крепчал, звенел и слова его звучали убедительно, весомо. В самые серьезные моменты он мог вплести забавную историю,

развеселить людей, заставить их с новым вниманием прослушать все, что он хотел сказать.

О нем рассказывали, как он агитировал среди крестьян села Михалци. Собрал он их вечером и повел речь сначала о том, о сем, а затем стал подводить к тому, для чего он и затеял весь разговор. Но видит он, что у слушателей пропал интерес, озираются по сторонам. Тогда Матей громко и весело спросил:

— А знаете ли вы, друзья, как меня в прошлом году в горах чуть медведь не задрал?

Безучастность мигом как рукой сняло. Глаза так и впились в Матея. Он и повел рассказ о том, как повстречался ему огромный медведь, как хотел он его загрызть, да Матей, не будь дурак, не испугался, а вступил в борьбу.

— А вы думаете что? Бежал медведь! Главное — не бояться, тогда и с более страшным зверем можно совладать, не то что с турком.

Так с рассказа о медведе Матей перешел к делам освобождения от турецкого господства.

Летом произошло событие, роковые последствия которого трудно было предвидеть. Болгарский революционный центральный комитет, чтобы облегчить Левскому работу, решил дать ему в помощь Димитра Обшти.

О жизни этого человека, который сыграл такую злополучную роль в революционном движении, известно очень мало. Родился он в македонском селе Дьякове, но в каком году — неизвестно. Предполагается, что он был старше Левского годом-двумя. Мальчонкой покинул родное село и направился в Сербию, где «служил у больших людей и кормился как мог». После того, все в тех же поисках прокормления, скитался по Румынии.

В 1862 году, находясь в Белграде, вступил в легию Раковского под именем Димитра Косоваца. После

ропуска легии перебрался в Румынию, где в течение двух лет содержал трактир.

Привыкший к скитаниям, он не мог усидеть на месте. В 1866 году он уже был в Италии в легионе Гарибальди. Под именем Димитра Николова участвовал в военном походе 1866 года. В знак признания заслуг военное министерство Итальянского королевства наградило его Памятным орденом.

Из Италии Димитр Николов-Косовац поспешил на греческий остров Крит, где вспыхнуло восстание против турецкого владычества. Греческие документы отмечают, что Димитр Николов участвовал в десяти сражениях, служил «с усердием и самопожертвованием» и показал «отличное поведение».

Незадолго до подавления Критского восстания, в конце 1868 года, Косовац уехал в Румынию. Здесь он установил связи с болгарской революционной эмиграцией и загорелся желанием сколотить чету и отправиться с ней в Болгарию. Тодор Ковачев, долго не раздумывая, переправил Косоваца в Бешград к известному болгарскому воеводе Панайоту Хитову. С помощью Хитова Косовац организовал маленькую чету, ушел с ней в Болгарию, но там, дойдя до реки Искыр, поссорился с товарищами и бросил их.

Два с лишним года после того он разъезжал по Сербии и Румынии. В Брайле ему удалось найти десяток молодых болгар, готовых образовать чету. Косовац взял у них деньги на оружие и исчез.

В 1870 году Димитр Косовац предстал перед болгарской эмиграцией под фамилией Обшти. По его словам, он взял этот псевдоним, желая подчеркнуть свой интернационализм, свою «принадлежность всем балканским народам». Слово «обшти» по-болгарски означает «всеобщий». Димитр Всеобщий — так претенциозно звучала бы по-русски фамилия этого человека, мыслящего о себе «в мировых масштабах».

Пользуясь рекомендациями П. Хитова и Т. Ковачева, того самого, которому Левский отказал в доверии. Димитр Обшти стал настойчиво добиваться посылки его в Болгарию. И это ему удалось.

Бухарестский центральный комитет известил Левского о намерении послать ему помощником Димитра Обшти. Левский, зная Обшти как человека смелого, но с авантюристическими наклонностями, воздержался от немедленного согласия на участие Обшти в революционной работе и попросил повременить с назначением, обещая через тридцать-сорок дней или письменно, или лично дать объяснения по этому поводу. Но ответ Левского где-то задержался, и Бухарестский комитет, не получив согласия главного руководителя революционной организации, каким являлся Левский, направил Обшти к нему помощником.

В конце июня Обшти прибыл в Ловеч. Левский в то время был в южной Болгарии. Ловечский комитет в отсутствие Левского утвердил Обшти его помощником. Левскому ничего не оставалось делать, как согласиться с решением БРЦК и Ловечского комитета.

30 июня около городка Сопот состоялась встреча Левского с Обшти. Была она, по словам Обшти, сдержанной, холодной.

Из Сопота Левский поехал с Обшти по комитетам южной Болгарии, но, как позже жаловался Обшти, Левский его не знакомил с членами комитетов, уходя на заседания, оставлял его на постоянных дворах. Вынужденный принять Обшти, Левский, как видно, не изменил к нему отношения и остерегался вводить его в тайные дела организации.

Распрощавшись с Обшти, Левский в августе поехал в турецкую столицу. Но и об этой поездке, как и о первой, сохранилось очень мало сведений.

В Стамбуле знакомые Левского решили для верности поселить его у видного султанского сановника, члена государственного совета, болгарина Хаджи Иванчо Пенчовича. Когда Левский узнал, какую ему отвели квартиру, он, улыбнувшись, сказал:

— Действительно, более безопасного места не сыщешь!

Переодетый в костюм турецкого чиновника-писца, Левский в сопровождении стамбульских знакомцев прибыл на остров Халки в дом Хаджи Иванчо. Встретил его хозяин хотя и с опаской, но гостеприимно. За ужином говорили о настроениях в Болгарии, о возможности помощи из Сербии и России.

— В первый раз я сюда приезжал к единомышленникам, чтобы создать здесь комитет, а теперь к богатым патриотам за деньгами на святое дело, — сказал Левский о цели поездки. — Вы здесь в столице отвлекайте внимание турецких правителей и общественное мнение, если таковое существует в Турции, к церковным делам, а мы тем временем будем готовить народ к решительному действию.

Долго спорили: одни из присутствующих у Хаджи Иванчо стояли за освобождение духовное, другие;— политическое. И, наконец, договорились, что каждый будет работать по своему разумению, но с одной целью —избавление родины от рабства.

Через три дня, получив собранные среди болгар деньги, Левский, любезно провожаемый, покинул дом Хаджи Иванчо, чтобы на пароходе отплыть в Болгарию.

Пройдет с того дня полтора года, и гостеприимный Хаджи Иванчо Пенчович, как член чрезвычайного суда, подпишет Левскому смертный приговор...

В сентябре в Ловеч прибыл второй помощник Левского, Ангел Кынчев. Три года назад расстались они в Белграде: Левский после роспуска легии отправился в

Румынию, посоветовав Кынчеву продолжать занятия в сербском военном училище.

— Послушал я тогда твоего совета, бай Васил, да учиться довелось недолго. Как убили князя Михаила, сербы изгнали из училища всех болгар.

— Знаю, знаю. А потом где был?

— Вернулся в Русе. Надо было сразу подумать о заработке, доходы моего отца-каменщика тебе известны. Знакомые устроили в казенное имение. Они же помогли поехать в Чехию, в город Табор в местное сельскохозяйственное училище. И, знаешь, на какие средства? На турецкие! Губернатору нужен был агроном для имения, он и дал деньги. Так я стал турецким стипендиатом. Сначала меня это смутило, а потом решил: на чьи бы деньги ни учиться, лишь бы учиться. А знания все равно своему народу отдам.

Пробыл Кынчев в Чехии один год — как потянуло его на родину! Панайот Хитов встретил его в Белграде и снабдил деньгами на дорогу.

— В Турну-Мэгуреле я разыскал Данаила Попова, получил от него необходимые рекомендации и вот, как видишь, в твоём распоряжении.

Левского приезд Кынчева обрадовал. Он тут же известил Данаила Попова: «Брат! С нынешнего дня Ангел Кынчев останется со мной на нашей работе до конца».

С приездом Кынчева, человека грамотного, надежного, Левскому стало легче. Быстрее пошло дело с разработкой проекта устава. К осени он был окончательно готов и разослан для обсуждения местным комитетам и Центральному революционному комитету в Бухаресте.

«Правила для борцов за освобождение болгарского народа», как Левский назвал проект устава, провозглашали целью организации:

«Общей революцией произвести коренное преобразование нынешней государственной деспотическо-тиранической системы и заменить ее демократической республикой (народоуправлением)».

«Правила» — это одновременно и устав и программа. В отличие от программы, принятой Болгарским революционным центральным комитетом в 1870 году и носящей на себе влияние либерально-просветительской группы Каравелова, Левский в «Правилах» провозглашает национальную революцию единственным путем освободительной борьбы, а главной задачей революции — установление демократической республики. Возвещая этот путь и эту цель, Левский переводил болгарское освободительное движение на новую высшую ступень.

В «Правилах» указано и средство к подъему революции и достижению ее конечной цели. Средство это — сильная, широко разветвленная революционная организация. Революционные комитеты, создаваемые по всей стране, выдвигал он той силой, которая единственно способна объединить народ, подготовить его к решительной борьбе и повести на победоносную революцию.

Освобождение становилось делом народных масс. Левский сформулировал идею подготовки народа через революционную организацию, и он же сам занялся созданием этой организации. А когда основы ее были заложены, он разработал принципы ее устройства, определил права и обязанности революционных комитетов и их деятелей.

В этом величие заслуги Левского в развитии болгарского национально-революционного движения.

Размножив устав, Левский повез его для обсуждения в местные комитеты. Взял он с собой и обоих помощников. Путь их лежал из Ловеча через Стара Планину в Среднегорье и на просторы Фракии. Кынчев

по поручению Левского изучал топографию городов и горных проходов, снимал чертежи стратегических мест.

Вернулись они в Ловеч поздней осенью. Поездка дала многое. Комитетские деятели высказали свое мнение о проекте устава, одобрили его; Кынчев привез ценные материалы для составления карт районов будущего восстания. И только Обшти был недоволен. Левский все еще остерегался посвящать его во все тайны. Раздраженный честолюбец по возвращении в Ловеч упрекал Левского на собрании: «Мы не слуги его. Если так будем ходить с ним еще пятьдесят лет, то и тогда ничего не добьемся. Каждый должен ездить по комитетам и работать самостоятельно».

В этом весь Обшти с его самостийностью, желанием быть впереди. Он только что вступил в дело, а уже претендовал на первые роли.

Заканчивался еще один год великого труда и пламенного горенья. Известность Левского росла. Его знали в одинокой хижине горца и в больших городах. Его имя одни произносили с любовью и уважением, другие — со страхом и злобой. И только равнодушных не было возле него.

Хорошие, сильные строки о чувствах, пробуждаемых его именем в народе, оставил болгарский писатель Тодор Влайков. Еще будучи мальчиком, он слышал рассказ старшего брата в кругу своих сверстников о том, как учитель иногда поручал ему написать под диктовку письмо о торговых делах какому-то турку по имени Аслан Дервишоглу. Написав, брат вопросительно смотрел на учителя: зачем, мол, это ему заниматься торговлей да еще с турком? «Тебе пока не понять этих дел, — отвечал учитель. — Придет время, ты все узнаешь. А сейчас... молчок!»

«Кто же мог быть этот Аслан Дервишоглу?— спросил с любопытством кто-то из товарищей брата.

— Я догадывался, кто это был, — сказал брат. Это был Дьякон... [\[53\]](#)

— Дьякон?

Брат с таинственным видом уверенно кивает головой. Все замолкают, охваченные особенным чувством, испытывая какой-то благоговейный трепет и восхищение.

Это особенное, это трепетное чувство незаметно охватывает и меня, прижавшегося в сторонке и не замеченного никем. Дьякон! До сих пор я ничего о нем не слышал. Но то, что я уловил сейчас в словах брата, и необыкновенное впечатление, произведенное на всех простым упоминанием его имени, наводит меня на мысль, что этот Дьякон — человек необыкновенный, самый большой и первейший из всех, кого называют комитами...»

Левский среди народа.

В болгарской корчме.
Картина художника И. Мырквичка.

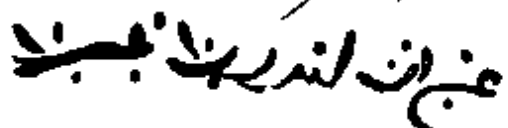
Арест Левского в селе Какрине.
Картина художника Н. Кожухарова.

Левский перед турецким судом. Картина художницы К. Тасевой.

КОНФЕРЕНЦИЯ В БУХАРЕСТЕ

Январь 1872 года выдался на редкость студеным. С Васильева дня задул с севера, от Дуная, резкий дунавец, нагнал холода. Мороз сковал не только землю, но и обычно неподатливые реки.

Ваш братовчед.
Асман Дервешович..
из Тира.

Факсимиле подписи Левского.

Звенит земля под копытами коней. Заиндевелые, они дышат тяжело, и каждый выдох вырывается облачком пара.

Дорога вьется по долине реки Осым. Тишина и безлюдье.

— Хороший хозяин собаку в такую пору из дому не выгонит, — ворчит спутник Левского.

— А разве нас кто выгнал?

— Это верно.

— Ну то-то! Потерпи, недолго осталось. Зато какую радость людям привезем.

Закутавшись еще плотнее теплыми шарфами, всадники замолкли. И опять только цокот копыт.

Все в снегу, все бело. Никаких знакомых примет. Конь Левского вдруг вздернул голову и глубоко втянул воздух.

— Должно быть, жилье почуял.

И впрямь скоро потянуло дымком, а за поворотом, у самой дороги, открылось приземистое здание — корчма деда Акима.

Задав коням корма, всадники вошли в большое, жаркое и дымное помещение.

Когда в болгарской корчме, особенно зимой, бывает пусто? Болгары общительны, любят повеселиться, с другом досыта наговориться, а подвыпив — сплясать. А

там, где несколько отдыхающих болгар, — там найдется и Гайдар. Заведет он на своей волынке веселую плясовую. Трудно тогда удержаться. Вот как сейчас. Ходуном ходят половицы. Кажется, пляшет вся корчма.

Не успел Левский расположиться, как подлетел к нему лихой танцор:

— А ну выходи, браток!

И Левский вышел. Любил он песню и горячий танец. Сорвался, закрутился. Выбились из-под шапки пряди русых волос, голубые глаза озорно светятся, а ноги выделяют отчаянные выкрутасы.

Как неожиданно вспыхнула огненная рученица, так внезапно и замерла. Разошлись по местам танцоры, и опять потекли беседы, зазвенели стаканы.

Утомленный, разгоряченный, устроился Левский в уголок, где потише. Хорошо ему сегодня, легко на душе. Откинувшись к бревенчатой стене, прикрыв глаза, унесся он думами в недалекое прошлое.

...Много месяцев терзало его несогласие в рядах деятелей освободительного движения. Эмигранты не хотели примириться, что от них ушло руководство революционным делом, что центр его переместился в Болгарию. Рост влияния комитетов, созданных внутри страны, вызывал в них нездоровое чувство соперничества.

Сколько энергии, сколько времени отняла переписка с эмигрантскими группами в Румынии. Надо было разъяснить им позицию комитетской организации, показать, куда может привести разноречивость и нежелание видеть ошибки. Эмигранты упрекали, что он сгущает краски, что видит в их делах больше плохого, чем это есть в действительности. В ответах он призывал не бояться критики, смелее обнажать ошибки.

«Ты мне приписываешь, — писал он одному из видных эмигрантов, — будто я в глазу своем бревна не замечаю, а в ваших глазах легко усматриваю и соринку.

Если ты искренне говоришь мне в начале письма: «Любезный мой брат!», то не нужно придилок и обиняков, а говори: в том-то и в том-то твоя ошибка, чтобы я исправился. Я человек прямой, поэтому и я буду говорить о ваших малейших уклонах, или, лучше сказать, об ошибках, не стану их замалчивать! Мы живем для отечества, братец! Ты указывай мне .на мои, а я на твои промахи, и мы вместе будем их исправлять, если хотим быть людьми».

Вспомнилось, сколько хлопот доставило своеволие старых воевод Панайота Хитова и Филиппа Тотю. Привыкшие к самостоятельным действиям, они не хотели признавать руководящего начала революционной организации, пытались вести работу на свой риск и страх, по собственному разумению.

С Филиппом, Тотю удалось найти общий язык, привлечь его к согласованному действию. А вот Панайот Хитов, этот классический представитель гайдуцкой вольности, так и остался верным четнической тактике.

Думы о Хитове вызывают боль. Для него Хитов первый боевой учитель, опытный военачальник. Он уважает его за смелость- и отвагу, за безграничную любовь к поработенной родине. Никогда не забыть дней, проведенных в отряде Хитова знаменосцем. Как бы сломить его упрямство, нежелание идти в ногу со временем, подчиниться коллективу, организации? «Как истинный болгарин и умный воевода, — говаривал он Хитову, — ты обязан для себя решить: ты ли должен следовать народной воле или миллионы людей идти за одним человеком? Согласие и любовь — вот первое, что нужно между народными деятелями, а вождь у нас один — Болгария, болгарский народ. Хочу до конца остаться твоим братом и знаменосцем, если и ты будешь с нами до смерти».

Он давно понял, что для того, чтобы устранить идейный и организационный разброд, найти

объединяющее начало для всех честно желающих работать во имя свободы родины, необходимо собраться всем и открыто поговорить о делах. Потому он и предложил созвать в Болгарии конференцию представителей местных революционных комитетов и революционной эмиграции. Но не его вина, что эмигранты увидели в этом ущемление их престижа. Они выдвинули свой план; конференцию провести в Румынии, а из Болгарии, от всех местных революционных комитетов, пригласить только одного Левского. Разве это справедливо?

«Вы и ваши сторонники, — отвечал он авторам этого плана, — предлагаете собраться с несколькими людьми, находящимися там в Румынии, куда вы зовете и меня из Болгарии. Разве это не глупо? Я удивляюсь вам. Есть ли большая нелепость: вы там соберетесь в числе 20—30, пусть даже 500 человек, а из Болгарии, где будет проливаться кровь, зовете меня одного — и так хотите решать дело?»

— Как хорошо, что все это кончилось, — сказал Левский, точно очнувшись от глубокого сна, и окинул взглядом корчму.

— Что кончилось, Васил? — спросил спутник.

— Это я своим мыслям ответил. Вспомнилось мне, дружок, какую борьбу пришлось выдержать, пока мы добились того, о чем едем сообщить товарищам нашим.

Отдохнув в корчме деда Акима, к вечеру Левский приехал в Троян, город, вытянувшийся одной улицей вдоль реки. За домами — гряды пологих гор, заросших буковыми и ореховыми лесами, сливовыми садами. Слива, меховой колпак, островерхая шапка и гончарные изделия прославили Троян. Нет вкуснее чернослива, чем из троянских садов. Нет изящнее и добротнее глиняной посуды, чем та, что делают троянские гончары. А без троянского колпака разве выйдет на улицу уважающий себя болгарин?

В ту же ночь в хане Василия Спасова, здешнего патриота, собрались на тайное заседание члены комитета. Когда улеглась радость встречи, Левский поднялся и сказал:

— Друзья! Чудесное известие привез я вам. Решено созвать собрание представителей всех революционных комитетов, чтобы выработать единую программу, принять устав нашей организации, сплотить все наши силы.

— Значит, договорились! — слышался удовлетворенный возглас.

— Договорились. Они приняли наше требование, чтобы большинство представителей было из Болгарии, а мы согласились с их доводами, что целесообразнее провести собрание в Бухаресте, где меньше опасности. Теперь вам надо выбрать своего делегата.

Весь следующий день Левский провел в Трояне, у члена комитета Ивана Маркова. Город праздновал крещение. Всюду слышались голоса подвыпивших людей. В дом Маркова ввалилось человек шесть-семь поздравить хозяев с праздником. Марков угостил их вином. Один из пришедших захмелел и провозгласил тост за болгарских революционеров. Левский, чтобы предотвратить возможную неприятность, провозгласил здравицу султану. А когда все ушли, он сказал Маркову:

— Поэтому я и запрещаю моим последователям пить вино. Пьянство — самый большой враг человека. Он© многие семьи сделало несчастными. Этот порок особенно плохо отражается на тайных делах. Я всегда говорил и сейчас повторяю, что вновь посвящаемые в наше дело должны давать клятву воздерживаться от употребления спиртных напитков. Видели, что вино сделало с тем молодым человеком? Он сболтнул что не надо. Хорошо, что никто не обратил внимания. Красный Петко и белая Рада [\[54\]](#) никогда до добра не доведут.

Из Трояна Левский возвратился в Ловеч. Отсюда он продолжает подготовку к собранию: пишет, какими качествами должны обладать представители комитетов, торопит собирать деньги на поездку делегатов, требует держать все в строгой тайне.

Письма его того периода насыщены заботой о воспитании в рядах бойцов за освобождение высоких качеств революционеров-патриотов.

«Мы желаем всем соучастникам в нашем святом народном деле, — пишет он членам Орханийского комитета, — быть верными и постоянными в движении к цели, чтобы они говорили себе: «Лучше честная смерть, чем бесчестная». И действительно, кто постоянен до конца, для того уготована неопишуемая радость, большой дар — признательность болгарского народа. Сейчас то время, когда каждый может себя проявить. Некоторые говорят: «А если я умру?» На это мы отвечаем: имя его навеки останется живым, заслуги его будут помнить дети и внуки. Следовательно, чтобы заслужить этот святой дар (признательность народа), надо жертвовать всем и даже собой... Для того честного болгарина, который понял и видит муки и неволю нашего народа, сердцем своим чувствует горячие и кровавые слезы наших обещанных тиранами матерей, братьев и сестер, для того нет страха, а смерть — утешенье и душеспасенье... Кто не действует таким образом, тот не болгарин, не христианин, не человек».

В Ловече Левский получил письмо от группы молодых болгар, только что вступивших в ряды борцов за народное дело. Левский пишет им в ответ: «Братья! Возродить нашу славную державу, освободить ее от проклятых агарян (турок, иноверцев.— А. С.), добиться чести и славы для нашего милого отечества Болгарии, а затем стать равными с другими европейскими народами, — все это зависит от- наших собственных объединенных сил.

Покажите себя достойными, верными и неустрашимыми во всех отношениях! Смелее, братья! Вперед! Ваше участие в народном деле сделает ваши имена неизгладимыми в истории нашего народа».

Ангел Кынчев, находившийся в то время в Ловече, делит с Левским все его труды. Молодой революционер (тогда Кынчеву шел двадцать второй год) быстро завоевал доверие организации. Через три месяца после приезда в Болгарию он уже выполнял самостоятельную работу комитетского уполномоченного, то есть то, к чему так рвался Обшти.

Левский — Кынчев. В них было что-то общее. Оба они беззаветно любили родину и посвятили ей себя с юношеских лет. Оба они были кристально-чистыми и возвышенно-мечтательными, внешне мягкими, но волю имели негибкую.

Оба они были красивы мужской красотой. Оба среднего роста, статные, сильные. Но лицо одного освещали ласковые и ясные голубые глаза, на лице другого, Кынчева, горели большие карие очи и над властным ртом свисали пышные черные усы.

Как и Левский, Кынчев был человеком веселого нрава, любил песню и людей. Левский, тайно пробираясь в Бухарест со сведениями об организации революционных комитетов, вез с собой в подарок Каравелову разужоренные трубки, причудливые изделия балканских горцев. Кынчев, возвращаясь с тайного собрания, репетировал с ловечской молодежью пьесу.

Много могло бы дать болгарскому народу содружество этих двух его сынов. Но они оба шли над пропастью. Кынчев первым сорвался в нее...

В конце февраля Кынчев проводил Левского во Фракию, а сам, как было условлено, отправился в Русе, чтобы оттуда выехать в Румынию и заняться подготовкой к встрече делегатов.

О том, что произошло дальше, рассказал Захарий Стоянов в своих «Записках о болгарских восстаниях».

5 марта 1872 года на пристани в городе Русе собрались толпы горожан. В тот день ждали приезда новоизбранного болгарского экзарха Антима. Турецкий пароход «Сейре», совершавший рейсы между Русе и румынским городом Гюргево, готовился к отплытию. Было около половины одиннадцатого по турецкому времени. Густая толпа у пристани расступилась, чтобы дать дорогу румынским офицерам и их дамам, направлявшимся на пароход. К ним пристал и Ангел Кынчев, быть может, с той целью, чтобы пройти незамеченным среди людей в блестящих мундирах.

Кынчев прошел мимо стражников, подал свой красный пассажирский билет турецкому начальнику и уже собирался подняться на пароход, как вдруг турок остановил его и приказал предъявить паспорт. Паспорта у Кынчева не оказалось, и турок повел его в канцелярию, где выдают паспорта отъезжающим.

Не прошло и десяти минут, как внимание толпы было привлечено к паспортному отделу несшимися оттуда криками: «Держи его, держи!» Люди увидели бегущего человека, преследуемого турецкими жандармами. Это был Ангел Кынчев. Он бежал к пристани, предполагая, очевидно, в последний момент вскочить на пароход. Но... увидя себя окруженным — справа берег Дуная, слева вода, позади и впереди жандармы, Кынчев остановился и выхватил из-под пальто револьвер.

Раза три-четыре спускал он курок, целясь в жандармов, но выстрела не последовало. Тогда Кынчев, крикнув: «Да здравствует Болгария!», вложил ствол револьвера в свой пересохший рот...

Трагическая гибель Кынчева потрясла болгарских патриотов. Любен Каравелов написал в некрологе: «В Русе, 5 марта, погиб Ангел Кынчев, родом из Трявны, 21 года от роду. Кынчев покончил самоубийством, чтобы

избавиться от турецких мук, которые ему приготовили Ресим-паша и наши проклятые кровопийцы Петраки Златев, Иван Чорапчиев, Сапунов и другие. Кынчев был умным и образованным молодым человеком и горячим патриотом. Вечная ему память!»

Поговаривали о предательстве. Обвиняли в этом двух русенских болгар Ивана Чорапчиева и Петраки Златева. Толковали, что в тот самый день, когда произошло самоубийство, Кынчев был в гостях у Чорапчиева, и тот, когда гость спал, вынул пули из револьвера. Кынчев проснулся и отнял у него револьвер, но не заметил, что в нем не хватало нескольких патронов. Вот почему, когда он стрелял в жандармов, револьвер давал осечки.

В тот же день турки арестовали отца Кынчева, несколько учителей и многих молодых людей. Жестокими истязаниями арестованных хотели они узнать подробности о Кынчеве. Но вмешался русский консул Александр Мошнин и добился освобождения заключенных.

Гибель Кынчева не вызвала смятения в рядах борцов. Подвиг, совершенный им, воодушевлял. Опасаясь, как бы пытками его не принудили раскрыть тайну, он покончил с собой, чтобы не погубить других.

Васил Левский, когда до него дошла весть о смерти молодого друга, так написал о нем:

«Узнал через газету о самоубийстве Ангела Кынчева... Имя его осталось бессмертным. Для честных людей такая смерть... Не бойтесь, братья, болгарские сыны, такой смерти! Сегодня она самая сладкая, честная и достойная смерть для каждого болгарина!»

Приближался срок открытия в Бухаресте конференции. Левский спешил с последними приготовлениями. Он старался предусмотреть каждую мелочь, чтобы обеспечить безопасность проезда

делегатов и не допустить проникновения шпиона. Он рекомендовал писать удостоверение на специальном листке бумаги, который затем разрезался на две части через середину написанного. Одну половину такого листка комитеты должны своевременно выслать Левскому, а другую, запечатанную в конверт, вручить делегату. «Когда от него я потребую эту бумагу, он даст ее мне. Я ее соединю с имеющимся у меня куском, и тогда узнаю, откуда он и кто он».

Он сообщал делегатам, где остановиться в Джурдже, что на двери комнаты, которую им там отведут, должна быть написана мелом буква «Р», предостерегал от случайных знакомств.

6 апреля Левский вместе с представителями Ловечского комитета выехал в Румынию. 13-го он благополучно добрался до Турну-Мэгуреле, где и остановился на несколько дней у Данаила Попова. 16 апреля Левский прибыл в Бухарест.

— Мы только что закончили печатать газету «Свобода», и Наталия Каравелова наклеивала адреса,— рассказывал Киро Тулешков. — В это время во двор типографии вошли двое неизвестных. Один из них — рослый, голубоглазый, другой — черноокий и пониже ростом. Оба подошли к столу, где работала Наталия Каравелова, и русский спросил, дома ли Любен Каравелов. Жена его, оглядев пришедших с ног до головы, спросила, откуда и кто они. Голубоглазый ответил: «Мы, госпожа, оттуда, где всходит и заходит солнце».

По ответу Тулешков догадался, что эти люди из Болгарии, и сказал, что Каравелов будет через час. В назначенное время незнакомцы вернулись. Навстречу им вышел Каравелов. Увидев Левского, он обнял его, расцеловал. Второй неизвестный оказался Марином Лукановым.

Каравелов оставил Левского и Луканова в своем доме, а чтобы они не привлекали ненужного внимания,

их числили слугами. По утрам они сопровождали жену Каравелова на базар и обратно, навьюченные корзинами.

В последние дни апреля работы новым слугам прибавилось. Хозяйка производила большие покупки в связи с наступающей пасхой. То и дело тащили с базара корзины, полные всяких припасов.

29 апреля, в первый день пасхи, двери дома Каравеловых широко распахнулись для приема гостей. Праздничное пиршество началось с утра, продолжалось весь день. Лилось вино и пиво. Все пили, казалось, без меры. «Все присутствовавшие здесь были из разных мест, с разными характерами. И в то же время все они были как один человек. Такого согласия и такого единства я, достигший 55-летнего возраста, еще не видел и не слышал», — рассказывал все тот же Киро Тулешков. Особенно поразило его то, что «никто не позволил себе ругать тирана — турка, угрожать ему, как это было в те времена всюду, где соберутся эмигранты. Сейчас этого не было потому, что люди готовились к разрушению турецкой державы, а не к уничтожению отдельных притеснителей. Такого собрания в Бухаресте, в этом старом гнезде хышей — гайдуков, еще не видели».

Так в пасхальный день товарищеской пирушкой, чтобы отвлечь внимание румынских властей и турецких шпионов, открылась первая конференция представителей болгарских революционных комитетов.

На конференцию прибыл двадцать один делегат от комитетов Болгарии, Румынии и Бессарабии (города Болград). Поскольку не все комитеты Болгарии могли послать своих представителей, прибывшие были уполномочены представлять несколько комитетов. Левский представлял комитеты Карлова, Стара-Загоры, Сливена «заодно с окрестными сельскими комитетами». Каравелов являлся представителем трех основных

заграничных комитетов. Представители от Болгарии имели тридцать два голоса, эмиграция — шестнадцать. Требование Левского, чтобы комитетам, находящимся в Болгарии, отдать приоритет, было полностью принято.

Конференция заседала пять дней и за это время рассмотрела и приняла выработанный Левским проект устава, создала программу, избрала новый Центральный комитет.

Принятый на конференции устав содержал основные положения разработанных Левским «Правил». Но программные элементы «Правил» исключены как неуместные в уставе. Устранялось существование двух центральных комитетов: одного в Бухаресте и второго в Ловече. Согласно уставу во главе революционной организации ставился Болгарский центральный революционный комитет, но местопребывание его не указывалось. Однако ликвидация Центрального комитета в Ловече не означала, что права главного руководителя внутренней революционной организации уменьшились. В одной из статей устава говорилось, что каждый член БРЦК, «где бы он ни находился, может представлять весь Центральный революционный комитет, если только он имеет в своих руках документ, удостоверяющий его полномочие». В силу этой статьи Левский, как представитель ЦК в Болгарии, имел те же права, что и Центральный комитет в Бухаресте.

Программа, принятая конференцией, значительно отличалась от старой. Единственным путем освобождения в новой программе провозглашается революция. С мирными средствами полностью покончено. Для осуществления цели «позволительны все средства: пропаганда, печать, оружие, огонь, смерть и прочее». Но вопрос о государственном строе программа оставляла открытым. «Форма будущего болгарского управления останется неопределенной до тех пор, пока освобождение Болгарии не станет совершившимся

фактом». Об установлении демократической республики после победы революции, о чем говорилось в «Правилах» Левского, в программе не упоминалось. Умеренные элементы — Каравелов, Цанков и другие убедили Левского уступить в вопросе о будущем строе Болгарии.

На последнем заседании был избран новый состав Центрального революционного комитета: Любен Каравелов — председатель, Киряк Цанков — заместитель, Олимпий Панов — секретарь, Димитр Ценович — кассир, Панайот Хитов и Васил Левский — члены. Левский, кроме того, утвержден представителем БРЦК в Болгарии.

Собрание закончено. Васил Левский и Марин Луканов приступили к печатанию нового устава. Печатали в типографии Каравелова по ночам, когда уходили все рабочие и оставался лишь машинист — румын, не знавший болгарского языка, что предохраняло от предательства. Левский и Луканов вертели колесо машины, а румын, не ведавший, что печатает, управлял всем процессом. Наконец весь тираж устава был отпечатан, и Левский с гордостью держал в руке маленькую книжицу в красном переплете. На первой ее странице красовался разъяренный лев, попирающий турецкий полумесяц. За спиной льва — фигура повстанца, стоящего на поверженном турецком знамени.

По вечерам, пока Левский жил в Бухаресте, собирались у Каравелова. Долгие часы лилась душевная беседа. Иногда Левский пел. И тогда не раз Каравелов выскакивал из-за стола и целовал его. Левский же любил слушать, когда Каравелов рассказывал что-либо из истории болгарского народа, о своей жизни среди русских и сербов. Сам он не был словоохотливым, больше молчал, но когда увлекался разговором о народных делах, становился столь

красноречивым, что очаровывал своих слушателей, вспоминал не раз присутствовавший на таких вечерах Никола Обретенов. По его словам, Левский не любил роскоши, но всегда бывал хотя и скромно, но аккуратно и прилично одет. Человек железной воли, весь нацеленный на одно дело, очень скромный, он всегда был весел, и песня не сходила с его уст. В отношениях с людьми он был учтив, любезен. Наталия Каравелова после общения с Левским в течение этих двух месяцев «ни о ком другом, кто стоял близко к ее мужу, не говорила с таким восторгом, как о Левеком, которого иначе не называла, как человек-сила».

Таково было его обаяние. Раз к нему приблизившись, человек честный, человек чистый не мог от него оторваться. Его уважали даже враги.

Дела приближались к концу. Пора возвращаться. Центральный революционный комитет на основе решения конференции выдал Левскому полномочие на Право представлять его в Болгарии:

«Предъявитель сего, известный вам до сих пор под именем Аслан Дервишоглу Кырджала (В. Л-ский), именем, которое, смотря по обстоятельствам, он может менять, предварительно сообщив вам об этом, наделен Болгарским центральным революционным комитетом всеми полномочиями действовать всюду среди болгар для нашего народного дела, касающегося освобождения нашей дорогой отчизны Болгарии. Это же лицо представляет Болгарский центральный революционный комитет, и оно может предпринимать любые действия, разумеется, в рамках устава.

Печать БРЦК.

Это лицо, имеющее мандат Болгарского центрального революционного комитета, наделено правами осуществлять все мероприятия, предписываемые уставом, в том числе и налагать взыскания на членов болгарских местных революционных комитетов, которые провинятся, и наказывать изменников родины, деятельность которых направлена во вред нашему народному делу».

Согласно этому документу Левский в своем лице представляет Центральный революционный комитет «всюду среди болгар». Иначе говоря, Центральный комитет находится там, где Левский, где творится дело национальной революции, то есть в Болгарии.

Получив удостоверение, Левский принес присягу действовать по уставу и поклялся «перед нашим отечеством Болгарией точно исполнять свои обязанности».

Договаривающияся, кто признает сикиме Радомис-
ти които лица налагают грѣхъ уполномощаю им
дано отъ Ц. В. Р. К. и с.м. въ отвѣтностъ на (вѣнне
дѣйствіе; соглашавша въ сикиме и со дѣйствіями на дру-
гую членове на Ц. К. които уже распорядитъ по мѣсту,
се дѣйствіями по способностямъ на и сикиме по со-
стоятельства. Сикиме отвѣтностъ за дѣйствіе-
твомъ по уставомъ предъ друиномъ въ на Ц. К. и
с.м. за вѣнне предъ каменію отвѣтностъ въ мѣстѣ не
уже сикиме по сикиме дѣйствіями.

16/18/172

В. Левский

Факсимиле присяги Левского.

Все дела закончены. Можно было бы и ехать. Но оставалось неосуществленным одно желание: повидаться с так полюбившимся ему Христо Ботевым. Выезжая в Бухарест, Левский «всем сердцем и душой желал увидеться со своим приятелем», о котором «постоянно расспрашивал», — сообщал Киро Тулешков в своих воспоминаниях. Но по приезде Левский узнал, что Ботев заключен в румынскую тюрьму в городе Фокшаны. Левский добился, чтобы Каравелов и Ценович взяли Ботева на поруки. Но повидаться с Ботевым так и не удалось. У него не оказалось денег на поездку в Бухарест, а Левский больше ждать не мог.

27 июня он приехал в Турну-Мэгуреле, к верному своему соратнику Данаилу Попову. Три дня прожил он с ним. Им было о чем говорить. Проведено собрание, от которого так много оба ждали. И ожидание их не обмануло. Разрешены так долго тревожившие идейные и организационные вопросы, принята политическая программа, в которой сформулированы задачи

революционной организации, принят устав, определивший место, права и обязанности каждого комитета, каждого его деятеля, ликвидирована двойственность в руководстве, что служило источником недовольства в кругах эмиграции.

Все препятствия на пути роста организации расчищены. Теперь — за работу!

30 июня Левский пишет в Бухарест члену ЦРК Киряку Цанкову:

«...Сегодня выезжаю в Пикет [\[55\]](#). Прощайте, прощайте, прощайте».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НА ПОДЪЕМЕ

Утро 1 июля Левский встретил на родной земле. Стоит Оряхово на высоком, берегу. За широким Дунаем виден тихий румынский городок Бекет, откуда он только что прибыл. На юге до самой Стара Планины стелется Дунайская равнина — волнистая, холмистая. Вокруг, куда ни глянь, виноградники да фруктовые сады. За ними обожженные солнцем нивы. А над всем — небо чистое, высокое.

С полей и садов льется песня. Но не звенит она буйной радостью, не слышно в ней беззаботного наслаждения чарующей красотой. Болгарская песня отмечена печатью скорби и печали. В ней вопль

народной души, уже пятый век изнемогающей в борьбе с тяжкими бедами и страданиями.

И разговоры всюду одни: о горе и нищете. И надежда одна, высказываемая робко: придет ли когда избавление, какой сказочный герой принесет его? Рабство так задушило, что в свои силы люди перестали верить. Ярмо раба прижимает к земле, не дает выпрямиться, расправить плечи, скинуть чужой и мерзкий груз.

Но надежда — ее никому не убить — она живет, она воплощается в сказанья о скором пришествии избавителя.

«Новость. Среди болгар здесь повсюду говорят, что придет с Запада человек с лучистыми глазами и он освободит Болгарию», — сообщает наутро Левский в Бухарест.

Но он знает — это плод народного чаяния. Только в сказке, рожденной мечтой, герой приносит избавление. Жизнь сурова. В ней новое рождается в муках и крови. И Левский тут же приписывает: «Спешите с оружием, шлите его как можно больше».

Оружие! Теперь, когда есть организация, оружие — это главное, что нужно для освобождения. Не вынося никакого решения о сроке восстания, делегаты конференции пришли к единодушному мнению: «Комитет прежде всего должен позаботиться о ввозе оружия в Болгарию. Нужно готовить народ еще три-четыре года, с тем чтобы, когда он поднимется, он не складывал оружия до тех пор, пока не освободится».

В комитеты летят письма Левского, требующие вооружаться и вооружаться. «Нужно, чтобы всякий член комитета обзавелся лучшим оружием. Сообщите, сколько человек имеется вокруг вас, которые хотят приобрести такие ружья, которые мы осмотрели и одобрили для нашего дела. Чем больше закажут, тем дешевле они нам достанутся...»

Нужны люди, которые научили бы обращаться с оружием, сумели повести в бой отряды повстанцев. Левский просит Любена Каравелова связаться с сербским правительством и добиться от него согласия на подготовку болгарских военных кадров. «Мы нуждаемся в народных руководителях на поле брани и просим сербов предоставить нам сто пятьдесят — двести мест в своем военном училище. За это болгарский народ будет им признателен. А если последует неудача, то будем искать в другом месте, а если вообще отовсюду будет отказано болгарину в помощи, то и тогда мы не бросим своего дела...»

Организация с радостью встретила весть о возвращении своего руководителя. В комитетах ждали его приезда, но в то же время друзья предупреждали, чтобы был он осторожен. Христо Иванов, горячо поздравляя Левского с благополучным возвращением, предостерегает его от поездок, связанных с большим риском, советует ему беречь себя, «потому что таких, как я и мне подобных, легко найти, а такого, как ты, не найдешь никогда».

Через несколько дней, видимо получив от Левского письмо с возражением против таких советов и такой оценки его личности, Христо Иванов вновь требует от Левского беречь свою жизнь не для себя, но для народа, для великого дела. Советует в опасные места не ехать самому, а посылать достойных людей. «У нас есть люди, которые смогут выполнить данное им поручение. Их только надо научить, как это сделать. От вас же ожидают больших дел».

Левский и сам понимает, что он не имеет права на чрезмерный риск. Но что делать? Один помощник погиб, другой не пригоден. А потому приходится всюду поспевать одному: Бухарестская конференция вызвала большой подъем, комитеты запрашивают подробности, ждут инструкции. Надо, если не побывать самому, то

хотя бы своевременно ответить, отослать свежееотпечатанный экземпляр нового устава, поздравить вновь вступающих в ряды борцов. Левского радуют известия, что организация растет, крепнет. Из города Врацы сообщили: «Наше дело идет вперед, и со времени получения устава мы приобрели пять человек, теперь нас стало пятнадцать». В городе образован революционный комитет.

Хорошие вести идут из Русе. Этот крупный придунайский город, наконец, стал тем вторым центром связи с Румынией, который так хотелось создать Левскому. Через Русе переправил он в Болгарию отпечатанный им в типографии Каравелова новый устав. Никола Обретенов, известный русенский революционер, рассказал, как это было проделано:

— В конце июня, когда устав был готов, Левский сам привез его в Гюргево и вызвал меня. Он передал мне все это, а также ружье, саблю, военную форму и попросил переправить в Болгарию.

Багаж был большой. Один я не мог его перенести, а потому поднял на ноги всю комитетскую почту, которая состояла из моей матери, бабушки Тонки, сестры Петраны, матери Димитра Горова, бабушки Станки, и Тодорки Петковой Маризчиевой, по прозвищу «Длиннокосая». Но для скрытной переноски длинного ружья нужен был высокий человек, и мы пригласили из Бухареста Наталию Каравелову, как наиболее подходящую для этой цели. Она была худа и высока. Женщины навязали на себя под платье разные бумаги. Наталия Каравелова перекинула за плечо ружье и саблю, привязанные на веревке так, что они вытянулись вдоль тела, а поверх надела широкое летнее пальто. Так мы всей компанией двинулись к Дунаю, чтобы на специально нанятой лодке переплыть в Русе. В лодке Каравелова должна была стоять — ружье не позволяло сесть. Лодочник несколько раз предлагал ей место.

Чтобы не вызвать подозрения, мать моя объяснила лодочнику на турецком языке, что госпожа любит глядеть на Дунай, потому и не хочет сесть.

К сошедшим на берег женщинам подошел полицейский пристав русенского порта, знавший бабушку Тонку, чей дом стоит у самого Дуная. «Бабушка, почему с тобой такая орава?» — спросил он мою мать. Та не растерялась и, дав женщинам знак идти в ее дом, сама задержалась около пристава. «Разве не знаешь, что у меня есть дочь, что она просватана за одного молодого человека из Гюргева. Эти женщины приехали на помолвку. Пожалуйста, приходите к нам выпить вместе кофе, как полагается по нашему обычаю». Турок удовлетворился ответом. Едва мы успели все поспрятать, как явился гость — полицейский пристав. Угостившись кофе и ракией, он ушел. Вскоре ушли и гюргевские женщины, осталась только Наталия Каравелова, которая поранила себе плечо веревкой от ружья. Утром я нанял подводу, погрузил на нее опасный багаж. Какой-то турецкий чиновник попросил его подвезти, я, конечно, согласился. В таком сопровождении я и въехал благополучно в Тырново.

Семья Обретеновых! Нет такой страницы в истории борьбы болгарского народа за последнее десятилетие перед освобождением, на которой не были бы записаны имена представителей этого славного рода и главы его — прославленной болгарки бабушки Тонки.

Никола Обретенов так рассказывает о своей семье:

— Отец мой для своего времени был просвещенным человеком. Он имел связь с Раковским, который как-то проездом через Русе гостил у отца два-три дня. Он говорил с моим отцом о народных делах в присутствии матери. Слова Раковского глубоко запали в сердце ее, и она загорелась желанием работать для освобождения Болгарии.

Отец мой, Тихо Обретенов, по характеру был тихим, добродушным, готовым помочь каждому. Мать моя, Тонка, была веселой, жизнерадостной, неустрашимой, находчивой и очень самостоятельной.

За сорок лет супружеской жизни у наших родителей было двенадцать детей, из коих пятеро умерли еще маленькими. В живых остались пять мальчиков: Ангел, Петр, Танас, Никола, Георгий и две дочери: Петрана и Анастасия. Всех их мать приготовила служению родине.

Его рассказ дополняет Захарий Стоянов, близко знавший семью Обретеновых:

...Все пламенные патриоты, жившие в то время в Русе, как писал он в своих «Записках о болгарских восстаниях», встречались в доме бабушки Тонки, где вместе с ее сыновьями Ангелом и Петром учились владеть оружием. В 1868 году Ангел и Петр вступили в чету Хаджи Димитра и Стефана Караджи. Проводив их, бабушка Тонка целыми днями простаивала на берегу Дуная, не проплывет ли на каком судне отряд Хаджи Димитра, не удастся ли в последний раз повидать сынов. Но все напрасно. Вскоре пришла весть, что чета разгромлена, а как подтверждение — в Русе принесли голову Стефана Мешо, товарища ее сыновей.

Прошло еще несколько дней, а в Русе все еще приносили окровавленные головы повстанцев, привели и нескольких живых, закованных в цепи, и начали вешать на русенских улицах. Бабушка Тонка многих узнала. Но о сыновьях сведений не получила. Она предпочла бы услышать, что ее сыновья растерзаны горными орлами, чем увидеть их в Русе живыми, но пленными. Спустя еще несколько дней в Русе пригнали толпу пленных и в их числе старшего сына Ангела. Почти все они были ранены. Петр пал на поле боя, и только голову его принесли в Тырново.

Пленных судили и приговорили к смертной казни, но затем заменили ее пожизненным заключением в

далекой и страшной крепости.

Так бабушка Тонка отдала двоих сыновей, двух молодых соколов, этому движению, немало прославившему болгарский народ.

Вслед за первой бедой пришла вторая. Глава семьи Тихо Обретенов вел торговые дела с одним из русенских мироедов — чорбаджиев. Однажды он пошел к своему компаньону, чтобы разобраться в счетах, вечером возвратился и ночью умер. Чорбаджи отравил Обретенова, чтобы присвоить его имущество. Но и в то трудное время бабушка Тонка не забывала о погибших за родину. Повешенные четники были похоронены за городом, могилы их обросли бурьяном, и никто о них не заботился. Это беспокоило бабушку Тонку. И вот вскоре на каждой могиле появилась каменная плита, на которой начертано имя погребенного и за что он отдал жизнь. Надгробные плиты были изготовлены по заказу бабушки Тонки.

Настоящие большие дела открылись перед бабушкой Тонкой, когда за организацию революционного движения взялся Левский. Первое заседание созданного в Русе комитета состоялось в ее доме.

По словам участников заседания, рассказывает Захарий Стоянов, старуха в тот вечер была сама не своя. Она то и дело выходила к молодым патриотам, чтобы послушать, о чем они говорят, ободряла их в святом начинании, потом выходила из дома и бродила вокруг ограды, опасаясь, не подслушивает ли кто-нибудь. Она радовалась, что два ее сына пострадали не напрасно.

С того дня она, не колеблясь, принимала участие во всех народных делах.

Новый комитет сообщил бабушке Тонке, что в ее дом будут приносить некоторые вещи, которые необходимо хранить очень тщательно, и она тотчас же занялась устройством тайника. Для этого под одной из комнат ее дома вырыли подвал. В ограде двора сделали несколько

калиток, выходящих в разные стороны, чтобы в случае налета полиции укрывшиеся в доме революционеры могли бежать.

Вместе с матерью работали и все ее оставшиеся дети. Сына Георгия комитет в предвидении будущей революции командировал в Одесское военное училище. Никола стал руководителем Русенекского комитета и курьером БРЦК. Старшая дочь Петраша доставляла комитетскую почту. Танас охранял комитетское имущество, встречал лодочников и принимал от них то, что они привозили «с той стороны».

Веселого нрава была бабушка Тонка, охотница пошутить и посмеяться. Это не раз выручало ее. Случалось, что турки угрожали ей виселицей за то, что «четырех сыновей отдала в комитет», а она, старая женщина, как ни в чем не бывало весело отвечала им:

— Эти сыновья у меня непутевые вышли. Но погодите, вот выйду замуж, уже я тогда постараюсь не рожать врагов султану.

Ничто не сломило эту сильную женщину. В 1876 году она потеряла еще двух сыновей: Георгия, военного руководителя отряда повстанцев, зарезали турки; Николу, участника четы Христо Ботева, турки схватили живым, судили и приговорили к пожизненному заключению. Провожая Николу на страшную турецкую каторгу, где уже томился другой ее сын, эта патриотка говорила:

— У меня четыре сына в могиле: два мертвых, два полумертвых [\[56\]](#), но будь у меня их еще четыре, я не пожалела бы отдать и их, лишь бы увидеть, как они несут знамя восстания, знамя свободы.

Такова бабушка Тонка, эта болгарская мать, которая приняла живое участие во всех народных приготовлениях к освобождению своей родины. Она была едва ли не единственной болгаркой, оказавшей такую большую помощь нашему революционному делу,

— так заканчивал рассказ о ней свидетель тех событий Захарий Стоянов.

Много наслышался Левский о семье Обретеновых. Видел он ее сынов в белградской легии и в чете Хаджи Димитра, с одним, с Николой, самому довелось работать. И вот он едет в Русе, чтобы ближе познакомиться с Обретеновыми, их друзьями и соратниками.

Дом Обретеновых стоит над самым Дунаем. Двор опрятный, чистый, окружен каменной стеной и высокими акациями. В восточной его стороне — фруктовый сад: сливы, груши, яблоки, между ними виноградные лозы. Северная часть двора висит обрывисто над Дунаем. Если человек сойдет здесь на берег, то никто его не увидит, берег скроет его. В западном углу двора в каменной стене деревянная калитка, от которой вьется крутая тропинка к самому Дунаю.

У входа в дом Левского встретила пожилая и очень полная женщина. Левский поцеловал ей руку, как это делают в Болгарии, здороваясь со старым человеком, она поцеловала его в голову и перекрестила.

— Добро пожаловать! — приветствовала она гостя и повела его в дом.

Дом небольшой — четыре комнатки и балкончик, с которого видна раскинувшаяся за Дунаем румынская земля.

— Вот видишь, где я живу, а для тебя приготовлен другой уголок. Иди за мной, сынок.

В передней они подошли к люку, устроенному в полу. Когда люк закрыт, нельзя догадаться, что здесь ход в подвал, так как крышка люка казалась наглухо забитой гвоздями, на самом же деле гвозди были обрезаны и от них остались только шляпки.

Левский вслед за хозяйкой спустился по узкой лесенке и оказался в довольно просторной комнате, красиво убранной домотканым рядом. Посреди

комнаты стоял стол, над ним висел светильник, у стены широкая лавка для спанья.

— Вот здесь можешь жить и работать. Тихо и спокойно...

Никола и Танас познакомили Левского со своим хозяйством. Подвели они его к крутому обрыву. Внизу, искрясь в лучах заходящего солнца, бежал Дунай.

— Здесь наш порт. Бабка наша организовала транспорт не хуже, чем у местной австрийской пароходной компании. На нее работают не только румынские лодочники, но и турки, даже машинист турецкого пароходика «Сейре», друг и приятель самого портового пристава. Нашей румынской флотилией командует лодочник Димитр, славный болгарин. Когда он везет из Румынии что-либо для нас «промокаемое», то поднимает на лодке вышитый платок. Это значит, что я должен идти на пристань и там получить от него привезенное. Если же он вез оружие, то лодка приближалась к нашему берегу, Димитр спускал в воду груз, просигнализовав нам об этом все тем же платком, и плыл как обычно к пристани. Когда смеркалось, Танас спускался в реку с веревкой, привязывал оружие, а мы, находившиеся в укрытии под деревом, вытаскивали его во двор. Здесь чистили, смазывали и передавали матери на хранение.

В тот вечер в доме над Дунаем былолюднее, чем обычно. В его уютных комнатках веселилась молодежь — подруги сестер Обретеновых и товарищи их братьев, а внизу, в подвале, пользуясь гулянкой как маскировкой, Левский вел заседание комитета. И только неугомонная хозяйка не знала покоя: она так и сновала от дома к улице, прислушивалась, вглядывалась.

Допоздна засиделся Левский. Дом давно опустел. А утром, с первым рейсом «Сейре», в Джурджу, на румынский берег, отправилась Петра Обретенова. Там она пойдет к владельцу фабрики свечей и мыла Димитру

Горову, человеку положительному, пользующемуся большим кредитом, что в торговой среде равно большому доверию. И лишь только избранные знают, что в здании фабрики, где находится и квартира владельца, существует тайная почтовая станция, а также приют для путешественников из Болгарии в Бухарест по комитетским делам. Здесь Петрана сдаст полученное от Левского, возьмет бухарестскую почту для него и возвратится в Русе. Часто Петрана возвращается не одна; с ней или знакомая дама, или молоденькая Иванка, сестра Ангела Кынчева, невеста фабриканта Горова.

Одну из таких поездок описал Стоян Займов в своей книге «Минувшее».

...На Гюргевской пристани пассажиры ожидали вечернего парохода в Русе. В буфете за столиком сидели две дамы в модных турнюрах и мужчина в цилиндре. Господин этот — болгарин, родом из Пештеры, одна дама — из Русе, другая — из Казанлыка. Дама из Казанлыка — высокого роста, статная, черноглазая, с правильными чертами лица. На голове у нее пышные волосы. Если распустить их, закроют они хозяйку с головы до пят. Это Тодорка Маризчиева, по прозвищу «Длиннокосая».

Другая дама худенькая, симпатичная, маленькая, подвижная — это дочь бабушки Тонки, Петрана, по прозвищу «Пелтека» («Заика»). Обе они специальные курьеры БРЦК.

Господин, который сопровождает дам, среднего роста, розовощекий молодой человек, элегантно одетый. Он веселит своих дам любезными разговорами. У него в Гюргеве собственная фабрика. Это Димитр Горов.

Подошел пароходик, и дамы, распрощавшись с милым господином, взошли на борт.

Через двадцать минут обе дамы в Русе. Пройдя по берегу, они по тропке поднялись в дом, одиноко

стоящий над Дунаем. Здесь повынимали из турнюров опасную почту. Люди, находившиеся в подвале, рассортировали ее по адресам. А утром из дома вышел молодой человек, почтовый чиновник с железной дороги Русе — Варна. В карманах его — письма, которые привезли дамы. Почтовый чиновник отправит их по конспиративным адресам. Часть почты отвезет Никола в Тырново, а сестра его Пелтека — на пароходе в Свиштов. Так за несколько дней почта проникнет во все уголки Болгарии.

У Левского были все основания остаться довольным работой Русенского комитета. Как видно, и ему самому удалось установить дополнительные и очень важные связи. Данаил Попов вскоре сообщил Каравелову, что Левский поручил ему пересылать газету «Свобода» через русское консульство в городе Русе, откуда удобно получать газету и пересылать в глубь Болгарии.

В Русе Левский получил письма с серьезным предупреждением. Из Тетевенского комитета ему сообщали: «Товар, который вы имеете намерение получить в нашем селе, сейчас не время брать, потому что он очень дорог, а когда он станет дешевле, то мы сообщим вам вторым письмом. Тогда приедете и возьмете, а сейчас оставайтесь там, где в настоящее время находитесь».

Еще прямее писал из Этрополе Тодор Пеев: «После известного вам приключения начались строгие преследования, полицейские и переодетые шпионы ходят по селам... Я написал местным комитетам, чтобы были осторожнее. Поэтому, брат наш, всякое ваше передвижение может быть опасным и для нашего народного дела и для вас. Вы должны потерпеть и оставаться там, где сейчас находитесь».

Необходимость изыскивать деньги любым способом и охранять организацию от предателей привела летом

1872 года к усилению революционного террора. Устав, принятый в Бухаресте, давал Центральному комитету полную свободу в выборе способов добычи денег и предвидел смертные приговоры всем, кто «захочет помешать делу каким бы то ни было путем».

Сразу же после возвращения в Болгарию Левский известил Каравелова о своем решении «убрать» двух предателей: Величко Семеонова и дьякона Паисия, причем начнет он «с черной головы», то есть с дьякона.

21 июля Димитр Обшти по приговору революционного комитета убил Паисия. За пять дней до этого в Лясковце был уничтожен другой предатель. Власти насторожились. Начались те самые строгости и преследования, о которых извещал Т. Пеев Левского. Левский понимал, с каким риском связан террор, но обойтись без него он уже не мог. Больше того, острая нужда в деньгах на приобретение оружия вынудила его лично совершить террористический акт. Левский пробрался в дом ловечского богача, желая изъять у него деньги, а самого его умертвить. Но обстоятельства сложились так, что пострадал слуга, бросившийся защищать хозяйское добро. «Жаль было невинного парня, — писал потом Левский Каравелову, — но иначе поступить было нельзя. Много невинных людей пострадает, пока мы достигнем цели».

Положение в связи с усилением террора явно осложнялось. Некоторые комитеты охватила тревога, растерянность. Поездки становились все более опасными. Но, как всегда бывает, отрицательное несет в себе и элементы положительного. Затруднения, вызванные ростом репрессий и настороженности властей, побудили искать новые формы работы. Толкали к этому и другие причины.

Решения Бухарестской конференции вызвали сильный подъем революционного движения. Новые комитеты возникали во всех уголках страны. Вся

тяжесть руководства комитетской сетью лежала на Левском как на единственном представителе Центрального комитета. Справиться с этим ему становилось не под силу. Сначала он пытался выйти из положения, подобрав себе помощников и назначив уполномоченных по группам комитетов. Но из этого ничего не получилось: Кынчев погиб, Обшти своими самостоятельными действиями причинял только вред, Христо Иванов испугался при первой опасности. К тому же система руководства через уполномоченных была очень уязвима. Появление в маленьком городе, особенно селе, постороннего человека, каким являлся уполномоченный, — становилось сразу заметным. Они легко могли попасть в руки властей. Да поездки уполномоченных стоили денег, которых у организации всегда не хватало.

Все эти причины продиктовали Левскому решение перестроить комитетскую сеть. С осени 1872 года он приступил к созданию революционных округов «для более легкого, менее обременительного в материальном отношении и более надежного способа связи с местными комитетами».

На окружные центры возлагалось руководство деятельностью местных комитетов и представительство их перед Центральным комитетом. «Вы, члены окружного комитета, — писал Левский, — будете назначать способных работников для связи маленьких городов и сел с вашим округом».

Во главе местных комитетов теперь ставился не только председатель, но и «главнокомандующий юнак», то есть военный руководитель. Местные революционные комитеты получали больше самостоятельности.

Первым был учрежден Орханийский округ, где уполномоченным ЦК числился Обшти. Левский поспешил это сделать, чтобы устранить вредное влияние Обшти на орханийские комитеты. С созданием окружного центра

должность уполномоченного автоматически упразднялась.

Новая организационная форма, введенная Левским, просуществовала до Апрельского восстания 1876 года.

В последние месяцы Левского все чаще тревожили мысли о судьбе дела в случае его гибели. Он понимал всю опасность своего положения. «Нет села, нет постоянного двора, такой дороги, куда бы турки не послали своих людей для слежки», — писал он Каравелову в сентябре 1872 года.

Нужен человек, которого надо заранее готовить к принятию большого дела. Но такого человека около Левского пока нет. «Встречается человек — пригоден он для одной работы, но не пригоден для другой, встречается решительный, но не рассудительный, а если рассудительный — то трусливый, страх не позволит ему сделать и шага вперед, а в таком случае может и налаженное дело пойти прахом».

Он считает, что работу можно доверить только таким людям, «которые рассудительны, постоянны в своих взглядах и поступках, бесстрашны и великодушны, беззаветно преданы делу. Ни одно из этих качеств не должно отсутствовать у руководителя. Считаю своей обязанностью все это сказать, так как могу всякую минуту быть схваченным и убитым», — так заканчивал он свое письмо Любену Каравелову.

Но опасность пришла с другой стороны, из своих рядов.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Ошибка подобна снежной лавине. Непредупрежденная или неисправленная вовремя, она тащит за собой другую, растет, умножается и, наконец,

обрушивается. И тогда размеры катастрофы невозможно предугадать.

Легкомысленное назначение Димитра Обшти помощником Левского внесло в организацию недисциплинированность, авантюризм, болтливость, интриги, то есть те качества, которые для революционного дела гибели подобны.

К голосу Левского своевременно не прислушались. Обшти оставили на работе, для которой он не был пригоден.

Ошибка, раз совершенная, стала расти.

Возвратившись в июне 1872 года с конференции из Бухареста, Левский писал из Ловеча Каравелову:

«Димитра Обшти мы освободим от службы как неспособного. В тех местах, куда он был направлен только для наблюдения за местными комитетами и понуждения их к более энергичной работе, а также для предоставления время от времени отчета об их деятельности, он вышел за границы своих полномочий. Как я убедился, зная при том его характер, он позволял себе бахвальство и ложь. Если бы это делалось только среди своих людей, то еще кое как это терпимо, но он в корчмах говорил всем без разбора людям: «Эй, братья, покупайте оружие, так как летом, да будет вам известно, произойдет что-то». То тут, то там лгал, что им уже перевезена тысяча тысяч ружей. Очень скоро это дошло до ушей турецкой власти, которая узнала и его имя, и на каком коне ездит, и теперь всюду его ищут. Власть передела своих людей в болгарскую одежду, которые выдают себя за народных деятелей и говорят, что они посланы из Румынии для встречи с Димитром Обшти. Члены некоторых комитетов требуют: «Уберите Димитра Обшти из наших мест, и его писаря тоже, иначе мы отказываемся работать». Вот что я застал в Болгарии.

О Д. Обшти я давно уже говорил, что он не годится для самостоятельной работы, что его надо держать на поводу, но в Ловечском комитете большинство высказалось за него, за оставление его на этой должности».

По приезде в Болгарию Левский вызвал в Ловеч всех уполномоченных, чтобы они принесли присягу согласно новому уставу и получили новые полномочия. Обшти не явился.

«Я был сердит, что Левский не взял меня с собой в Бухарест. А потому я ответил: пришли мне бумаги или приходи сам», — так позже на суде объяснял Обшти свое поведение.

Обшти требовал для себя полномочия на работу в Македонии. Не получив этого, Обшти пригрозил, что он не будет вносить комитетские деньги Левскому, и дал такое указание ряду местных комитетов. Он стал вскрывать его письма, перехватывать комитетскую почту, интриговать против Левского, сеять раздоры.

Левский пытался вразумить своего помощника добрыми советами, надеялся, что он, наконец, поймет свое заблуждение. За свои дела, писал Левский Данаилу Попову, Обшти заслужил самого тяжелого наказания — смерти. «Но Димитр не предатель, он бестолков, чванлив и болтает о делах, не думая, к чему это приведет. Язык его, сколько ему ни говорите, не понимается. Если он и делал что-нибудь хорошее, то тысячу раз портил сделанное».

Усилия Левского урегулировать отношения с Обшти ничего не дали. Тот продолжал гнуть свою линию. К нему примкнул другой мелкий честолюбец — Анастас Хинов. Создалась угроза, что эти люди своими интригами и своевольными действиями нарушат единство в организации, что своей болтливостью и бахвальством они предадут организацию в руки врагов.

В этих условиях Левский поставил перед Центральным революционным комитетом в Бухаресте вопрос: либо Обшти и его единомышленники должны быть обузданы, либо он, Левский, вернет свой мандат и будет работать в революционной организации под руководством того лица, которое будет избрано большинством.

Центральный комитет решительно встал на сторону Левского. В Болгарию был послан специальный уполномоченный с заданием пресечь распри.

В письме, которое он вез, Центральный комитет приказывал: «Дьякон будет начальником, и тот, кто не слушается его, пусть займется своими делами», то есть будет устранен из организации.

Но было уже поздно. Катастрофа разразилась раньше, и ее уже ничем нельзя было приостановить.

С благой целью добыть деньги Димитр Обшти решился совершить нападение на турецкую почту.

Мысль эту, по показанию самого Обшти на суде, подсказал ему тетевенский чорбаджи и председатель местного комитета хаджи Станю Станчев. Когда Обшти попросил у него денег, тот сказал:

— Ты всякий раз говоришь: деньги, деньги! Из Орхание часто отправляют турецкую казну. Напади на нее, если ты храбрец!

Так просто завязалось дело, далеко идущие последствия которого тогда никто не предвидел.

Левский, узнав об этом, немедленно передал через доверенного человека строгое распоряжение Обшти не нападать на почту. Принципиально Левский не возражал против захвата турецкой почты, он и сам проектировал такой акт, зная, что только таким путем можно обеспечить организацию солидной суммой денег. Но, сознавая опасность, которая крылась в подобной экспроприации, он считал возможным осуществить ее только после того, как будет завершено создание

революционной организации, и то с помощью строго подобранных лиц. Трезвый расчет подсказывал необходимость не дразнить турецкие власти, пока народ полностью не готов к революции.

Вот почему Левский предложил Обшти «не нападать в настоящее время на почту, пока мы свои дела не приведем в порядок». Но Обшти «как во всем, так и в этом не послушался».

22 сентября в теснинах Арабаконакского прохода через Стара Планину Обшти со своей четой совершил нападение на турецкую почту.

На первых порах турецкие поиски шли в ложном направлении. Поначалу власти считали, что ограбление совершили «албанцы, которые в те дни возвращались в родные места», затем заподозрили «уволенных со службы турецких солдат». Так прошел месяц, в течение которого можно было бы если не окончательно спрятать концы в воду, то, во всяком случае, еще больше запутать поиски. Но ни организатор, ни участники экспроприации не оказались на это способными. Наоборот, их легкомыслие и болтливость помогли властям обнаружить истинных виновников. Не обошлось и без предательства. Первых двух соучастников налета выдали болгары — тайные турецкие агенты. Остальное довершили жестокие пытки, к которым турецкие следственные органы всегда прибегали в делах с болгарами.

В одном из писем того времени рассказывается, как шли поиски:

«...Турки врывались в дом заподозренных. Начинался допрос со зверским избиением. Болгары молчали. Одна из жен, увидев, что ее мужа пытаются раскаленным железом, стала кричать, чтобы его оставили, не мучили, что виновен не он, а другие, и назвала их. Так турки узнали о двух участниках и пошли в их дом. Здесь началось дознание теми же методами. Жена одного из

несчастных, увидев, что мужу грозит смертельная опасность, стала умолять его сказать, что он знает. Чтобы заставить ее молчать, муж бросился на нее с ножом. Но турки успели ее прикрыть».

«Некоторых, — сообщает автор того же письма, — выдали чорбаджии-предатели: хаджи Паков — первейший турецкий холуй, Пеко хаджи Георгиев — турецкий блюдолиз, брат его Тако, который помог туркам изловить десять наших людей — один из них умер в тюрьме, второй сошел с ума, других отпустили после долгих мук».

Так власти добрались и до организатора ограбления почты, находившегося в Тетевене. Перепуганные тетевенские соучастники Димитра Обшти потребовали от него, чтобы он немедленно выбрался из их города. Переодетый в женское платье Обшти, покинутый друзьями, бежал ночью из Тетевена. Но полиция уже шла по его следу. 27 октября его схватили сонного на постоялом дворе в селе Черикове.

Не искушенные в политической борьбе, деморализованные угрозами и пытками, охваченные страхом за свою участь, арестованные выдавали друг друга.

Димитр Обшти, как после процесса писала выходившая в Стамбуле газета «Право», чтобы смягчить ответственность и ввести следственные органы в заблуждение, решил впутать в дело огромное количество людей. С этой целью он не только выдал своих соучастников, но и оклеветал многих других, которые о деле не имели никакого понятия. Не удовлетворившись этим, он стал уговаривать всех попадавших в тюрьму называть как можно больше новых людей, ибо только таким образом можно и самим спастись и пользу народу принести. Следуя его советам, его близкие приверженцы говорили не только о том, что они знают, но и подтверждали то, чего не знают.

Такой тактикой впутывания в дело как можно большего числа лиц и широкого самопризнания арестованные преследовали и другую цель: сбросить с себя обвинение, что они действовали как простые грабители, придать делу политический характер.

Такой путь, естественно, привел к выдаче турецким властям всей революционной организации, ее планов, ее деятелей.

1 ноября управитель Софийской области мютесариф Мазхар-паша известил великого визиря, что все участники ограбления почты пойманы, а из ста двадцати тысяч грошей, взятых при нападении, уже найдены сто пятнадцать тысяч.

К концу ноября турецкие власти раскрыли комитетскую сеть ряда районов северной Болгарии и изловили почти всех тамошних революционных деятелей.

Оставалось поймать руководителя организации. Турки теперь не сомневались, что они добьются и этого.

Министр внутренних дел 1 декабря сообщил губернатору Дунайского вилайета: «Комитет бунтовщиков будет извлечен на свет вместе с арестами похитителей государственных ценностей... Вы прилагайте больше усилий и положительно ожидайте поимку главы бунтовщиков Васи́ла Левского, который выехал в Пловдивскую и Казанлыкскую околии. Всем паспортным чиновникам отправлена захваченная фотография Левского, чтобы он не прошел незамеченным и был арестован».

А пока власти готовились судить участников ограбления почты, министр внутренних дел в докладе великому визирю требовал «показать свою мощь и решимость наказать тех, кто находится в руках государства». Совет министров создал чрезвычайный суд в составе: генерала Али Саиб-паши — председателя государственного совета, майора Шакир-бея — офицера

генерального штаба и Хаджи Иванчо Пенчовича — члена государственного совета, того самого болгарина, в доме которого несколько дней жил Левский, находясь в Константинополе.

Власти располагали точными сведениями о пребывании Левского. Он действительно в это время объезжал комитеты Среднегорья и Фракии.

Известие о нападении на почту и начавшихся арестах насторожило его, но не приостановило начатой работы по перестройке организации. В октябре—ноябре он создает революционные округа в Пазарджике, Стара-Загоре, Сливене, Тырнове. Он, как и прежде, ездит по комитетам, видимо желая своим собственным примером внушить людям не поддаваться страхам, продолжать, несмотря ни на что, свое дело.

Его видели на юге, в Хаскове, куда он приехал как торговец птицей, и в старопланинском городке Котеле, в доме сестры Раковского. Здесь он произнес речь во вновь созданном комитете, и «слова его, — говорил один из присутствовавших, — падали в наши души, и мы исполнялись веры в нашу силу, в то, что близок день освобождения».

Он стремится противопоставить деморализующим слухам точную информацию о происходящем, поддержать в людях бодрость и волю к борьбе. С этой целью он посылает в окружные центры своего человека.

«Братья! — пишет он орханийцам. — Окажите доверие словам посланца моего. Он специально послан в Софию, чтобы точно разобраться во всем, что там произошло, а затем отправиться к вам и рассказать вам, а вы, в свою очередь, осведомите другие местные комитеты, вдохновите их идти вперед, не теряя смелости... Подателю сего письма расскажите, как идут дела у вас, он сообщит об этом в другие окружные

центры, которые, в свою очередь, известят обо всем свои местные комитеты».

Иное настроение было в Бухаресте. Оттуда на вести из Болгарии откликнулись поспешным предложением спасти положение любой ценой. «Употребите все свои силы, чтобы вырвать из турецких рук заключенных», — говорилось в письме Каравелова Левскому. На другой день членам БРЦК в Бухаресте показалось этого мало, и они потребовали от Левского поднять восстание.

Но, видимо не надеясь, что Левский примет этот совет, Каравелов следом отправил письмо эмигранту Живкову в Джурджу, в котором прямо заявил, что «если наши из Румынии не выедут в Болгарию, чтобы поднять народ», то все погибнет.

В этом письме излагаются и соображения, которые заставили БРЦК принять решение о немедленном объявлении восстания:

«Если наши не поднимут народ, который отчасти готов, но без приказа не смеет ничего сделать, то враги будут мучить, судить и наказывать людей не как политических преступников, а как простых разбойников. Это одно несчастье, но есть еще два других: вторым является то, что мы навсегда теряем доверие народа, который после этого мы уже никаким способом не сможем поднять на революцию; третье то, что Европа не примет никакого участия в рассмотрении судебного процесса над столькими несчастными людьми и будет считать, что мы не заслуживаем гражданских прав...

Чтобы не случилось всего этого, надо поднять народ и показать хоть какое-нибудь негодование к презренному тирану».

Поднимать восстание, когда «народ отчасти готов», лишь только для того, чтобы поддержать престиж членов БРЦК; устраивать из восстания демонстрацию «хоть какого-нибудь негодования» с целью снискать сочувствие Европы — на это Левский, конечно, не пошел.

Но чтобы в Бухаресте его не обвинили в самовольном решении такого важного вопроса, Левский предложил революционным комитетам в Болгарии сообщить БРЦК свое мнение.

Ночью 21 ноября заседал Старо-Загорский комитет под председательством Левского. Комитет признал обстановку неблагоприятной для революции. «Как правильно говорит Аслан Дервишоглу, — заявили старозагорцы, — даже самый пустой человек не поверит, что может окончиться успехом такое скоропалительное движение, в то время, когда мы еще совершенно не готовы».

Старо-Загорский комитет переслал свое решение в Сливенский комитет и просил сливенцев сообщить ЦК также и их суждение по этому вопросу. Сливенцы присоединились к мнению старозагорцев.

«...знаете ли вы, — писали они Каравелову, — в каком положении находится наше святое дело, что так неожиданно извещаете о восстании? Если не знаете, то необходимо описать вам положение, чтобы вы правильно строили свои расчеты. Мы не имеем, можно сказать, ни одного нового ружья, а все, которые находятся здесь, старые — половина капсюльные, половина — кремневые... Во-вторых, не имеем денег, и, в-третьих, — толковые начальники отсутствуют».

Не раз обманувшиеся в иностранной помощи сливенцы не верят и сейчас в обещанную БРЦК помощь со стороны Сербии и Черногории. «Нужно вам сказать, что мы не должны ни на кого надеяться, а только на правую руку свою, она нас избавит. Пока не увидим, что Сербия и Черногория схватились с врагом, до тех пор ни шагу не сделаем... Пусть начнут, а когда мы увидим, что они уже воюют, тогда поднимемся и мы, хотя бы с дубинами, косами и топорами».

В конце письма сливенцы заверяют о своей готовности подняться, если к тому будет основательная

причина. «Мы готовы биться, пока в нашем теле есть хоть капля крови и немного силы. Будьте уверены, что болгарин может умирать на боевом поле за свое отечество, но он не имеет Права напрасно проливать свою кровь. Нужно еще не меньше года, чтобы приготовиться».

Решение Старо-Загорского и Сливенского комитетов полностью отражали точку зрения Левского. Он считал, что главное в тех условиях — это спасти организацию, сохранить силы революции. Пойти на немедленное восстание, как того требовали бухарестские деятели, — это значило: для организации — самоубийство, для народа — бесцельное кровопролитие.

1 декабря Левский выехал в Бухарест, чтобы обсудить в членами ЦК положение в Болгарии, довести до их сведения настроение народа и убедить в необходимости временно отложить объявление восстания. Перед отъездом он написал в Пазарджикский комитет: «Я отправляюсь, чтобы встретиться с другими членами Центрального комитета, и позабочусь, чтобы дело оказалось в наилучшем порядке. Мои слова перед членами комитета будут соотноситься с интересами народа Болгарии, который всегда и во всем, что относится к успеху нашей революции, стоит у меня перед глазами».

...Где ночью, где днем пробирался он от села к селу, гонимый и желанный. Опасность караулила на каждом шагу. Шпионы тайные и явные рыскали по следу. Голова его уже оценена в пятьдесят тысяч грошей. Трудно нести на плечах такую дорогую голову.

Видно, не может человек, даже если грозит ему большая беда, пройти мимо родного гнезда. Много путей из южной Болгарии в северную. Но для него была одна дорога: через Карлово, где отчий дом, где мать и первые друзья.

...Холодный ветреный декабрьский вечер. Город точно вымер. Окна наглухо закрыты, не видно нигде огонька. Тишину пустынных улиц изредка нарушали шаги полицейских. Болгары сидели по домам — после нападения на почту турки возбуждены, в Карлове ждали арестов.

У широкой двери дома известного в Карлове доктора Киро Попова остановился человек в. простой одежде и с турецким фесом на голове. Оглядевшись, он, постучал.

— Кто? — раздался из дома испуганный девичий голос.

— Пришел за доктором для больного.

— Кто меня ищет в такую пору? — тревожно спросил доктор. Открыв дверь, он в темноте двора увидел человека', который быстрым движением поднял к своему лицу фонарь.

— Ты? — чуть слышно промолвил доктор, всплеснув руками.

— Я.

— Скорее заходи...

В этом доме давно знали ночного пришельца. Бывал он здесь мальчонкой, когда учился церковному пению у Райно Поповича, старого владельца дома. И много лет спустя не забывал он дороги сюда. Новые владельцы дома: дочь старого учителя Елизавета, ее муж доктор Киро Попов и брат его Костадин — были так близки ему по духу и цели жизни.

Обычно живой, веселый, гость в ту ночь был очень озабочен. Он говорил о падении духа в некоторых комитетах после ареста Обшти, расспрашивал о настроениях в здешних местах. Сказал, что едет в Бухарест, что надеется устроить дело наилучшим образом так, чтобы не проиграл народ. Говорил, что его беспокоит положение в Ловече, что там страх вызвал предательство, предательство породило панику. Открыл

свое намерение заехать в Ловеч, чтобы ободрить растерявшихся, спасти комитетские деньги и архив.

Друзья отговаривали его:

— Ты удачливый человек, Васил. Много раз судьба спасала тебя от смерти. Но на этот раз не доверяйся слепой судьбе. В Ловече все горит. Нельзя рисковать. Тебе путь туда закрыт...

Но Левский был неумолим.

— Что делать? — говорил он. — Меня всюду преследуют, не бросать же из-за этого работу. Я должен там быть...

В полночь Левский покинул дом Поповых.

— Супруг мой, брат его и я вышли проводить его до ворот. Холодный ветер свистел на улицах. Левский попрощался с нами и исчез во мраке ночи. При расставании ни он, ни муж мой не знали, что судьба уготовила им одинаковую участь — мученическую смерть на виселице [\[57\]](#), — рассказывала о той декабрьской ночи Елизавета Попова.

Зимой через забитый глубокими снегами Троянский перевал прошел Левский через Стара Планину. По совету друзей остановился он в селе Колиби, неподалеку от Троянского монастыря, у деда Найдена, «одного из самых горячих последователей Левского в этом крае». В одну из ночей сюда прибыли члены Троянского комитета и заседали до зари. Решено было, прежде чем отправиться в Ловеч, послать туда специального человека, чтобы на месте узнать, что там делается.

В ожидании известий из Ловеча Левский прожил в Колиби почти две недели.

А в Ловече действительно «все горело». Известие о нападении на почту ошеломило членов Ловечского комитета. Ожидая ответных турецких репрессий, ловчанцы перепугались. Страх парализовал

деятельность комитета. Начались аресты. В конце октября арестовали активнейших деятелей Ловечского комитета Марина Луканова и Димитра Пышкова.

Председателем комитета в Ловече в то время был священник Крыстю: Турки по ошибке вместо него арестовали другого ловечского священника, отца Марина Луканова. Крыстю, человек морально не стойкий, хоть и давно принимавший участие в освободительной борьбе, с этого момента потерял самообладание. Жизнь превратилась для него в постоянный страх ожидания ареста и гибели.

Власти вскоре увидели свою ошибку и, освободив невинного попа Лукана, приказали арестовать попа Крыстю.

18 ноября поздно вечером Крыстю был арестован, но на другой день после ночного допроса, к удивлению всех, освобожден. Вернулся он домой под вечер и только сказал жене: «Оставь меня, моя жизнь кончилась».

Что же произошло в ту ночь?

Ключ к отгадке дал сам Крыстю спустя семь лет. Тогда он признался, что в ту ночь его «зверским образом принуждали выдать все».

Ловечский управитель, ничего не добившись от Марина Луканова и Димитра Пышкова, видимо, решил вырвать у Крыстю нужные показания любой ценой. И это ему удалось. То ли угрозами, то ли истязаниями, то ли обещаниями каких-либо благ ловечскому управителю удалось получить от Крыстю не только признание участия в революционном движении, но и обязательство делать все, что от него потребуется. А требовалось прежде всего помочь турецким властям найти вождя революционной организации — Василя Левского. В этом направлении и стал работать Крыстю вместе с властями Ловеча. Уже через шесть дней деятельность этого предателя была оценена софийским управителем как «крайне похвальная для народа и государства».

До Левского дошел слух, что в Ловече в некоторые дома, в которых он обычно жил, подброшены письма. В них подделанным почерком Левского писалось о том, чтобы комитетскую книгу записей прихода и расхода денег перенесли в указанное в письме место, а остальные документы уничтожили.

Левский догадывался, кто мог это сделать. Он знал, что Крыстю, распоряжаясь комитетскими деньгами, позаимствовал из них некоторую сумму для покупки дома. Левский еще раньше требовал вернуть деньги, но Крыстю сделать этого не мог. Вот почему Левский решил, что автором подметных писем может быть только поп Крыстю, в интересах которого заполучить в свои руки денежные документы комитета.

Предположения подтвердились. Величка Хашнова, в доме которой не раз укрывался Левский, трижды получила письма за подписью Левского с предложением зарыть его корреспонденцию на ее винограднике, куда он за ними придет. Заподозрив недоброе, она и ее муж, получив третье письмо, взяли лукошко, мотыги и отправились на виноградник, будто зарыть архив. Только они начали копать землю, как к ним подошли переодетые в крестьянское платье начальник местной полиции со своей свитой. Найдя в лукошке только лук, полицейские прогнали Хашновых с виноградника. По дороге домой Хашновы увидели прятавшегося в лесочке попа Крыстю. Видимо, и денежная сторона сыграла роль в подлом поступке этого человека.

Узнав обо всем этом, Левский из села Колиби обратился с письмом к членам Ловечского комитета. Он рекомендовал им изъять из рук председателя все тайные комитетские дела, перенести архив из дома Хашновых к Николе Сиркову. В том же письме он разбирал причины, приведшие к катастрофе, без обвиняков, в открытую указывал ошибки самих ловчанцев, поспешивших принять Димитра Обшти и не

пожелавших потом прислушаться к мнению Левского об этом человеке. Он предупреждал их, что они могут быть в любой момент подвергнуты обыску, советовал убрать из своих домов все, что может их скомпрометировать в глазах властей. Но он в то же время предостерегал от паники, требовал не прекращать работы: «Больше смелости! Арестованные — в тюрьме. С этим приходится пока мириться. Оставшиеся на свободе должны помнить о клятве».

Наконец Левский решил, что пора отправиться в Ловеч. 25 декабря он покинул село Колиби и в тот же день был в доме верных своих друзей Марии и Николы Сирковых.

То, что нашел Левский в Ловече, превзошло все его ожидания. Разложение полное, комитет развалился, каждый дрожал за жизнь свою. Оставаться в Ловече нельзя. Сирковы рассказали, что Крыстю часто навещают их и выведывают, приедет ли Левский. Замечали, что следом за Крыстю к дому Сирковых приходили полицейские.

Отправляясь в Ловеч, Левский хотел повидаться с Крыстю и потребовать от него объяснения и в расходовании комитетских денег и в связи с обвинением в предательстве. Он полагал, что Крыстю должен быть или оправдан, или наказан. Но поговорить с Крыстю Левский не смог. Им удалось лишь, как полагают, условиться о встрече в селе Какрине, что стоит на пути из Ловеча в Тырново.

Известно также, что в тот день, когда Левский ушел из Ловеча, в дом Сирковых зашел поп Крыстю и осведомился, не идет ли кто в Тырново, с кем можно переправить письмо в тамошний комитет.

26 декабря в 4 часа дня Левский ушел из Ловеча. Сопроводить его взялся Никола Цветков. Путешествие было продумано до мельчайших подробностей. Первым

по проселочной дороге верхом на коне выехал Никола, цель его поездки — купить в Тырнове медный котел. Чтобы незаметно выйти из города, решили на Севлиевское шоссе выслать погулять мальчишек во главе с младшим братом Марина Луканова, восемнадцатилетним Христо. Ребята резвились, а Христо высматривал, нет ли где турецкой засады. Следом за шумной компанией шел Левский в крестьянской одежде.

За городом, там, где к Севлиевскому шоссе подходит проселочная дорога, по которой выехал Никола Цветков, в те времена стояла корчма. Здесь веселая мальчишеская ватага затеяла возню, а Левский, попрощавшись взглядом с ее вожаком, пошел дальше.

Вскоре Левского догнал Цветков, и они направились вместе. Левский пешком, Цветков — на коне — так ему легче было просматривать дорогу.

— Впереди два всадника, — сказал Цветков.

Левский спокойно свернул с шоссе и пошел к виноградникам. Всадники оказались полицейскими. Они спросили Николу Цветкова, куда он едет.

— В Тырново, на базар.

— А тот?

— Того я не знаю, спросите сами.

Полицейские окликнули Левского:

— Эй, куда идешь?

— На виноградник, посмотреть, сколько удобрения привезли, не обманули ли? — Тут же добавил, обращаясь к полицейскому: — Я тебя знаю. А ты разве меня не знаешь? Я из Ловеча.

Полицейские удовлетворились, и каждый направился в свою сторону.

Уже затемно путники прибыли в село Какрин и остановились переночевать на постоялом дворе Христо Цонева Латинеца, комитетского деятеля.

На постоялом дворе было оченьлюдно. Чтобы не привлекать внимания, Левский с Николой Цветковым

вышли во двор. Ночь была ясная, луна заливала светом заснеженные горные вершины, и они казались точно отлитыми из серебра. Левский долго глядел на большой светлый круг, окаймлявший луну, и сказал:

— Это к дождю.

Зима того года была на редкость теплой и сухой. На равнине с осени и до конца года не выпало ни дождя, ни снега.

Когда вновь вошли в помещение постоянного двора, там уже было свободно. Вскоре разошлись последние, остались только Левский, Цветков да владелец хана. Поужинали, поговорили. Время позднее, ждать больше некого. Решили спать, чтобы еще до рассвета отправиться в Тырново. Христо Латинец должен был проводить их прямыми и скрытыми дорожками, чтобы избежать людного шоссе.

— А пока, — сказал он Николе Цветкову, — ты запри хан, а я пойду в село приготовить к утру коня.

Никола так и сделал, и хан погрузился в тишину. Но вот раздался стук. Никола подумал, что это Христо вернулся, и пошел открывать. Но не успел он дойти до двери, как удары зачастили и кто-то крикнул:

— Открывай дверь, трактирщик!

Никола все понял.

— Полиция! — сказал он Левскому.

Как потом рассказывали жители Какрина, около полуночи по дороге из Ловеча прибыл конный отряд полицейских и расположился в долинке перед селом.

Левский, схватив два пистолета, выскочил через заднюю дверку во двор и бросился к забору. Когда он был уже готов его перескочить, раздались выстрелы. Пулей срезало край уха. Левский заспешил. Оставалось только спрыгнуть с забора и бежать. Но штанина зацепилась за что-то, и он упал лицом вниз. Навалились полицейские, прижали к земле. Сильным рывком

Левский сбросил их с себя, поднялся, но тут же снова был сбит, вторично раненный ножом в ухо и в голову.

Уже светало, когда от постоялого двора тронулась телега. На ней охраняемый полицейскими сидел Левский. За телегой семенили, привязанные к ней, Никола Цветков и Христо Цонев Латинец.

Чтобы удостовериться, Левского ли они арестовали, полицейские, выехав за село, стали жестоко избивать Цветкова. Но он упрямо твердил: «Я не знаю этого человека».

На опустевшем постоялом дворе остался лишь всеми забытый конь Николы. Три дня он стоял голодный, седло сползло под похудевшее брюхо. На четвертый день отвели коня в Ловеч и пустили пастись на окраине города. И никому не пришло в голову «обыскать» коня. Отец Николы, подкупив турка, вернул лошадь к себе на двор и седло забросил на сеновал. Так и пролежало оно там, пока не пришло из тюрьмы известие от Николы, чтобы вскрыли седло, вынули из него документы комитета и передали Сирковым. Так был спасен архив организации.

В Ловече Левского доставили в уездное правление и там заперли. Здесь его навестил поп Крыстю. Поздоровавшись, он спросил:

— Дьякон, как это случилось?

— Что случилось, то случилось, — холодно ответил Левский.

Так, подтвердив, что арестованный действительно Левский, поп Крыстю завершил свое предательство.

В тот же день из Ловеча выехали две телеги, охраняемые двадцатью конными жандармами, и на полной скорости помчались в Тырново, «Повозки с нашими товарищами, — писал современник и биограф Левского Захарий Стоянов, — так быстро мчались, что, мне думается, в Турции до этого ни почта, ни султанский

курьер не преодолевали пространство с большей быстротой».

Неподалеку от Тырнова арестованных посадили в почтовые экипажи. Под конвоем двухсот конных, под бой барабанов Левского и его товарищей ввезли в город. Власти торжествовали: наконец неуловимый глава бунтовщиков в их руках. Сам тырновский мюесариф пожелал говорить с Левским в присутствии членов меджлиса. Вся городская знать пришла посмотреть на того, кто угрожал ее благополучию.

Трижды за день устроили допрос. Ночью, видя бесцельность запирательства, Левский назвал свое имя:

— Я Васил Левский! Меня зовут также Дьяконом.

Но, отвечая на вопрос, чем занимался в Болгарии, он выставил себя лишь скромным защитником соотечественников от экономического гнета со стороны пробравшихся в Турецкую империю европейских спекулянтов:

— Я не разбойник, как вы меня называете, я человек, как и все болгары, с той лишь разницей, что люблю народ свой, а это не является грехом ни для кого. На нашу землю нахлынули разные европейские спекулянты, они мало-помалу завладели Оттоманской империей, ее железными дорогами, фабриками. Из них, из иностранцев, предпочитают набирать докторов, инженеров. А разве нет среди болгар достойных людей? Но правительство их презирает. Это заставило меня пойти в народ, чтобы открыть ему глаза. Правительство, вместо того чтобы помочь мне в этом, стало меня преследовать как разбойника и бунтовщика... А я всего лишь хотел помочь народу прозреть, пока его не закабалили хитрые европейцы. Я хотел даже сам рассказать султану о нуждах народа. Вот какова моя цель. Если это преступление, то поступайте со мной по своему усмотрению.

Левский не терял надежды вырваться из рук врагов. Он попытался создать у них впечатление, что он не посягает на устои турецкого господства в Болгарии, что намерен добиваться улучшения положения своего народа с помощью самого султана, что он не бунтовщик, а всего лишь один из многих болгарских патриотов, которым, равно как и туркам, не нравится иностранное засилие.

Но мютесариф понял маневр и ответил с восточной любезностью:

— Это верно, и мы это видим. Но что делать — такова воля султана... — и лукаво добавил: — А не скажешь ли ты, кто с тобой еще был, кто тебе помогал?

— Весь болгарский народ мне помогал. Со всем народом я работал и никого в отдельности не знаю.

Больше ничего от Левского добиться не смогли.

Пока шел допрос, друзья Левского искали пути к его освобождению. Днем заседал Тырновский комитет. После неудачи связаться с Левским через врача решили ночью поджечь помещение, где находились арестованные. Но сделать этого не смогли.

...Ранним утром фаэтон под большой охраной мчал Левского и двух его друзей в Софию.

Под грохот колес иногда удавалось перекинуться словечком.

— Держитесь крепче. Вас непременно освободят, — говорил Левский Николе Цветкову и Христо Цоневу. — Позаботьтесь тогда о комитетском архиве, передайте его Каравелову.

— А ты как, бай Васил?..

— Моя песня, друзья, спета. Если меня повесят, по крайней мере могила останется в Болгарии, если же сошлют в заточение, то кости мои сгниют на чужбине.

Прыгая на ухабах, стуча и дребезжа, мчится фаэтон. За окном родная земля, поработанная, угнетенная.

Дико гикает стража, сгоняя с дороги случайных прохожих болгар. Перепуганные, они шарахаются в стороны и затем долго и скорбно глядят вслед удаляющемуся экипажу. Они не знают, кого везут, но они знают, кто везет, и это вселяет в их души ужас.

— Господи, спаси душу мученика, — шепчут бескровные губы, и рука сама поднимается, чтобы послать крестное благословение пленнику лютых врагов.

— Пусть хоть в турецкую веру переведут, лишь бы остаться в живых и опять бороться! — вырывается у Левского при виде этих картин и тут же он спокойно добавляет: — Эти аресты замедлят наше дело, но оно не умрет...

На заре 4 января 1873 года Левского привезли в Софию. В тот же день он предстал перед судом.

С повязкой на раненой голове, с цепями на руках, в солдатской шинели, наброшенной на плечи, Левский медленно вошел в зал заседаний, равнодушно скользнул взглядом по лицам судей и сел.

Начался допрос.

— Имя твое, твоего отца, откуда родом, чем занимался?

— Имя мое Васил, отца моего Иван, из Карлова, 36 лет. Занятие мое — облегчать судьбу болгар, и я посещал различные места, чтобы дать людям веру и упование в будущее.

Как и в Тырнове, он пытается отвести внимание судей от основного вопроса, свести дело к недовольству некоторыми социальными порядками в Турецкой империи, и только. Но вскоре он видит, что власти знают больше, чем он предполагал.

Прошло лишь четыре дня, как в Софии закончился судебный процесс по делу о нападении на почту. В ходе его, в результате тактики самопризнания, принятой

Димитром Обшти и его некоторыми единомышленниками, власти получили обширные сведения о революционной организации. Пользуясь этим, судьи пытаются получить от Левского новые подробности, заставить его рассказать то, что известно только ему как главе всего дела.

Принужденный говорить о революционной деятельности, Левский все сводит к личному участию, не раскрывая ни комитетской сети, ни комитетских работников.

Суд хочет узнать, с кем работал Левский.

— Имеешь ли друзей в тех местах, по которым путешествовал, с кем встречался? — спрашивает председатель.

— Не встречался ни с кем, потому что ни с кем не был знаком.

— Странное дело, многие люди тебя знают и встречались с тобой, а ты никого не знаешь?

— Никого не знаю.

— Не знаешь ли сидящего напротив Димитра Обшти?

— Видел его два раза в Румынии, но ездил ли он туда по комитетскому делу — не знаю. В Бухаресте слышал, что ездит некий человек, но что его работа плохая. Но кто этот человек — я не знаю.

— Вместе с Димитром Обшти вы объехали очень много сел, созывали комитетские собрания. Если он об этом скажет тебе в лицо, что ты тогда скажешь?

— Я с этим человеком никуда не ездил.

— Если сюда придут люди, которые ездили с тобой, и скажут тебе в лицо, что вместе созывали комитетские собрания, тогда что ты покажешь?

— Во всяком селе есть комитетский человек, но я их не знаю, потому что согласно устава я не мог их знать.

Усилия суда глубже проникнуть в революционную сеть не увенчались успехом.

Председатель переходит к другому — хочет уяснить роль Центрального комитета, узнать, кто входит в него. Но и это не удастся. Левский говорит все и в то же время ничего.

— Из находившихся в Румынии болгар были избраны шесть человек в комитетский совет. Но имен их я не знаю. Эти шесть человек избрали из своей среды председателя, но я и его не знаю.

Не удалось это, может удастся другое. Председатель суда пытается узнать, как Центральный комитет связывался с местными комитетами.

— Комитет имел в каждом селе и городе курьеров, связь шла через них, — звучит ясный ответ.

Председатель внутренне торжествует — задача наполовину разрешена, и он тут же ставит следующий вопрос:

— Кто эти курьеры?

— Это люди комитетов, я их не знаю.

И опять судебное следствие отброшено на исходные позиции.

В протоколах первого и второго заседаний суд записал, что Левский признал свое участие в революционной работе, свою связь с Бухарестским комитетом и свои поездки по Болгарии по поручению этого комитета. Но, говорится дальше в протоколах, Левский, несмотря на это, заявил, что «он не знает никого из комитетов, даже не знает курьеров, которые переносили его собственные письма».

Судьи прибегают к последнему средству — очной ставке. Вызывается один свидетель за другим. Но Левский отрицает их показания.

Председатель раздраженно бросает Левскому:

— Ты, конечно, знаешь комитетских людей, но продолжаешь отрицать. Хочешь, мы приведем сюда еще сто пятьдесят свидетелей?

И опять слышен все тот же спокойный ответ:

— Я встречался со многими людьми. Но я не знаю, кто из них входил в комитеты, кто — нет. Если бы увидел — узнал бы, но имен не знаю.

В протоколе третьего дня заседания появляется запись: «Он категорически отказался называть какие бы то ни было имена», даже после очных ставок.

Идет четвертый день. Суд упорно добивается своего:

— Кого знаешь в Пловдиве?

— В Пловдиве есть один лекарь, я послал ему письмо, но он не принял...

Председатель взбешен:

— Э, милый человек, мы спрашиваем тебя не о тех, которые не приняли, а о тех, которые приняли. Об этом сейчас тебя спрашиваем! Слышишь?

— Было несколько молодых людей, но имен их я не знаю.

В некоторых случаях Левский называл людей, с которыми работал. Но каждый раз выяснялось, что эти люди либо вне пределов досягаемости для турецких властей, либо уже арестованы.

Этот четвертый день закончен такой записью в протоколе: «После того как все его деяния были раскрыты, и он понял, что уже не может отвечать: «Я не мог знать их имен», не может скрывать истину, он заявил открыто, что не хочет сообщать имена людей, которые не пойманы. Сообщил только о людях Видрарского комитета, о которых знал, что они арестованы».

7 января предпоследнее заседание. Суд не отказался от намерения узнать членов Ловечского Центрального комитета. Добиться этого он хочет очной ставкой с Димитром Обшти. Этот словоохотливый авантюрист называет имена присутствовавших на собрании комитета в Ловече. Судья обращается к Левскому:

— Ты слышал, что сказал Димитр? Что теперь сможешь сказать?

— Меня не было на том собрании, — отвечал Левский.

Обшти кричит:

— Нет! Он был вместе с нами!

Все, что раскрывал Обшти, начисто отрицал Левский.

Обшти не помог, и это ускорило его конец. Еще 14 декабря его приговорили к повешению, но исполнение приговора задержали, имея в виду использовать свидетелем против Левского. Но из этого ничего не вышло. Суду Обшти больше не нужен, и власти, за ненадобностью, отправили его на виселицу.

15 января 1873 года перед рассветом Обшти был повешен. Перед смертью он сказал:

— Эх, обманули меня!

Кто знает, что он хотел этим сказать: то ли жизнь его обманула, то ли власти, пообещав за раскрытие помилование?

А накануне, 14 января, председатель чрезвычайного суда Али Саиб-паша отправил великому визирю в Стамбул такую телеграмму:

«Поскольку установлено, что арестованный в Ловече вождь и организатор мятежа Васил Дьякон Левский побуждал турецких подданных восстать с оружием против государства, что в замысленных смутах он был подстрекателем и руководителем, что произнесенные им речи и опубликованные письма дали конкретные результаты... за все это он осужден, согласно имперского закона, на смерть. Просим издания султанского указа о приведении приговора в исполнение».

22 января султан утвердил приговор.

6 февраля 1873 года на окраине Софии совершилось преступление.

Был Левский повешен.
О, слава герою!
Нет, виселица, не была ты позорной
Для Левского! Встала вершиною горной
Свобода пред ним! И пряма и светла —
Дорога в бессмертье героя вела.

(И. Вазов)

Прошло три года. Дело, которое вел Левский, продолженное Ботевым и другими болгарскими революционерами, завершилось прославленным в веках Апрельским восстанием 1876 года.

Восстание было подавлено неслыханно свирепо.

Военный руководитель восстания Бенковский, глядя с балканских вершин на пламенеющую в огне и крови южную Болгарию, воскликнул:

— Цель достигнута! В сердце тирана открыта такая лютая рана, которая никогда больше не заживет. Слово теперь за Россией!

Он этим хотел сказать, как подчеркивает Димитр Благоев, что восстание и жестокости, которыми турки его потушили, вызовут вмешательство России, что в конечном счете приведет к освобождению Болгарии. И этот расчет, оправдался. Турецкие зверства возмутили совесть передовых людей. В Европе заговорили о нетерпимости турецкого режима на болгарских землях.

В дыму пожарищ, потоках крови занималась свобода. Россия, потрясенная ужасами подавления Апрельского восстания, в 1877 году объявила Турции войну.

Массы болгарского народа поддержали ратный, подвиг своих русских братьев и с их помощью сбросили цепи чужеземного рабства.

Завершилась эта историческая победа в пятую годовщину со дня гибели Васи́ла Ле́вского.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В истории болгарского народа личность и деятельность Ваеила Левского занимают исключительное место.

Василу Левскому принадлежит открытие нового этапа в борьбе за освобождение болгарского народа от чужденационального рабства. Он бросил искру великой идеи, что свободу должен завоевать сам народ, сплотившись вокруг мощной и разветвленной революционной организации. И он сам взялся за осуществление этой идеи. С исполинской энергией он в короткий срок покрыл страну широкой сетью революционных комитетов, заложил основы революционной партии. Эта партия организовала и возглавила борьбу болгарского народа за свое освобождение.

Левский явился не только самым крупным стратегом национальной революции, но вместе с Ботевым и ее величайшим идеологом.

Левский был глубоко убежденным и последовательным революционером-республиканцем. Для него революция — единственный путь к освобождению и спасению народа. Однако он считал, что революция должна освободить народ не только от политического, но и от социального порабощения. Целью Левского являлось — вместе с политической свободой добиться и нового общественного строя, на знамени которого будет начертано: «Святая и чистая республика». Поэтому он боролся не только против турецкого феодального класса, но и против его верных приверженцев — болгарских чорбаджиев, «пьющих народную кровь и предающих его мерзкому мучителю».

Великий реалист, Левский рассчитывал прежде всего на собственные силы народа. Он был убежден, что Россия, «несомненно, поможет нам», но говоря о России, он имел в виду великий русский народ.

К капиталистическим странам Западной Европы, правительства которых поддерживали турецкий феодализм и его политику угнетения и жестокой эксплуатации болгарского народа, Левский относился отрицательно, говоря, что они «поучают против нас».

Пример Левского, созданная им революционная организация подняли новых борцов против тирании. Христо Ботев, Георгий Бенковский, Панайот Волов, Тодор Каблешков и сотни других бесстрашных революционеров продолжили дело Левского. Достигло оно вершины своей в прославленном Апрельском восстании 1876 года, ознаменовавшем собой канун нашего национального освобождения. Русский народ, возмущенный жестокостями подавления восстания, поднялся на помощь своим угнетенным братьям — болгарам.

В 1877 году началась русско-турецкая война, которая и принесла болгарам освобождение. С полным основанием можно сказать, что болгарский народ подготовил свое освобождение от турецкого рабства именно жертвами, которые он принес во время Апрельского восстания, которое было подготовлено и направлялось революционной партией Левского и Ботева.

Болгарский народ не забыл великого дела Левского: создания чистой и святой республики, где бы не было политического и экономического гнета. Подвиг Левского и его заветы вдохновляли болгарских трудящихся в их борьбе под руководством Коммунистической партии в сентябрьские дни 1923 года, когда они впервые поднялись на борьбу с фашизмом, и в последних боях, завершившихся победой 9 сентября 1944 года. В тот

день болгарский народ навсегда взял власть в свои руки и приступил к строительству подлинно народного государства.

Левский вдохновляет нас и в настоящее время, когда мы строим социализм. Он будет вдохновлять и в будущем, когда мы будем строить коммунизм.

Неустранимость в борьбе с врагами, неугасимая энергия в служении народу, большая скромность и нравственная частота, величие его подвига превратили жизнь Левского в миф, в легенду. Имя Левского стало символом народного восстания. Его бессмертная деятельность покрылась вечной славой, а сам он стал олицетворением болгарского народного духа.

Мы с радостью приветствуем книгу А. Стекольников, который поставил себе благородную цель ознакомить советского читателя с жизнью, деятельностью и личностью Васила Левского. В своем труде автор попытался, может быть впервые в Советском Союзе, воссоздать на фоне развития болгарского национального освободительного движения шестидесятых — семидесятых годов XIX века образ Васила Левского — идеолога и руководителя освободительной борьбы болгарского народа против национально-политического и экономического ига феодальной Турции.

Несмотря на неполноту освещения некоторых исторических событий, неизбежного в работе подобного рода, мы глубоко убеждены, что написанная с большой любовью и при весьма углублённом исследовании деятельности Левского, книга А. Стекольников сыграет положительную роль и вызовет у советского читателя интерес к светлой личности Левского, которого Христо Ботев справедливо считал одним из самых замечательных революционеров не только в болгарской, но и во всемирной истории.

ИВАН УНДЖИЕВ, ученый секретарь института Ботева
—Левского Болгарской Академии наук

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. ЛЕВСКОГО

1837, 6 июля— родился в Карлове.

1851 — смерть отца В. Левского, Ивана Кунчева.

1852 — становится послушником монаха.

1855 — учится в Стара-Загоре,

1858 — возвращение в Карлово.

7 декабря — пострижение в монахи под именем Игнатия.

1859 — посвящен в сан дьякона.

1861 — начало революционной деятельности.

1862, 3 марта — уход из Карлова.

Весна — поступает в легию Раковского в Белграде.

1863, весна — возвращение в Болгарию после роспуска легии.

1864, апрель — становится учителем в селе Войнягове.

1866, весна — учитель в селе Эникьое.

1867, апрель — с четой П. Хитова Левский отправляется в Болгарию.

Август — приезд в Белград и поступление во вторую болгарскую легию.

1868, апрель — роспуск второй болгарской легии и возвращение В. Левского в Румынию.

Ноябрь — знакомство с Христо Ботевым.

Декабрь—первая поездка в Болгарию.

1869, май—август — вторая поездка в Болгарию для организации революционных комитетов.

1870, апрель — создан Болгарский революционный центральный комитет.

Май — третья поездка в Болгарию.

Осень — создание в Ловече Центрального комитета революционной организации в Болгарии.

1872, апрель — конференция в Бухаресте. Левский избирается членом БРЦК и утверждается представителем БРЦК в Болгарии.

30 июня — возвращение Левского в Болгарию и продолжение работы по созданию революционных комитетов в Болгарии.

Сентябрь — Левский приступает к реорганизации революционной сети, образует революционные округа.

20 сентября — экспроприация турецкой почты, приведшая к разгрому революционной организации.

26 декабря — арест Левского.

1873, 4—8 января — Левский перед турецким судом.

6 февраля — казнь Левского в Софии.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

История на България. Българска Академия на науките. Институт за Българска история, т. I. София, 1954.

История Болгарии. Академия наук СССР. Институт славяноведения, т. 1. М., 1954.

Благоев Димитр, Принос към историята на социализма В България. София, 1954.

Бурмов А., Български революционен централен комитет, 1868—1876. София, 1950.

Державин Н. С., История Болгарии, т. IV. М.—Л., 1948.
Косев Д., Новая история Болгарии. Перевод с болгарского. М., 1952.

Митев Иона, Кратка история на българския народ. София, 1951.

Натан Ж., Болгарское возрождение. Перевод с болгарского. М., 1949.

Стоянов Зах., Записки о болгарских восстаниях. Перевод с болгарского. М., 1953.

Страшимиров Д., Комитетско десетилетие. Сборник «България 1 000 години». София, 1930.

Левски Васил, Писма, статии, песни. София, 1941.

Бакалов Г., Нашите революционери: Раковски, Левеки, Ботев. София, 1924.

Бакалов Г., Васил Левски. София, 1934.

Ботев Хр., Казнь Васи́ла Левского. Перевод с болгарского. Избранное. М., 1948.

Вазов И., Левский. Соч., т. I. М., 1957.

Вазов И., Отверженные. Соч., т. 2.

Вазов И., В Кривинах. Соч., т. 2.

Вазов И., Апостол в опасности. Соч., т. 3.

Вазов И., Чистый путь. Соч., т. 3.

Гандев К., Васил Левски. София, 1945.
Дойчев Л., Левски в светлина. София, 1943.
Займов С., Васил Левски. Дяконът. София, 1895.
Займов С., Миналото.
Каракостов С., Васил Левски в спомените на
съвременниците си. София, 1943.
Каракостов С., Левски и Общи. София, 1942.
Клинчаров И., Васил Левски. Дяконът. София, 1924.
Кондарев Н., Васил Левски. София, 1946
Павлов Т., Христо Ботев, Васил Левски, Светозар
Маркович. София, 1946.
Станев Н., Васил Левски. София, 1923.
Стоянов Зах., Васил Левски. Дяконът. София, 1940.
Страшимиров Д., Васил Левски, т. I. Извори, София,
1929.
Страшимиров Д., Левски пред Къкринската голгота.
София, 1927.
Унджиев И., Васил Левски. Биография. София, 1947.
Васил Левски и неговите сподвижници пред турския
съд. Документа из турските архиви. София, 1952.

Стихи българских поэтов Х. Ботева, И. Вазова, Г.
Раковского, П. Славейкова, Д. Чинтулова даны в
переводах В. Арсеньева, А. Гатева, Я. Галицкого, М.
Зенькевича, В. Луговского, П. Семынина, А. Суркова, Г.
Тагамлицкой.

notes

Примечания

1

Урун Тутун! — Бей! Держи! (тур.)

Гяур — турецкое ругательное прозвище христиан, болгар. Кепек — собака.

Чорбаджи или чорбаджия — болгарское слово турецкого происхождения, означает «богате́й», «кулак».

4

Нет бога, кроме бога, и Магомет — пророк его.

Петровский цыпленок — оперившийся к Петрову дню, 29 июня. В Петров день едят цыплят.

6

Сеймены — турецкие жандармы.

Николай I.

Песня записана в 1925 году Д. Долапчиевым у 80-летней жительницы города Котела.

Бегликчия — сборщик налога с овец.

Юшурджия — сборщик десятой части с сельскохозяйственного дохода.

«Утешенье и терпенье два села похоронили», — болгарская поговорка.

Имеется в виду война 1828—1829 годов, когда русские войска подошли почти к Константинополю.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 394.

Ег. Ковалевский. Война с Турцией, стр, 227—228.

Келья — по-болгарски киля, отсюда и название училища — килийное.

«Виноградник не ждет молитвы, а ждет мотыги»,— болгарская поговорка.

«Аминь сундук не наполнит», — болгарская поговорка.

Дели — отчаянный, делибаш — разбойник, головорез (тур.).

Под «капитуляцией» понимаются неравноправные договоры, заключенные Турцией с рядом западноевропейских государств, в силу которых иностранные подданные получали в Турции различные торговые привилегии, судебную и религиозную неприкосновенность. Режим капитуляций был использован как средство полного экономического и политического закабаления Турецкой империй западноевропейскими державами.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 6.

Паша — высший чин в гражданской и военной администрации.

Кавасы — секретари.

Кады — судьи.

Так иносказательно Паисий говорил о русском народе.

Кошара — овчарня, загон для скота.

Скупщина — верховный законодательный орган Сербии.

По другой редакции плана: «тысяча двести человек, в их числе сто всадников и сто артиллеристов».

Караджа — серна (тур.).

Цитируется по книге проф. А. Л. Погодина «История Болгарии». СПб, 1910, стр. 175.

Священник Харитон — впоследствии видный участник Апрельского восстания 1876 года. Он привел свой отряд повстанцев на помощь IV революционному округу и, окруженный турками в Дряновском монастыре, после жестокого боя нашел там героическую смерть.

Зах. Стоянов, Васил Левски. София, 1940, стр. 41.

Д. Косев. Новая история Болгарии. И. Л., 1952, стр. 287—288.

При описании организации четы и ее похода автор настоящей книги пользовался записками командора четы, воеводы Панайота Хитова «Мое странствование по Стара Планине». Записки вышли в свет еще при жизни В. Левского, в 1872 году в Бухаресте, под редакцией Л. Каравелова. В 1877 году они появились в русском переводе в «Славянском сборнике» (СПБ, т. II, раздел IV, стр. 49—125).

Стара Планина и Балкан —два названия одних и тех же гор.

Османлии — турки.

Фессалия и Эпир — области Греции.

Писарь в чете — это нечто вроде начальника ее штаба.

Княжевац — пограничный сербский город.

Ив. Унджиев, Васил Левски. Биография. София, 1945,
стр. 212.

История на България, т. I, изд, БАН, София, 1954,
стр. 415—416.

41

Аратлик — приятель, друг (тур,):

В этой главе использованы воспоминания четника Ангела Обретенова, приведенные в книге З. Стоянова «Четите в България на Филип Тотю, Хаджи Димитр и Стефан Караджа».

Добро пожаловать! (тур.)

Феска — турецкий головной убор. Его носили также те болгары, которые хотели подчеркнуть свою преданность Турецкой империи.

«История на България», т. 1, стр. 420—421,

Так болгары называют половодье на Дунае в начале мая, когда цветет черешня.

В описании жизни и деятельности этого сподвижника Левского использованы «Материалы для биографии отца Матая Преображенского», собранные болгарским историком профессором Александром Бурмовым.

Граб — по-болгарски габр.

Братья Петр и Асен подняли в 1185 году восстание против византийского владычества, закончившееся признанием независимости Болгарии и вступлением на болгарский трон в 1187 году Асена I, принявшего титул царя. Основанное Петром и Асеном так называемое «второе болгарское царство» просуществовало до 1393 года, когда страна была захвачена турками.

Крали Марко (королевич Марко) — герой южнославянского эпоса, неустрашимый борец против турок, защитник сербского и болгарского народов.

Шоп — так зовут крестьян, населяющих западную Болгарию, главным образом окрестности Софии.

Ока — мера веса, равная 1 282 граммам.

Левский часто пользовался псевдонимом Аслан Дервиш-оглу. Эти турецкие слова означали: Аслан — лев, Дервиш — монах, дьякон, то есть те два имени, под которым он и был известен в революционной организации.

Красный Петко и белая Рада — виноградное вино и водка.

Пикет — румынский городок Бекет на берегу Дуная.

Попасть на турецкую каторгу в то время считалось быть заживо погребенным.

Киро Попов погиб в числе восьмисот с лишним карловчан, повешенных турками в 1877 году после отхода русских войск из Карлова. Повешенных за то, что посмели выразить радость при встрече русских воинов-освободителей.